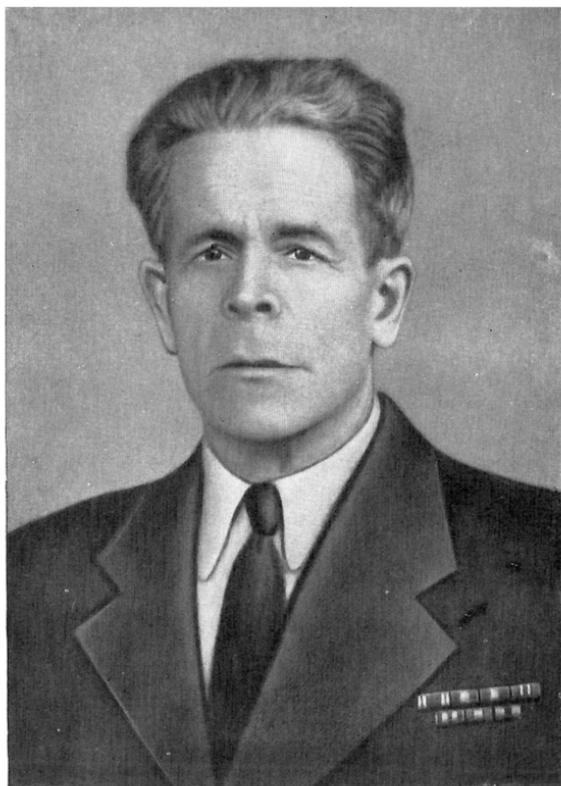

А. И. МЕДВЕДЕВ

По долинам
и по взгорьям

Александр Иванович
МЕДВЕДЕВ

В О Е Н Н Ы Е М Е М У А Р Ы

А. И. МЕДВЕДЕВ

*По долинам
и по взгорьям*

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1960

Александр Иванович Медведев — бывший рабочий Верх-Исетского завода г. Екатеринбурга (ныне г. Свердловск), добровольно вступивший в ряды Красной гвардии, а затем Красной Армии, — рассказывает о гражданской войне на Урале. Он описывает походы уральских боевых дружин против контрреволюционных отрядов атамана Дутова, героическую борьбу советских войск с белочехами и Колчаком в 1918—1919 годах.

На примере одной из лучших частей 3-й армии Восточного фронта — полка имени Малышева — в мемуарах хорошо показано, как под руководством партии большевиков в огне сражений росли и крепли Вооруженные Силы молодой Советской республики.

Воспоминания содержат много ярких боевых эпизодов, в которых раскрывается мужество красноармейцев, самоотверженно защищавших первое в мире государство рабочих и крестьян.

В книге рассказывается о замечательном уральском большевике, организаторе красногвардейских отрядов, военном комиссаре И. М. Малышеве, о легендарном герое гражданской войны В. К. Блюхере, комбриге Н. Д. Томине, о многих других командирах и бойцах.

Было начало апреля. Возвращаясь из школы в самом праздничном настроении, вбежал я во двор своего дома, захлопнул калитку и в сенях неожиданно почувствовал неприятный запах. Несмотря на бедность, мать всегда опрятно содержала дом, а сейчас пахло потом, грязью, одеждой человека, давно не мывшегося в бане. Снимая у дверей обуви — мать выскоблила пол добела, — заглянул на кухню. У стола, на лавке против отца, сидел незнакомый человек. Он был одет в коричневый домотканый армяк и весь зарос рыжими спутанными волосами. Космы свисали на лоб, сваялись плотными кочьями в бороде, из-под густых, лохматых бровей смотрели усталые серые глаза.

Я пробрался на цыпочках в горницу, тихонько сел к столу. Сквозь дощатую перегородку отчетливо доносилась речь незнакомца. Уловив слово «Сибирь», я начал догадываться, кто он.

Мне было известно, что через Урал идет много каторжан и ссыльных. О них в нашем заводском поселке, расположенном на окраине Екатеринбурга, рассказывали часто. Но видеть таких людей мне еще не приходилось.

Голос незнакомца был глуховатым и немного хриплым:

— ...Вывели нас четверых на тюремный двор и повернули в тот конец, где виселицы стояли. А утро серое, на перекладинах веревки ветром качает. Обернулась ко мне Наташа, губами пошевелила: сказать, видно, что-то хотела... Эх, думаю, ребенок она ребенок. Ну повесили бы

меня одного... Помогли мне товарищи на помост взойти: слабый я был тогда, крови много потерял. А Наташа сама на себя петлю надела, и не успели нам приговор военно-полевого суда дочитать, как она вдруг, крикнув что-то, прыгнула с помоста. Не дождалась... Опомившись я уже в лазарете. Рассказали мне потом, что помилование нам всем вышло. И меня, значит, на пятнадцать лет в Сибирь...

В кухне со всхлипом вздохнула мать, высморкалась в фартук:

— И молодая она была, жена-то твоя?

— Двадцать два года.

— Эко! — снова вздохнула мать. — Жить бы еще да жить ей, сердечной.

— По амнистии, значит, идешь? — спросил отец.

— По амнистии иду, из Сибири в поднадзорную ссылку, — ответил незнакомец.

Человек этот живет у нас весь день. Улучив минуту, я дергаю отца за пиджак:

— Тятя! А за что его вешать-то хотели?

Мать сердито прикрикнула:

— А на что тебе знать?

— Ничего, пусть знает, — возразил отец, — поди, не маленький уж... Бунт был в Москве. Тому годов семь или восемь уже. И этот там был... Вон как!.. И хотя из благородных, видать, но за наше, за рабочее дело боролся.

На следующий день я был рассеян на уроках, все думал о нашем вчерашнем госте. А дома меня уже поджидала еще одна новость.

Едва я примостился к кухонному столу «долбить» историю, со двора вдруг вбежала взволнованная чем-то мать и растерянно остановилась на пороге.

— Что случилось? — спросил отец, собирающийся в ночную смену.

— Павел-то Королев... вернулся.

— Да ну?!

— Своими глазами видела. Копаюсь я на грядке сейчас, смотрю, кто-то по двору ходит у Королевых. «Кто бы?» — думаю. Самому-то рано с работы быть. От Ольги письмишко не так давно из Тюмени было — приехать не собиралась. Подхожу поближе — шагает какой-то, морщины вот эдак-то по лицу, а знакомый будто... Ходит и все руки за спину. Смотрю. батюшки. Паша!.. «Здравств-

вуй, Павел Егорыч, говорю, давно ль прибыл?» А он глянул на меня эдак чудно — и ни словечка.

— Не признал, верно, — сказал отец, торопливо поднимаясь с места...

Мы поспешили в огород. Во дворе у Королевых все еще вышагивал высокий, сутулый человек. Отец заговорил с ним непривычно ласковым голосом, но человек пугливо посмотрел в нашу сторону и, сгорбившись, молча заспешил к дому. Отец покачал головой и нахмурился.

— Тятя, а чего это он? — несмело спросил я.

— Не видишь, что ли? — рассердился отец. — Загубили парня, ироды! Семь лет в одиночке — легко сказать!.. Конечно, не в себе он теперь.

Я хорошо помнил Королева. Сын зажиточного угрюмого медника, Павел сызмальства не захотел работать в мастерской отца и подался в типографию. Он был ласковым и тихим парнем. Когда шел, бывало, с работы в дни получки, то обязательно подзывал кого-нибудь из нас, уличной мелкоты, и вынимал из кармана гостинец — конфетку или розовый пряник. В свободные часы возился в саду, вполголоса напевал незнакомые песни. Если кто подходил к забору, Павел обрывал пение и оглядывался, виновато улыбаясь. Но однажды летом в дом Королевых нагрянули жандармы. Старый медник повел их в баню, и оттуда жандармы вынесли какие-то свертки и оружие. Вскоре из дому вывели Павла. Он был без шапки. Мягкие волосы его трепал ветер, руки были связаны. Медник стоял у ворот, исподлобья смотрел на все происходящее. Поравнявшись с ним, Павел тихо сказал: «Спасибо, отец!» — и плюнул ему в лицо.

В этот день жандармы рыскали по всей улице. В каждой избе побывали они с обыском и вместе с Павлом взяли еще троих: кузнеца с дальнего края улицы, соседа Михайлу и Илью — нашего зятя.

К отцу часто приходили рабочие, и от них я узнал, что Павел прятал в бане оружие и листовки. Какие листовки — я не понял, но понял другое: Павла выдал отец, старый медник. Выдал не одного сына, а и кузнеца, и Илью, и соседа Михайлу. Рассказывали, что Павлова сестра Ольга, на все руки мастерица и певунья, каких мало, узнав об этом, связала в узелок свои вещички и ушла из дому, не сказав отцу ни слова. Потом Павел был приговорен к смерти, но помилован царем и упрятан в

Питерскую тюрьму, в одиночную камеру... И вот он вернулся, по годам молодой, а на лицо старый-старый.

— Не жилец на свете Паша-то, — горестно вздыхала мать. И оказалась права: через две недели Павел умер от чахотки.

Это меня так поразило, что я просидел тогда за столом до глубокой ночи.

— А ты все за книжкой? — заглянул в горницу отец. — Хороша грамота, слов нет, да тоже меру знать надо... Вон Королев-то Паша, покойный, читал книжки, читал... Говорили ему люди: «Брось ты свои читалки, не доведут они до добра!» А он, знай, посмеивается: «Нет, говорит, буду читать, правду знать охота». Вот и дознался, грамотей!

Мне хотелось спросить, какую такую правду искал в книжках Павел Королев, но отец уже подкручивал фитиль лампы, и мне пришлось ложиться спать, так и не разрешив этого вопроса.

Весна в том году выдалась на редкость теплая. Я лежал в зеленой мягкой траве под черемухой и смотрел сквозь ее тонкие ветки на далекие белые облака. Хорошо!.. Как во сне вспоминались последние экзамены, прощание с Елизаветой Петровной. Какая она добрая!.. И справедливая тоже! Вон Мишка Дроздов, даром, что сын подрядчика, а однажды заработал у нее двойку. Пришел отец просить, а она ему при всех:

— Не могу, Илья Ефимович, ставить вашему сыну оценку бóльшую, нежели он заслужил. Сами посудите: какой же это будет пример для других?

Вот она какая Елизавета Петровна! А Мишке Дроздову так и надо: первый лодырь был в классе. Если бы не отец да не его подарки протопопу — председателю попечительского совета нашей церковноприходской школы, — не видать бы Мишке горного училища.

Да, счастливый все-таки Мишка. Обучится горному делу и будет тоже вроде «из благородных», начальником заводским... Но лучше все же быть таким, как Робин Гуд...

И вот я уже сижу в ветвях могучего дуба, на мне зеленый плащ, а вокруг шумит Шервудский лес. По дороге идут двое. Напрасно высокий кутается в темный плащ:

когда ветер раскрывает его полы, под лучами солнца блестит золотое шитье дорогого камзола. Да и у толстого монаха с бегающими пьяными глазками, как у нашего дьячка, верно, кошелек туго набит деньгами.

Спрыгиваю наземь:

— А ну, развязывай кошельки! Да поживей! Людям есть нечего, а вы наживаетесь...

Железная щеколда нашей старенькой калитки издает резкий звук, который нисколько не похож на мелодичный звон золотых монет. Я оборачиваюсь и вижу отца. Он весь в копоти и саже: вернулся с работы.

За обедом он долго молчит, искоса взглядывая на меня. Мать вздыхает.

— Ну, сынок, — начинает отец, покончив с нехитрым обедом, — учить тебя дальше нам не на что. И рад бы — да капиталов на это дело мы еще не нажили...

— Так я же на круглые пятерки кончил?!

— Ну и что?

— Так принимают же тех, кто с пятерками, на казенный счет... в семинарию.

— Это на дьякона или попа, что ль, учиться? — усмехнулся отец. — Нет, брат. О таком брось и думать. Не было еще у нас в роду долгогривых-то. Нас вся улица просмеет: «Вон, мол, у Игнатъича сын-то в попы подался!..» Нет уж лучше так проживем, как жили. Пойдешь завтра со мной, нашу семинарию кончать будешь. Небось грамотному-то и на заводе легче.

— Отцу-то дьякону заплатил ли? — спросила мать.

— Все в самый аккурат, — успокоил отец, — Сашке в метрике уже лишний годок приписан. Теперь без этого нельзя: насчет годов на заводе строго: чтобы только с четырнадцати...

Мать с грустной улыбкой погладила меня по голове:

— Вот, Санейко, ты у нас сразу на годок и вырос.

На следующее утро мы с отцом поднялись вместе и, быстро позавтракав, задолго до гудка отправились на наш Верх-Исетский завод.

На заводском дворе и в цехах бывал я и раньше, нося иногда обеды отцу — листовому мастеру. Но в тот день заводской лязг и грохот, копоть, блики пламени и светлые фигуры людей подействовали на меня по-новому. Я съежился от страха и почувствовал себя маленьким и жалким.

Мы очутились в большущем длинном цехе, где лежали стопы железа, еще пышущего жаром. Отец подвел меня к молодому рыжеватому рабочему с солдатской выправкой:

— Возьми, Решетников, моего парнишку, малый смышленный, да и училищу кончил. Со старшим мастером Алексеичем уговор уже состоялся.

Рабочий молча кивнул. Отец улыбнулся на прощание и ушел.

Решетников подвел меня к стопе железных листов, уложенной на огромный верстак.

— Дело твое, парень, будет такое: сядешь напротив меня верхом, за стопой, вон на ту железную болванку...

— Это на ту, высоченную? — спросил я.

— Уж какая есть, — пожал плечами мастер. — Будешь, значит, у меня за писаря, за помощника. Я тебе буду сорт выкликать, а ты штемпелем вот этим ставить. Первый сорт — один раз, второй — два раза, третий — три. Ставь хорошенько, чтобы видно печать было, а то — штраф. И вон на ту, железную дощечку, тальковым карандашом каждый сорт записывай по отдельности, черточками в строку. Потому ты и будешь считаться писарем. Эту стопу, пудов на двести весом, мы до обеда должны разбраковать. Да поберегись: листы горячие, спалить руку недолго... Ну а зубилом длинным углы будем отгибать, кои загнутые попадутся. В общем, работа бойкая — не зевай.

Я посмотрел на громадную стопу листов и принялся за работу.

Трудился сосредоточенно, боясь в чем-нибудь ошибиться. Сразу понял: это не дом и не школа, тут нельзя дать себе волю или поблажку какую. На заводе шутки плохи...

— Намаеялся? — спросил меня мастер, когда мы, покончив с нормой, сели обедать.

Я отрицательно помотал головой: не признаваться же, в самом деле, что устал с непривычки!

Когда обедали, в цех зашел хорошо одетый высокий человек с пышной светлой шевелюрой.

— Это Шпынов, — с уважением сказал Решетников, — начальник прокатки. Голова! Знает толк в деле... Зато как поломка какая — держись! В пух и прах разнесет виноватого. Из благородных. Барин. Однако, говорят, сосланный из Перми за что-то.

— А тот, что приходил к нам давеча — плюгавый и с глазами, как у лягушки... Кто он?

— Тот Волокитин... Надзиратель здешний. — Решетников презрительно сплюнул. — Гроза деревянная...

— А почему на заводе не все в лаптях? — снова спросил я.

— Эх, дурья голова, — засмеялся Решетников, — соображать надо: в лаптях ходят только прокатчики, да еще листобойщики. Им сподручней. Обутка легкая, не жмет, денег много не просит. В общем, баретки в двадцать четыре клетки... А вон этот прошел, гляди! — указал мне мастер на крепкого плечистого парня. — То Соловьев. Любит он над вашим братом, новичками, шутки шутить... Ты его поостерегись.

Мало утешительного обещало это предостережение. И в жаркий, майский полдень мне стало вдруг зябко, а в горле зашекотало от горькой ребячьей обиды. И чтобы не расплакаться на виду у рабочих сортировки, заканчивающих свой обед, отошел я к изгороди надшлюзового помоста, по которому с шумом катила рыжая вода, отработанная в турбинах листобойки и старой листопрокатки...

Но когда мы с отцом возвращались домой после смены, я, усталый, несколько подавленный непривычной тяжестью первого трудового дня, все же испытывал и чувство гордости: сам, своими руками заработал сорок копеек. Старался подражать отцу в походке: шагал широко и тяжело, немного вразвалку. И во взглядах сверстников, играющих на улице, видел уважение. Шутка ли — мастеровой человек с работы идет!

Тяжело доставались мне первые трудовые копейки. После каждой смены руки, казалось, готовы были отвалиться прочь, в голове от чада и грохота гудело, перед глазами все плыло и кружилось.

Нас, подростков, было в цехе много. Особенно подружился я с троици: маленьким и расторопным Витькой Суворовым — моим соучеником по школе, Пашей Быковым из листопрокатки — худым, высоким, с сердитыми голубыми глазами и Сенькой Шиховым — веселым рыжеватым парнишкой, гораздым на шутки и озорные выдумки.

Вскоре я уже знал, что у Павлуши двоюродный братишка Герман работает в механическом цехе, а у веселого Сеньки отец — сапожник и пьяница.

— Он у меня, брат, не простой, отец-то! — подмигнув, сообщил мне Шихов.

— Это как же не простой? Из золота, что ль?

— Не-е, какой из золота! — махнул рукой Сенька. — Пьяница он... Вот ты, к примеру, в раю был?

— В раю?!

— Да!

— Не был. А ты?

— И я нет. А вот отец однажды был.

— Это как же так?

— А вот так! Приходи как-нибудь к нам в гости, он расскажет.

Насчет рая я усомнился, но к Сеньке в гости решил сходить обязательно.

Стало мне известно и о том, как «шутят шутки» над новичками. Пашин брат, Герман, неделю ходил с перевязанной рукой. Во время обеденного перерыва, пока он сидел у нас, в сортировке, кто-то накалил ручку его инструмента, и Герман сильно обжег ладонь.

Соловьев и его приятели обычно ватагой приближались к кому-нибудь и издевались, начиная нарочито-ласково: «Новичок, значит? Так-так...» А кончалось дело грубой бранью.

Решетников в таких случаях хмурился и говорил строго:

— А ну, отойди, ребята! Не балуй!

Не знаю, то ли его боялись, то ли уважали, но задиры всегда отходили прочь без лишних слов. Однако я держал ухо востро, опасаясь каверзы.

Как-то в воскресенье отец вернулся с «толкучки» и позвал меня:

— Санейко! Иди сюда, гляди обнови!..

На столе лежало старенькое ружьишко-шомполка и какого-то неопределенного цвета от долгой носки, но все еще жесткая шляпа-котелок. Я нацепил шляпу на голову, погляделся в мутное зеркало и понравился себе. Шляпа напомнила мне о сказочном мире Робин Гуда. Потом схватился за ружье: здорово!..

Отец довольно улыбался:

— Ходи, ходи по праздникам на охоту в лес... Развлекайся! А в шляпе не пыльно робить будет.

Но мать не одобрила покупки:

— Добротная шляпа, конечно, и не так, чтобы дорого, да мальчонке не к лицу. Еще и просмеять могут.

Но я сразу выскочил на улицу похвастать обновами перед товарищами.

А утром у входа в цех меня окружила соловьевская ватага. Кто-то надвинул «котелок» на глаза, кто-то насмешливо выругался, кто-то свистнул, кто-то, заглядывая мне в лицо, с притворным почтением спрашивал:

— Саня-барин, почем шляпа?

Этот день в цехе был для меня самым тяжелым. Барин! Какой же я барин? Проклятая шляпа! От горькой обиды к глазам подступали слезы.

Возвратившись домой, я, ни слова не говоря хлопочущей у печи матери, схватил ружье и убежал в огород. Там прикрепил к стене бани свою злополучную обнову и расстрелял ее в клочья.

На выстрелы выбежала мать.

Я припал к ее плечу, расплакался и рассказал все, что мне довелось пережить за недолгое время работы на заводе.

Отец, услышав эту историю, нахмурился, положил ладонь на мои вихры и сурово сказал:

— Терпи, казак, — атаманом будешь!

И я терпел. Терпел, когда в цехе мимоходом спрашивали:

— А где твоя шляпа? Или хозяин ей не ко двору пришелся?

Терпел, когда окликали:

— Эй, Сано-барин, поди сюда!

Не знаю, долго ли еще ходил бы я в «баринах», если бы подручному Соловьева не пришло в голову сыграть со мной новую шутку.

Как-то во время обеденного перерыва я пошел к отцу в листовойку. Уходя, прочно укрепил сиденье-болванку, засунул ее одним концом в стопу остывающего железа, а вторым — в щель стены... Возвратившись на рабочее место, вскочил на болванку, как обычно, с разбегу. И вдруг она с грохотом сорвалась. Я полетел вниз. Па-

дая, произвольно схватился руками за выступающие углы неровно уложенных железных листов — и света не взвидел от боли: горячие и острые кромки обожгли руки, сорвали кожу с ладоней. А подстроивший это верзила стоял неподалеку и нагло хохотал, держась за бока. Не помня себя от боли и ярости, я схватил первое, что попало под руки — зубило, и изо всей силы швырнул его в ненавистную, хохочущую рожу...

Помощника Соловьева увезли в больницу, мне перевязали руки заводской фельдшер, а все, что произошло между нами, начальник цеха предпочел замять. Я слышал, как он говорил рабочим:

— Смотрите, не болтать у меня! Если до Шпынова дойдет, ребятам не выкрутятся. Он на эти дела — зверь лютей! Сказано — несчастный случай — и точка.

Несколько дней я не работал, а когда вернулся на завод, меня остановил в проходной Сеня Шихов:

— Чего к нам не заходишь? — И, помолчав, добавил с уважением: — А важно ты этого зубилой-то саданул.

В воскресенье я надел новую рубаху, начистил сапоги ваксой и пошел в гости к Шиховым. В захламленном и нечистом дворике стояли, к моему удивлению, две избы. Одна была совсем разваливающаяся, а вторая покрепче. На крыльце второй избы показался Сенька.

— А, пришел! — обрадовался он. — Ну, давай заходи. Только не удивляйся: у нас тесно.

Бедно жила наша семья, но такой бедности, какую я увидел в Сенькином доме, мне еще не доводилось встречать. В углу, под закопченными образами, стоял хромоногий стол. У маленьких слепых окошек — две лавки. На одной из них — ящик с сапожным инструментом и лоскутами кожи. Вдоль стены, где не было окон, тянулись нары. В углу лежало тряпье, а на печи — две глиняные плоски, пустая бутылка и куча деревянных ложек. Я даже растерялся... Но еще больше оторопел в следующую секунду, когда глянул вниз: на полу копошилась куча малышей, причем все девочки. Они пищали, куда-то лезли, что-то тащили. Увидев Сеньку, дети кинулись к нему.

— Восемь девок — один я! — подмигнул мне Сеня. — Матери нет, так я у них за хозяйку. Туда девки, куда я!

— А где мать?

— К соседке направилась соли занять. Пойдем во двор, что ли?

Мы вышли. Сестренки гурьбой выкатились из избы во двор следом за нами и загалдели, разбегаясь в разные стороны.

— А вон и отец, — кивнул головой Сеня.

Отец сидел на солнышке, на завалинке старой избы, и дремал.

— Сень, а почему у вас две избы?

— Старая негодная стала — так дед новую выстроил. В ней и живем.

— А вы бы в ту квартирантов пустили, — посоветовал я, — все прибыль.

Сеня не обрадовался моему совету. Он равнодушно пожал плечами и рассудительно сказал:

— Не пойдет туда никто жить-то. Очень уж негодная изба. Да и зачем они нам, квартиранты? Все равно деньги отец пропьет. Пойдем лучше к нему, пусть про рай расскажет...

Он дернул отца за рукав и кивнул в мою сторону:

— Тятя, вон он, тот парень, про которого я тебе рассказывал. Смотри!

Морщинистый, краснолицый человек пожевал губами и взглянул на меня. Глаза у него были мутные, с красными веками, и от его взгляда мне стало неловко.

— Здравствуй, дядя, — пробормотал я.

— Так это ты, значит, того парня зубилой-то по голове? — спросил он.

— Я...

— Так и вперед делай.

— Чего там вперед, — перебил его Сеня. — Ты лучше ему про то, как в раю побывал, расскажи, и как оно там вообще... в раю-то...

— Как побывал? Так и побывал... Ничего тут, парень, особого нету. Побывал, и все...

— А как там, в раю? — не унимался Сенька.

— В раю как в раю... люди, они люди и есть... Что тут, что в раю... И начальство там тоже, как и здесь. Да-а-а. Много, парень, начальства... И еще тес у них там... Ну, дешевый! Много тесу! Прямо хоть даром бери!

— Это почему же? — спросил я, совершенно сбитый с толку.

— А потому, мил человек! Соображение иметь надо! У нас тут что? Ежели, скажем к примеру, помер человек — ему что? Сразу гроб требуется. А гроб-то из чего

делают? Из тесу! Ага? Вот тут она заковыка-то и есть. Там ведь, в раю-то, люди не помирают. Зачем им еще раз помирать, коли они и так в раю? Вот оно тес-то и сберегается...

Эта длинная речь, видимо, совсем утомила Сениного отца, он свесил голову на грудь и сонно забормотал что-то.

— Пьяный, — с сожалением вздохнул Сенька, — с самого утра. Потому и рассказал плохо. Ладно. Пошли на то крыльцо. Я сам тебе расскажу.

Мы перешли на крыльцо избы, и он начал рассказ:

— Пьяница ведь он у нас, отец-то. Сам видишь. Сперва на медной шахте робил, потом завал там был. Сидели шахтеры под землей три дня. А как откопали их, начальство все на отца взвалило: плохо, мол, подпоры ставил, оттого и обвал. Ну его и выгнали. Он совсем запил. Пришел как-то раз домой еще по-за тем летом пьяный. Мы уже спим. И мамка спит. Лег он прямо на пол и уснул тоже. А утром мы встаем — видим: отец-то помер. Охолодал уже. Ну, мамка в голос... Пришли бабки. Обмыли, а там и гроб принесли, зелень пихтовую... Положили его в ту, старую, избу и позвали дедушку Кузьмича святое заупокойное писание читать. Знаешь, поди, дедушку-то Кузьмича? Ну вот. А он, дедушка-то, и сам, значит, выпить не дурак. Почитает-почитает, нальет стакашек, выпьет... Ну мы ему на ночь сороковку за труды поставили и закусить там, что требуется... И вот на вторую ли, на третью ли ночь — только не на первую — читает дедушка, стаканчик налил, отхлебнул от краев... Потом еще почитал, тянет руку за стаканчиком-то. Хлоп! Нет стаканчика. Он как глянул, так и обомлел: сидит, значит, отец в гробу, во всем покойничьем и остатки из стакашка себе в горло опрокидывает... Дедушка-то как сиганул на улицу через открытое окошко и давай «караул» кричать... Мы на дворе спали, вскочили, смотрим: а отец из окна глядит...

— Чего же это с ним было? — спросил я, потрясенный услышанным.

— Да одни говорят, сон такой был... литарический какой-то... А соседи вон считают, что все от пьянства... Вот он какой у меня, отец-то.

еприметно появился в нашем цехе мастерской Николай Сивков. Поначалу он был необщителен, молчалив, ничем из рабочей среды не выделялся, и мы, заводская мелкота, не сразу обратили на него внимание.

Душой нашей компании был Сенька Шихов, бойкий, веселый, острый на язык.

В обеденные перерывы ребята всегда толпились вокруг него. Садились мы, бывало, где-нибудь в уголок и, наспех покончив с едой, заводили разговоры.

— Вот Сашка саданул зубилой того, помните? — начал однажды очередную беседу Сенька. — Давайте, хлопцы, подумаем, как бы нам и самого Соловья-разбойника проучить.

— О чем разговор идет? Можно присоединиться? — спросил высокий худой парень, подойдя к нам.

Это и был Сивков.

Мы переглянулись, но Витька Суворов сразу оживился и подвинулся:

— Садись, садись, дядя Николай... Тут вся наша компания...

И, повернувшись к нам, пояснил:

— Дядя Николай мамке деньги приносил, когда отца «за политику» в тюрьму посадили...

— А про это много говорить не следует, — серьезно сказал парень.

— Так я же не всем... Это же свои ребята. Им можно, они не проболтаются... Мы, дядя Николай, про Соловьева толкуем: как бы проучить его.

Н. Сивков
(снимок 1928 г.)

— А зачем вам Соловьева учить? — улыбнулся наш новый знакомый. — Вы держитесь все вместе, дружно, артелью — и никто вам не будет страшен.

Сивков еще немного посидел с нами и ушел.

Его совет нам понравился.

Канун петрова дня совпал в том году с воскресеньем. В субботу наши мастера поспешили скорей закончить сдельщину и засобирались домой. Мы спрудились у чьего-то верстака и стали обсуждать планы на петров день. Цех почти опустел. В это время появил-

ся надзиратель сортировки Волокитин.

— А ну, огольцы, — обратился он к нам, — забирай метлы — и мигом убрать цех.

Вот тебе и раз! Выходит, спешили-спешили, работали-работали — и зря?.. Побокую теперь и лес, и голуби...

— Да ведь мы... — начал было Витька, но, увидев, что Волокитин уже ушел, безнадежно махнул рукой. — Эх жизнь!..

— У, Гроза деревянная! — погрозил Сенька кулаком.

Мы растерянно смотрели друг на друга, решая, куда же идти: за метлами или домой. Уборка цеха — работа не наша, а послушаться боязно.

— Ну что, ребята, напустила вам Гроза пыли в глаза, нагремела, напыхтела и в лес улетела?

Обернувшись на этот голос, мы увидели Сивкова.

— А! Дядя Коля, — улыбнулся Витька.

— Ну, чего невеселы, буйны головы повесили? Цех убирать неохота?

— Ох, неохота, дядя Николай!

— А вы и не убирайте. Это сторожам делать положено, а их, должно, Гроза к себе домой послал конюшню чистить. Идите домой.

— А ежели оштрафует? — сомневался Витька.

— Не оштрафует. Ты свои сорок копеек честно заработал нынче?

— Ну, честно.

— Раз честно, иди домой. А уж ежели у него хватит совести оштрафовать — бастуйте. Из цеха не уходите, а работать не работайте. Мастера без вас как без рук. Цех встанет, Гроза напугается и отменит штраф. Понятно?

Еще бы непонятно! Понятно, как по-писаному. Мы уже собрались навести лыжи, но Николай остановил нас:

— Только чур! Не болтайте, кто вам такую штуку присоветовал, а то меня за этот совет могут, пожалуй, и с завода попросить вежливым манером...

Дома за ужином я рассказал об этом происшествии. Мать беспокойно покачала головой:

— Ох, допрыгаешься, забастовщик!..

Но отец одобрил:

— Решили вы правильно. Штрафовать вас Гроза деревянная навряд ли будет. Чать, еще в пятом году штрафы законом отменили. И в книгах про то написано...

Долго тянутся трудовые дни, быстро летят праздники. Вернувшись в цех, мы узнали, что Волокитин все-таки оштрафовал всю нашу компанию.

— Что делать будем? — спросил Павел.

— Как что? — удивился Сенька. — Что решили, то и будем.

— Это он не по закону! — поддержал я Шихова. — Тятя сказывал, еще в пятом году закон вышел, чтобы штрафы отменить.

— Эй, вы, забастовщики, — торопили мастера, — а ну, давай заступай на работу.

— Нет, — покрутил головой Сенька, — робить не заступим.

— Это почему же? — поинтересовался Решетников.

— Уговорите Грозу, чтобы штрафа не было, тогда заступим!

И вся наша ватага вышла из цеха и расположилась у входа, на солнышке.

Мастера стали совещаться: без помощника много не наработаешь, а время-то идет!.. Кое-кто ворчал, но Решетников согласился с нами:

— Надо помочь мальчикам. Зря их оштрафовали.

По дорожке, ведущей к цеху, вприпрыжку бежал Волокитин.

— Ах, зачем эта ночь... — напел он жиденьким тенорком.

Увидев нас на припеке, оборвал пение, вытаращил глаза и зашипел:

— Эт-то что такое? Почему не на работе?

— Потому что штрафуешь зря!

— Не по закону это!

— Сыми штраф — заступим робить.

Волокитин даже рот раскрыл от неожиданности. А когда понял, что мы не шутим, затопал ногами, заорал в ярости:

— Уволю, мерзавцы! Всех уволю!

— Пошто обутки бьешь, Иван Васильич, — подошел к нему Решетников. — Все равно на их штраф новых не сошьешь. Ставь им за субботу полный день — и точка.

Гроза деревянная рассердился пуще прежнего.

— Начальнику прокатки пожалуюсь! — завизжал он и кинулся к управлению.

— Ну, робя, беда, — покрутил головой Витька, — как пристукнет нас Шпынов — мокрое место останется...

— Не каркай, — хмуρο оборвал Сенька.

Шпынова боялись все. «Без причины не налетает, а налетит — держись!» — говорили о нем старые рабочие. Мы присмирели.

«А не убраться ли подобра-поздорову в цех на место?» — начал подумывать я, но было поздно: Шпынов уже шел к нам, покусывая кончик светлого уса. У входа в цех он остановился, посмотрел по сторонам и обратился к семенившему за ним Волокитину:

— Так где же ваши забастовщики, Иван Васильевич?

— Вот-с, — указал на нас Волокитин.

Начальник прокатки нахмурился, посмотрел еще раз направо, налево, даже вверх взглянул и возмутился:

— Где? Говорите ясней! Не вижу!

— Вот-с, эти-с...

— Что-о-о?! — брови Шпынова взлетели на лоб. — Эти?! Шутить изволите, милостивый государь!..

— Помилуйте-с, Николай Николаич, какие шутки! Мальчишки-с, хамы-с, забастовку объявили...

Начальник прокатки запыхтел:

— Ну-с, допустим... Так кто же организатор и зачинщик этих... с позволения сказать, забастовщиков?..

— Вот-с! — Волокитин схватил за шиворот одной рукой меня, а другой Сеньку. — Они-с!

Шпынов усмехнулся, глядя на нас, и спросил несердито:

— Ну, так с чего же это вы задурили, господа зачинщики?

Сенька, немного путаясь, но в общем толково изложил всю историю. Начальник прокатки все усмехался. Эта усмешка успокоила меня, и, когда Сенька кончил, я вставил свой аргумент, казавшийся мне самым убедительным:

— Нас не по закону оштрафовали! Штрафы отменили в пятом году. И в книжках про то написано.

— О! — удивился Шпынов. — Да ты, брат, ученый?! И что ж, читал ты эти книжки?

— Читать не читал, а люди сказывали, — объяснил я.

— Так-так, учитесь, Иван Васильевич, у своих «забастовщиков», они пятый год лучше вашего помнят...

— Николай Николаич! — закричал рабочий из прокатки и, подбежав к Шпынову, что-то сказал ему на ухо.

Шпынов побагровел и заторопился в прокатку.

— Николай Николаич! — в отчаянии уцепился за него Волокитин. — А как же со штрафом-то быть? Наказать же их надо-с, для острастки-с...

Начальник прокатки круто повернулся и рывкнул прямо в лицо обомлевшему Волокитину:

— К чертовой матери! Отменить сию же минуту штраф! Тут без конца аварии с оборудованием, а вы мне рабочих мутите штрафами своими дурацкими!..

Помолчал секунду и выразительно закончил:

— Чучело!

Удивительно коротким показалось мне лето 1913 года. Вырваться в лес, на реку — в тишину, в прохладу, где, кроме птичьего гомона, ничего другого и не слышать, — удавалось ненадолго. А потом опять завод: духота, дым, грохот и работа — до ломоты в плечах, до кровавых кругов перед глазами. Теперь особенно понятным стало давно известное слово «чертоломить», то есть работать не разгибая спины.

Наша ребячья ватага торжествовала свою великую победу над грозой Волокитиным, хотя об этой победе почти никто и не знал. Рассудительный не по годам пятнадцатилетний рабочий сортировки Федька Зотин, заметив наше непомерное торжество, словно окатил нас ушатом холодной воды:

— Кабы вам Никола не присоветовал да Решетников не помог, ничего бы вы не смогли сделать. Ясно?

Было, конечно, ясно. Мы понимали, что Зотин говорит сущую правду...

Еще в день моего прихода на завод меня заинтересовал Шпынов — личность загадочная. Решетников сказал мне, что начальник прокатки почему-то сослан сюда из Перми. Слово «ссылка» делало Шпынова в моих глазах героем: ведь нашего Илью, и рыжего, который заходил к нам весной, и Павла Королева тоже ссылали, правда, в Сибирь... Знание Шпыновым своего дела, умение работать вызывали уважение к нему. Даже старики отзывались о нем одобрительно:

— Мастак! Видать сокола по полету.

Рассказывали также, что Шпынов каждый год ставит приезжающего к нему на летний отдых сына Сергея — студента Петербургского технологического института — на работу в листопрокатный. Сергей трудится вместе со всеми, и спрос с него не меньше, чем с любого рабочего.

Хлопотами того же Шпынова на заводе строился новый цех, «секретный». Там начали оцинковку железа по новому, немецкому, способу. Но немецкий завод, который поставлял нам цинк и оборудование, запросил за рецептуру бешеные деньги. Говорили, что Шпынов разъярился, узнав об этом, и поклялся найти свой, русский, способ цинкования.

Наступила зима. Все шло по-старому. Но вот однажды в феврале к нам в сортировку вбежал инвалид — рассыльный Шпынова — и громко, чтобы перекричать лязг железа, позвал:

— Эй, Зотин! Медведев! Айдайте живо к Николай Николаичу!

Я растерянно глянул на Федьку, а он на меня.

— Пошли! — вздохнул Зотин, и мы поплелись в кабинет начальника прокатки, не ожидая ничего хорошего.

Стол в кабинете был завален книгами и бумагами. Шпынов посмотрел на нас, усмехнулся в усы и проговорил:

— Ну, здорово, молодцы... забастовщики...

Мы пробормотали в ответ что-то несуразное. Так и казалось, что Шпынов сейчас вскочит, страшно закричит, затопает ногами. Но он, продолжая улыбаться, объявил:

— Вот что, ребята! Перевожу вас обоих в новый цех, на выучку. Будете сменными подручными мастеров-цинковальщиков. Зотин, как старший годами, будет получать в день семьдесят копеек, Медведев — шестьдесят... Но чтобы работать прилежно! Лоботрясов не потерплю! Со временем сами мастерами будете. А вздумаете баламутить — в порошок сотру! — пригрозил он на прощание.

Дома весть о моем переводе в новый цех встретили радостно. Мать, довольно улыбаясь, наставляла меня:

— Ты уж, Санушко, старайся. В люди выйдешь через образование-то свое...

— Говорил же я тебе: с грамотой-то и на заводе не в последних ходить будешь, — удовлетворенно высказался отец.

Так в начале 1914 года неожиданно-негаданно стал я кандидатом в мастера «секретного» цеха.

В первый же день работы на новом месте меня поразила своей загадочностью машинка в стеклянной будочке, запертой на замок. На машинке был циферблат, как у часов, она стояла на полированном столике, и от нее тянулась к ванне с металлом резиновая трубка с наконечником. Увидев, что я заинтересовался прибором, Пьянков, мой сменный мастер, пояснил:

— Градусник это! Для замера тепла в ванне. А попросту — ябедник.

«Почему ябедник?» — подумалось мне, но расспрашивать дальше не посмел.

В последний день масленицы я вышел на улицу погулять. Молодежь и шустрые подростки, одетые во все самое нарядное, толпились у высоченных угоров, играли на гармошках, пели песни. Лихие забавники катились вниз: кто гурьбой, кто в одиночку, кто парой — сам-друг с принаряженной девушкой.

Заводской нарядчик неожиданно оторвал меня от веселья. Объявил, что вместе с Зотиным и помощником мастера я наряжен разогревать металл в ванне. Завтраш-

няя оцинковка должна была начаться в срок, несмотря на праздник.

Когда пришел в цех, Зотин был уже там.

— А, Сано, здорово! — приветствовал он меня. — Вдвоем, значит, робить будем?

— Почему вдвоем? А мастеров помощник?

— Фь-ю! — присвистнул Федя. — Эх чего захотел... Станет тебе мастеров помощник последний день масленки пропускать! Не будет он дежурить, и думать нечего. Вдвоем чертоломить придется, брат.

На заводе стояла непривычная тишина. Она изредка нарушалась лишь звоном колоколов Успенской церкви.

Дежурить сговорились по очереди. Федька, завернувшись в полушубок, заснул. А я подкинул топлива, чтобы сохранить нужную температуру, прислонился спиной к теплой стенке ванны и, осторожно вытащив из-за пазухи взятый в библиотеке роман «Три мушкетера», тронулся по дорогам Франции вместе с беспокойным д'Артаньяном.

Пурга утихла, в широкое, во всю стену, окно пролета заглянула бледно-зеленая с серебришкой луна. Долго странствовал я с мушкетерами, но после полуночи меня стал морить сон. Я растолкал Зотина. Он очухался, посмотрел в топку и предложил:

— Ложись, Сань, запись потом сделаем, когда в пять часов первый гудок перед сменой прогудит. А за меня не бойсь: не засну.

Я сунул под голову березовую плаху и лег. Начало сниться чудное. На высоком бугре стоит поп Иван и орет:

— А-н-а-ф-е-м-а!..

А внизу лихо отплясывает вприсядку Гришка Отрепьев. Рыжие кудри его так и подскакивают на лбу, и он раскатисто, как Шпынов, смеется. Сзади к попу на конях подъезжают Стенька Разин и Емелька Пугачев. Громко поют:

Поминайте добрым словом
Атамана казака!

Потом вдруг я сам в шляпе с огромным пером, как у барыни Чубарихи, в белых фетровых пимах со звездчатыми шпорами, как у Бибикова, большого заводского чина, поддерживая на нырках д'Артаньянову миледи, похожую с лица на соседку Варюшку, качу на санках с

крутой горы. А сбоку наперерез скачет верхом на трубе в кардинальской мантии наш начальник цеха и, открыв рот, гудит: «У-у-у-у!»

«Ведь это пять часов утра уж!» — мелькнуло где-то в подсознании. Я вскочил. Ванна была чуть теплой, а Федька сладко посапывал на дровах у топки. Не жалея кулаков, я растолкал его, и мы принялись разогревать металл.

Дежурство сдали как будто бы в порядке, но, заступая в свою смену под унылый трезвон вечерни, выслушали мы с Зотиным от начальника такой «акафист», что уже не чаяли и на заводе остаться. Градусник имел автоматическую запись, которая и подтвердила начальнику, что с трех до пяти часов утра металл остывал, а с пяти до шести насколько разогревался. Вот за что, оказывается, прозвали этот прибор ябедником!

И в очередную получку за Разина и Пугачева, за ночное катание с миледи вычли у меня три рубля, а у Зотина, как у старшего, — вдвое больше.

Много было для нас с Федьшей премудростей в этом новом цехе. О химии я в пятиклассной школе ничего и не слышал, а Федор, кончивший всего два класса, — и по-давно.

Вскоре появились у нас два франтоватых студента из Питера — практиканты. Они часто стояли около опытной малой ванны со сплавом и разговаривали, то и дело употребляя непонятные, таинственно звучащие слова: «Натрий хлор», «Хлористый аммоний».

Шпынов заходил в наш цех каждый день. Он дотошно изучал записи, задавал быстрые, точные вопросы. Когда студенты при нем начинали произносить «ученые» слова, Шпынов рассерженно фыркал в усы и пренебрежительно бурчал: «Алхимики». Федя, услышав это слово, начал употреблять его в качестве нового, фасонного ругательства. Вслед за Зотиным стали поминать алхимиков и другие рабочие цеха. Студентов не любили за барскую манеру держаться, за белые перчатки, за то, что они не были похожи на сына Шпынова — Сергея, который дни и ночи практиковал в прокатке на правах простого рабочего.

Однажды Шпынов зашел в цех и осведомился у одного из студентов — Юрия Михайловича:

— Ну, как?

— Не выходит, Николай Николаевич! — пролепетал тот.

— Так-с... А что, позвольте вас спросить, вы прибавляли к сплаву?

— Хлористый аммоний, натрий хлор, — торопливо ответил Юрий Михайлович.

— Н-да-с... Значит, нашатырь, виноват, — хлористый аммоний и соль, то бишь натрий хлор, всыпали вы, а квашня все же не выкисла?

— Нет, к сожалению...

Шпынов повернулся в мою сторону, поманил меня пальцем и, вынув из кармана двугривенный, шепнул:

— Слетай в лавку, купи дрожжей.

— На все?

— На все.

Через пять минут, запыхавшись, влетел я в цех и отдал покупку. Шпынов подошел к ванне и провозгласил торжественно:

— Так вот что, господа! Коли вы и нашатырь, и соль поваренную сыпали — насыпьте-ка уж и дрожжей! Авось квашня-то и укиснет! — он сунул растерявшемуся Юрию Михайловичу в руки пачку дрожжей, пошевелил усами и закончил: — Алхимики!

После такого срама студенты дня через два уехали.

А работа в цехе шла полным ходом. Шпынов подолгу протазивал над записями, хмурил брови, раздумывал. Мастера «секретного» цеха делали все новые и новые опыты.

И вот как-то в начале лета, работая уже за помощника сменного мастера, я вытащил из ванны с расплавленным цинком первый лист железа, оцинкованный по новому, уральскому способу.

— Отец, правду ль бают люди, будто к нам царица приехала? — спросила однажды за ужином мать.

Я насторожился. Слухи о царицыном приезде ходили и у нас в цеху, но толком никто ничего не знал.

Отец не спеша зачерпнул ложкой щи, так же не спеша проглотил их и только тогда ответил:

— То не царица. Царицу, поди, калачом маковым сюда не заманишь. Она по богомольям ездит. Русского духа немка набирается. Приехала старой царицы сестра, вдовица Елизавета Федоровна.

— Чего же это она сюда припожаловала?

— Да, говорят, у их там, в царском доме, тесно стало, — усмехнулся отец, — места, значит, на всех баб не хватает, ну и, конечно, раздоры, ссоры идут. Отдохнуть надо — свежий воздух, значит, требуется. А наш-то куда как свеж!

— Экой ты, право, — досадливо нахмурилась мать, — все шутки на уме. Я его дело спрашиваю, а он смешки строит...

А с утра по всему заводу началась суета: туда-сюда бегали несколько десятков человек с шерстяными половиками. Я спросил мастера, зачем половики. Он усмехнулся:

— Чтобы государева тетя высочайшие ножки свои в заводской пыли не замарала.

Посмотреть на царицыну сестру нам так и не удалось: в наш цех она не заходила, а искать ее в других цехах было некогда — мы честно зарабатывали свои шестьдесят копеек.

После смены сбегали на заводской пруд искупаться. На углу распрощались, и я заспешил домой, опасаясь нагоняя за опоздание. Но ни мать ни отец меня не пожурили. У стола сидел зять Илья и рассказывал, как он отбывал ссылку в Сибири.

Илья с хрустом раскусил огурец и обратился ко мне:

— Ну как дела, Саня? Устаешь, поди?

— Проробь сам одиннадцать-то часов, небось тоже устанешь.

— Слыхал? — повернулся Илья к отцу. — Одиннадцать часов — смена тяжкая. Да ведь и не в одном только новом цехе она такая. И в сортировке, и во всех вспомогательных то же самое. А велика ль оплата?

— Оно, конечно, — задумчиво отозвался отец, — так-то оно так... Да вот... Санейко, ты победал, что ли? Сходи-ка на улицу...

Пришлось уйти. А жаль. Разговор шел какой-то интересный, было занятно, куда он повернет...

На другой день, задолго до смены, часов в пять, загудел гудок. Я выбежал на улицу узнать, не пожар ли где. Но дыма видно не было. На углу повстречал Витьку Суворова:

— Сано, ты куда?

— Вышел посмотреть, нет ли пожара. Не знаешь, почему гудит?

— Говорят, забастовка, — ответил Витя.

— Айда, сбегает узнаем...

На заводской площади, у главной конторы, стояли группы рабочих. Около проходной я увидел машиниста Давыдова, Николая Сивкова, нашего Илью и еще кое-кого из знакомых. Илья, заметив меня, окликнул:

— Санейка! Ты чего тут?

— Как чего? Насчет работы узнать пришел.

— Какая теперь, чудак, работа, иди в бабки играть или рыбачить. Бастует завод!

— А как же начальство?

— Ныне один забастовочный комитет — начальство.

— Где же он, комитет?

— Да вот тут, около нас. Если что по цеху надо, спроси у Пьянкова: он уполномоченный комитета.

Мы отошли в сторонку. Откуда-то сбоку вывернулся сияющий Сенька Шихов:

— О-ва, ребя! Вот жизнь настала: не работай, бастуй знай, а поденщина все равно идет!

— Слышь, Семен, а по какому случаю забастовка-то? — спросил Суворов.

— Случаев много, всех не перечтешь. А требований всего два: первое — чтобы рабочим горячих цехов жалованье повысить, второе — чтоб вспомогательным цехам и сортировке время работы меньше сделали. Понятно?

Я вспомнил вчерашний разговор — так вот, значит, о чем советовался с отцом Илья.

— Кто же этого требует? — снова задал вопрос Виктор.

— Забастовочный комитет! — гордо заявил обо всем осведомленный Сенька. — А Шпынов недавно к рабочим прокатки на поклон ходил. Толкует, что дело, мол, стоит, золотое время теряется зазря. Тут к нему и Волокитин, эдак бочком-бочком и что-то на ухо шепчет.

— Ну а Шпынов как на это?

— У-у-у! Усы ошетилил, чисто кот злющий, да как заорет: «Уходите отсюда!»

— Ишь ты... Осерчал, значит...

— Еще как! А тут и дядя Николай Сивков в прокатку пожаловал. Подошел к рабочим, с лица вроде спокойный, а брови сердитые... «Слышь, говорит, ребята, кто решится на сговор с начальством — скажу вам по совести — с завода на тачке вывезем и бока наломаем».

— Ну?! Так и сказал?

— Так и сказал!

Мы молча переглянулись. Вот он какой, оказывается, тихоня-то наш, дядя Николай.

Коротка июньская ночь! Едва успеет догореть золотистая заря на западе, как загорается алая утренняя зорька на востоке... Мы лежим в лодке, у бортов ее мягко колышется темная вода. В зарослях кустов, на берегу реки Исеть, перекликаются птицы. Туман. На полуострове Гамаюн рассыпаны желтые точки рыбацких костров, слышна песня:

Поворачивай, ребята, да ребята,
по крутому-тому бережочку —
ко Натальиному подворью!

Рыба почему-то клюет плохо, и мы поворачиваем вместе с другими лодками к берегу, к «Натальиному подворью».

— Ишь ты, как басы-то выводят! — восхищается Герман Быков.

— Это Рогозинниковы братья! — кивает Сенька Шихов.

Неожиданно стройный хор нарушается густым голосом, который поет на другой мотив:

Эх, да мы фабричные ребята,
Эх, да эх!
Да у нас кудри кудреваты!

Мы дружно прыскаем.

— Ох уж этот Егорыч! — хохочет Сенька. — Даром что на оба уха туговат, а любит песни...

Мы подводим лодку к берегу, в свете костра рассматриваем улов: в ведерке трепещут серебристые чебаки, ключие ерши, красноперые окуни.

Наша ребячья ватага присоединяется к взрослым. Они ведут разговор о том, что начальство испугалось-таки и убавило в некоторых цехах рабочий день, а те, кто работал в горячих и других тяжелых цехах, получили прибавку.

Когда уже совсем рассвело, из лесу по тропке к рыбкам вышли четверо. Один из них, староста откатчиков-грузовозов Борис Комаров, хорошо знаком нам. Второго,

И. М. Малышев
(снимок 1915 г.)

плечистого человека с суровыми голубыми глазами, я словно где-то видел.

— Кто это? — толкаю под бок Сеньку.

— В больничной кассе работает, Малышев по фамилии...¹

Третьим шел вразвалку крепкий мужчина в сером пиджаке и косоворотке. За ним какой-то тонконогий франт. На плечах его была чудная пелеринка, на голове потешная камышовая шляпа, а с горбатого красного носа так и норовили соскочить два стеклышка на цепочке.

— Ишь ты! — заинтересованно произнес Герман,

разглядывая странного незнакомца.

Рогозинниковы перестали петь и тоже смотрели на пришедших.

— Принесла ты нелегкая на Гамаюн. И тут от господ покою нету, — пробурчал кто-то, очевидно имея в виду франта.

Рыбаков на берегу Гамаюна было много. Пришедшие остановились около самой большой группы. Тот, который, по словам Сеньки, работал в больничной кассе, обратился к сидящим:

— Здорово, земляки! Мир на стану.

¹ В 1912 году в результате длительной борьбы рабочим удалось добиться от царского правительства издания закона о страховании. В соответствии с этим законом на крупных предприятиях создавались больничные кассы (страховые общества) для оказания рабочим помощи в случае увечья или болезни.

Средства больничных касс составлялись в основном за счет взносов самих рабочих. Предприятия отчисляли лишь небольшие суммы. Поэтому социальное обеспечение трудящихся улучшилось мало. Однако у большевиков появилась возможность использовать новые легальные организации для массовой разъяснительной работы.

На Верх-Исетском заводе выборы правления больничной кассы состоялись в мае 1913 г. В 1914 году секретарем правления стал участник вооруженного восстания 1905 г. в Перми, член партии большевиков Иван Михайлович Малышев. — *Авт.*

— К нам на стан милости просим, — приветливо улыбнувшись ему, как старому знакомому, пригласил Александр Рогозинников. Кто-то пронзительно свистнул, разговоры смолкли, и к той группе, где остановились четверо, стали собираться остальные рыбаки.

— Итак, товарищи, — начал плечистый с голубыми глазами, — разрешите от души поздравить вас... с хорошей погодкой... — Многие заулыбались. — С удачной пробой сил...

Ничего, что дирекция завода только отчасти удовлетворила ваши требования! Уже по первому результату забастовки видно: лед тронулся! Почему же дирекция уступила? Может, ей понравились представители забастовочного комитета? Нет, товарищи!

— Знамо дело, — загудели вокруг.

— Так из-за чего же? А из-за того, друзья, что большинство рабочих настойчиво отстаивали свои законные права. «Сила солому ломит!» — говорят в народе. Вы показали свою силу, товарищи, и одержали первую победу. Сделайте из этого выводы...

После Малышева выступил незнакомый в сером пиджаке. Он говорил коротко, ясно, тоже поздравил всех с победой и передал привет от питерских рабочих. Были непонятны только слова: большевистская фракция Государственной думы. Что такое дума — мы знали, а вот слов «фракция», да еще «большевистская» не ведали. Хотели выяснить, что это значит, но тут барин в пелеринке влез на пенек.

— А этот из здешних, — пробасил кто-то за нами. — Я его в городе, у горного управления, видал...

— Господа мастеровые! Я также приветствую вас! — тонким голосом прокричал франт и покачнулся. Стеклышки на цепочке сверкнули на солнце и соскочили с носа, барин еле успел подхватить их. — Приветствую от лица истинных демократов!

В толпе раздались сдержанные смешки.

— Господа? Ишь ты... А я и не знал, что мы баре, — сказал кто-то.

Глуховатый Егорыч стал пробираться поближе к пеньку. Протиснувшись в первый ряд, приставил к уху ладонь.

— Все, что вы слышали здесь, это демагогия и сек-

танство! — выкрикнул барин и снова покачнулся на своих тонких ножках.

Ребята зашущукались: эти слова были даже интереснее, чем давеча услышанные, но тут франт в пелеринке затараторил еще мудренее. Мы только рты разинули.

— Вот чешет! И ничего не понять, — восхищенно прошептал Герман.

— А вы, — обратился оратор к Малышеву, — вы, милостивый государь, смутьян!

Барин неловко взмахнул рукой в сторону Малышева и неожиданно смазал ладонью по величественным усам Егорыча. Тот что-то грозно пророкотал, поднял, защищаясь, руку — и вдруг в воздухе мелькнули шляпа, пелеринка и тощие ноги оратора. Мужчина в сером пиджаке и Малышев бросились оказывать помощь упавшему. Кругом хохотали. Николай Сивков хлопнул по плечу молодого парня и сказал весело:

— Так им и надо, меньшевикам!

«Пострадавший» не попытался продолжать речь. Он прокричал: «Это хулиганство! Мы вам припомним!» — и убрался восвояси. Комаров вместе с незнакомцем в сером тоже ушли. А Малышев, чуть заметно улыбаясь, деланно строго пожурил Мокеева:

— Как же это так? Неладно ведь вышло, Александр Егорыч. Сами приглашали гостя — милости просим — и такой конфуз.

Егорыч смущенно оправдывался:

— Он, значит, первый меня при всем народе магогом каким-то обозвал и по усам смазал, а я, выходит, и рукой шевельнуть не могу?

— Все равно нехорошо, Александр Егорыч, с депутатами думскими, хотя бы и с меньшевиками, надо обращаться вежливо.

— А вы тут чего? — спросил заметивший нас Сивков.

— Ничего! — развел руками Сенька. — Мы просто на рыбалке.

Дядя Николай нахмурился и строго наказал:

— А коли так, то, значит, кроме рыбы, ничего не видели и слухом не слыхали. Понятно?

— Понятно! — ответил я за всех.

днажды, идя в заводскую библиотеку, встретился я с Сенькой Шиховым. Мы хотя и работали уже в разных цехах, но по-прежнему дружили, и меня удивило его несколько рассеянное, без обычной теплоты приветствие. Причина разъяснилась тут же.

— Знаешь, Саня? — спросил он, посмотрев на меня. — Ведь война.

— Какая война? — опешил я. — С кем?

— А вон! — Сенька махнул рукой. — Вон на заборе около проходной манифест висит.

Перед царским манифестом, от которого кто-то уже успел оторвать уголок на самокрутку, густо толпился народ. Я протискался в первый ряд и тоже стал читать.

Да, действительно, — война!..

В те дни мне, четырнадцатилетнему подростку, трудно было полностью осознать, что несет она народу, какую беду сулит это короткое слово, но и у меня оно вызвало тревожные мысли.

На другой день в поселке играли гармони, солдаты-запасники, пошатываясь, ходили по улицам и распевали:

Последний nonешний денечек
Гуляю с вами я, друзья!..

Плакали матери, в голос выли молодухи, у ворот тайком смахивали слезу девки, прощаясь с женихами, дружками.

Вечером пришел Илья. Он отправлялся с первым эшелонам мобилизованных.

Мать и отец сели вместе с ним за столом в горнице. Огня не зажигали: не хотелось.

— Вот, значит, как... — вздохнул отец, — война, значит...

— Да, война, — в тон ему подтвердил Илья. — Жену тут не забывайте с ребятами. Раньше-то ей, бывало, Захарыч из партийной кассы помогал маленько, а теперь не знаю, как и что будет.

— Не бойся, поможем, — успокоил отец.

— Знамо дело, — отозвалась мать, — свое, чай, дите, не чужое.

Услышав последние слова Ильи, я вспомнил аккуратного черноглазого человека с чемоданчиком, которого называли «агент компании «Зингер».

Когда Илью сослали в Сибирь, сестра, оставшаяся с двумя ребятами, стала брать шитье на дом. Весь день она стучала на швейной машинке, на которой золотыми буквами было написано «Зингер», а меня мать отправляла присмотреть за двумя пискунами. Я, сам в ту пору еще мальчонка, как умел развлекал малышей: ползал с ними по полу, щекотал их, стучал деревянной ложкой по старому глиняному горшку.

И вот именно тогда время от времени в дом стал заходить этот самый черноглазый молодой человек с чемоданчиком. Сестра уважительно называла его Петром Захарычем. Он каждый раз долго копался в машине, смазывал ее, а потом, усевшись за стол, что-то записывал в потрепанную книжонку. Проводив его, сестра быстро одевалась и убегала в лавочку, откуда всегда возвращалась с покупками. Это казалось удивительным: ведь только-только она ломала голову, где взять денег?

Но однажды я услышал, как Петр Захарович говорил в кухне сестре:

— Возьмите. Сегодня только пять рублей. А поправится дело, донесу еще. Товарищи просили кланяться.

Помню, что я воротился домой обеспокоенный и поспешил поделиться с матерью:

— Мам, а нашей Марье Петр Захарыч деньги носит. Сегодня пять рублей дал и сказал, что еще донесет...

Но мать прикрикнула на меня:

— Всюду-то лезешь со своим носом!.. Не вздумай еще кому такое сказать. Померещилось тебе.

— Ничего не померещилось! — вознегодовал я.

— Ну и молчи, сказала тебе! — и перекрестилась на иконы в углу: — Пошли ему, господи, доброго здоровья.

— Это кому же? — спросил вошедший в кухню отец.
— Петру Захарычу! — закричал я, обрадованный собственной догадливостью.

— Просто Захарычу, — сердито поправил отец. — Захарыч правильный человек, что и говорить, пожелать ему доброго здоровья не грех. Все они, Ермаковы, правильные люди — и отец и сыны.

Вскоре после этого странный агент компании «Зингер» исчез. Позже я узнал, что он сидит в тюрьме за «политику».

...И вот теперь, когда Илье нужно было отправляться на войну, у нас в доме опять вспомнили Захарыча.

— Эх, был бы он тут сейчас, разъяснил бы все как есть, — сказал отец.

— Не он один такой! — заметил Илья. — Много теперь таких.

— Ой ли? А сколь?

— Сколь — не знаю, но немало, — чуть помедлив, ответил Илья. — Вон Малышев, который в больничной кассе делами управлял... Он вчера сказал нам на прощание: «Это будет последняя война за последнего царя».

Помолчали. Потом отец снова спросил:

— А еще что он говорил?

— Вот про это я тебе, пожалуй, не скажу. Уж ты на меня не сердчай. А про последнюю войну накрепко запомни...

Первое время после начала войны на заводе, как и вообще в городе, чувствовалась какая-то растерянность. Работа замедлилась. Наш «секретный» цех опустел. Некоторых взяли в армию, некоторым, в том числе мне и Зотину, предложили уйти «в гулеву», без оплаты.

После проводов Ильи все чаще стал наведываться к нам в дом бородач Синяев, которого связывала с Ильей давнишняя дружба.

Я уже твердо знал, что Малышев, Николай Сивков, Борис Комаров, Илья и Ермаков связаны чем-то общим, близки друг другу. Теперь к этим людям прибавился еще Сергей Артамонович Синяев. Мне хотелось видеть рядом с ними и Шпынова. Однако начальник прокатки, хоть и хороший человек, но барин, и никак не мог я представить себе, что и он может быть таким же понятным, простым и близким, как друзья Ильи.

С. А. Синяев

Недели через три — четыре, проболтавшись бесцельно — все с войной опостылело: и рыбалка, и охота, — мы с Федей Зотиным получили извещение о явке в свой цех. Там нас двоих сразу же определили управлять мощным гидромеханическим прессом. Мастер, уходивший на войну, торопливо познакомил меня и Федю со сложной машиной, объяснил, что мы должны с помощью прессы выравнивать огромные стопы покоробленного при оцинковке железа.

Радости нашей не было границ.

Федя опять оказался главным, я помогал ему. Теперь грохочущие и дымные цеха завода не пугали меня, как год назад. Я привык к заводскому шуму и даже полюбил его.

Но однажды, уже поздней осенью, пришел конец нашей работе на прессе. Заторопился как-то мой старшой, хотел побыстрее вытянуть пачку, да перегрузил пресс — и винт лопнул. Меня швырнуло к стене, сразу наступила ночь...

Из больницы я вышел раньше, чем Федя, у которого были сломаны рука и нога. Вернулся на завод, теперь уже в прокатку, на должность приемщика-весовщика.

В ночную, опять двенадцатичасовую, смену в душной конторке, у полыхающей жаром печки, часто собиралась наша дружная ватага повзрослевших теперь бывших подручных сортировки. Спорили о немецких «цепелинах», о страшной жаре вольтовой дуги и многом другом.

Нередко к нам заходили дядя Николай, Борис Комаров и Сергей Артамонович Синяев. Мы умолкали, слушая их рассказы. Яснее становились события далекого девятьсот пятого года и причины войны. Иногда Сивков или Комаров приносили и читали аккуратно сложенные листки нелегальной газеты, которая ходила по рукам проверенных рабочих.

Вечерами в конторку стал часто заглядывать и новый машинист локомотива, похожий на цыгана, чернявый Верещагин. Я помнил, как перед самым отъездом Илья потихоньку предупреждал Синяева: «Глядите в оба, Артамоныч, что-то мне не по душе новенький, Верещагин этот. Чую, неспроста он с Деревянной грозой намедни шептался...»

Однажды Комаров шепнул Сеньке Шихову:

— Слетай мигом, друг, на локомотив, скажи машинисту, что шуровщики с генератора шибко звали его посмотреть паропровод: пробивает там у них чего-то, а дежурного слесаря нет. Мигом слетай, а обратно забеги за котлы да открой калитку, которая на запасный ход, на плотину. Только смотри: обо всем молчок!

Дело сварганили чисто, комар носу не подточит, как, смеясь, говорили рабочие, намекая на фамилию Бориса. Шуровщики отвинтили кран паропровода, чтобы машинист не почуял никакого подвоха. Старший шуровщиков, продымленный, чумазый как черт, рассказал потом:

— Огрел это я его по башке, легонько, доской от мостков. Он, знамо дело, мордой в землю... Ну, а у нас бочка с золой, да мазута в ней еще малость было. Мы его прямо туда... Потом понесли на плотину. А когда его ветерком пообдуло, очухался он, строго ему наказали: «Не ходи, мол, гулеван курчавый, к нашей солдатке Марфушке, а не то и ноги обломать можем!» Небось жаловаться не станет: за ним и впрямь этот грех по части Марфушки-то водится. — Старшой улыбнулся и при всеобщем одобрении шуровщиков добавил: — Еще кого поучить потребуется, ты только мигни нам, враз обалебастрим!

Получив такой урок, новый машинист на заводе больше не появился¹.

Прошел 1915 год. Завод по-прежнему дымил, грохотал, но выделка глянцевого, кровельного железа заметно уменьшилась: уже вторую партию молодых рабочих погнали на фронт.

¹ После Февральской революции в секретных делах жандармского управления было найдено подтверждение того, что Верещагин являлся агентом охраны. — *Авт.*

Многие наши ребята — ученики и подручные — были досрочно поставлены на самостоятельную работу: за станки и к печам. Герману Быкову доверили токарный станок. Пашу сделали старшим в смене шуровщиком-кочегаром печей листопрокатки. Сашу Викулова назначили машинистом копрового электрокрана на мартене.

В 1916 году по совету Бориса Комарова вступили мы — группа заводских подростков — в члены добровольной пожарной дружины, которая помещалась в волостном правлении. Там на сходках при обучении пожарному делу, да и на любительских спектаклях мы всегда улучали минутку поговорить с Борисом или с Синяевым, а иногда и певали «Смело, товарищи, в ногу...» Привычным стало новое для нас, прекрасное слово — «революция».

Тогда же по поручению Комарова я познакомился с одним телеграфистом с железной дороги — Ионычем и стал ходить к нему в гости. Иногда мы просто беседовали о жизни, о заводских делах, но частенько Ионыч сообщал мне какую-нибудь новость или давал записку для передачи Борису либо Николаю Сивкову, которые не могли заходить к нему, так как были на подозрении у полиции.

Мать Ионыча быстро ко мне привыкла. Ее меньшого — Пашуньку, моего приятеля по заводу, — призвали в армию, и она принимала меня как сына. В этом доме было очень много книг. Поджидая хозяина с работы, я обычно читал. Здесь впервые мне довелось познакомиться с чудесными произведениями Максима Горького.

В конце февраля семнадцатого года, зайдя как-то к Ионычу прямо с завода, получил я от него такое задание:

— Беги обратно и передай кому следует, да поосторожней, чтобы чужие уши не слышали, — по беспроволочному аппарату из Петрограда сегодня секретно сообщили: начались массовые беспорядки, Питер на осадном положении. Дело пахнет революцией, не иначе.

Я мигом добежал до завода и передал сообщение Ионыча Борису Комарову.

— Спасибо за хорошую новость, Сано, — поблагодарил Комаров, а потом добавил: — Теперь иди домой да помалкивай.

На другой день, перед самым концом смены, дверь нашей конторки распахнулась — и в нее ворвался с дымящимися клещами в руках, крайне возбужденный вальцовщик старого крупно-сортного цеха силач Андрей Елизаров.

— Царя скинули! — орал он своим зычным голо-сом. — Революция в Питере, братцы!

Все замерли. Сердце мое громко застучало. Кто-то растерянно ахнул:

— Вот те на!..

— Чего же мы теперь де-лать будем? — спросил Ели-заров, обводя глазами рабо-чих.

— Да это уж ты скажешь, чего делать, а мы тебя послушаем, — тихо ответил Синяев, незаметно вошедший в конторку.

Лицо Андрея побагровело. Он угрожающе повернулся к Синяеву и воинственно взмахнул клещами:

— И скажу! Что ты думаешь?.. Скажу! Бросай ра-боту, айда громить полицию! Губернатора¹ пошли аре-стовывать!

Елизаров, как был с клещами, выскочил из конторки. Следом за ним выбежали остальные. На заводском дворе к нам присоединились другие рабочие.

«Вот она революция! — ликовал я. — Верно Малышев говорил: «Это будет последняя война за последнего царя».

Губернатора в городской управе не оказалось. Как мы узнали от прибежавших раньше нас рабочих с дру-гого завода, он успел выйти через черный ход, взял пер-вого попавшегося лихача и укатил на вокзал к своему

¹ Екатеринбургский уезд входил в Пермскую губернию. Губер-натор, часто бывавший в Екатеринбурге — центре Уральской горно-металлургической промышленности, — в эти дни как раз приехал в город. — Авт.

А. П. Елизаров

поезду, который всегда стоял наготове. Беглеца попытались было догнать, да где там: поминай как звали.

Андрей яростно взмахнул клещами:

— Ладно же! Коли так, айдате голубых архангелов громить!

Мы опять побежали. Я ушиб ногу и отстал. Но вскоре догнал своих, которые сбились в кучу на каком-то перекрестке. В центре увидел двух перепуганных до смерти жандармов. Они хлопали бесцветными глазами, и одинаково нафабранные усы их шевелились, как у тараканов. Орден, шнуров и прочих знаков отличия на «архангелах» уже не было: кончики этой пестрой дребедени торчали из огромных кулачищ Елизарова.

— Пошли в первую полицейскую часть! — заорал кто-то.

Герман Быков дернул за рукав подвернувшегося извозчика:

— Давай в первую полицейскую часть!

Извозчик недоверчиво прищурил глаза:

— Это как же понимать, значит? Ты, что ли, мне за это дело заплатишь или кто иной?..

— Друг! — вступил в разговор Елизаров. — Друг, теперь не то время, чтобы об своих деньгах думать...

Извозчик посмотрел на блестящую жандармскую шашку у Андреева пояса, на ободранных жандармов, на всю нашу горланящую ватагу, решительно махнул рукой и, свистнув по-разбойничьи, рявкнул:

— Н-но, Рыжий! Не выдай, голуба-душа!..

Мы лихо подкатили к полицейской части, разоружили дежурных и, отперев каталажку-«клоповник», упрятали их туда.

Пока наша группа с Елизаровым во главе действовала в городе, Синяев, собрав несколько человек, разоружил заводских полицейских. Для поддержания порядка тут же выбрали рабочих в отряд народной милиции, а Синяева выдвинули заместителем начальника отряда.

На следующий день, в обеденный перерыв, в конторку влетел Семен Шихов. Его распирало от желания поделиться новостями. Узнав о том, что я и братья Быковы были вчера на станции, он несколько притих, но уже через минуту воспрянул духом.

— Эх, жалко, меня с вами не оказалось! Я бы показал.

— А что бы ты показал? — осведомился Паша.

— А то! «Архангелов» в «клоповник» упеки, а начальника милиции не поставили. Эх, будь я на вашем месте, уж я бы догадался! Я бы сам записался в начальники. Быть бы мне при сабле, при мундире со шнурами.

— Запутаясь в шнурах-то. Для шнуров тоже сноровку иметь надо, — съязвил Герман.

— Что шнуры! — фыркнул Паша. — Он в самом мундире утонет, все равно как мышь в кадушке!

Все засмеялись. Семен открыл рот, собираясь что-то ответить, но в этот момент заревел заводской гудок. Мы переглянулись: почему гудит в неположенное время?

В цех вошел черноволосый вожак мартецовцев Василий Ливадных:

— Эй, земляки, товарищи, пожалуйста в сортопрокатку! Митинг там будет!..

Шихов торопливо поднялся первым:

— Митинг так митинг, давай нажимаем на пятки!

В сортопрокатном народу полным-полно, не пробраться. Те, кто пришел позже, старались протиснуться вперед, вполголоса просили потесниться. На них сердито шикали.

Семен мигнул нам: не отставай, мол, ребята, — и нырнул в толпу. Мы энергично заработали плечами и локтями. Вскоре нам удалось пробиться к дальнему стану и залезть на него.

На другом стане говорили ораторы. Егорыч Мокеев только что кончил речь и полез вниз, конфузливо теребя усы. Кругом одобрительно гудели. На место Егорыча легко вскочил стройный человек в солдатской шинели.

В. И. Ливадных

— Ребята! — удивился Герман. — Да ведь это Малышев!

— Верно, Малышев, — подтвердил Семен и закричал на весь цех: — Ура! Малышев приехал!

Шихов первым приносил в нашу компанию новости. От него мы узнали о восьмичасовой смене во всех цехах, о рабочем контроле, о создании конфликтной комиссии.

Однажды Семен прибежал чрезвычайно взволнованный и выпалил:

— Вооруженная боевая рабочая дружина создается, братцы! Айдайте записываться! Я пулеметчиком пойду...

— Эва, куда хватил — пулеметчиком... Да ты ничего не понимаешь в пулемете-то, — охладил его пыл Герман.

— Научимся! — не сдавался Шихов.

Но в дружину нас по молодости не взяли. Мы утешались тем, что бегали по митингам. А митинговали в те дни часто, собирались в любое время и говорить могли с утра до ночи.

Хорошо помню митинг в театре. Мы явились туда часа за два до начала в надежде захватить места поближе к сцене. Но как ни спешили, не только ближних, а и дальних свободных мест уже не оказалось: народ заполнил зал до отказа. Тут были и мастеровые, и солдаты, и господа.

Театр гудел. Среди общего шума можно было разобрать лишь отдельные слова и фразы: «Революция...», «Присяга на верность...», «Нет, хватит, поприсягали...»

Семен присвистнул:

— Эге, а ну давайте за мной, други!

Ныряя, как челнок, он отбуксировал нас в крайнюю ложу, у самой сцены. В результате получасовой толкотни и перебранки мы отвоевали правый угол ложи, где и разместились: кто сидя, кто стоя, а кто и забравшись на барьер.

Начали выступать ораторы. Некоторые робели, конфузились: видно, впервые приходилось им говорить перед таким скопищем народа. Другие, наоборот, нисколько не смущались, вели себя смело.

Один из бойких ораторов, гривастый и щеголеватый,

заканчивая свое непонятное выступление, бесшабашно махнул рукой и крикнул:

— Да здравствует анархия — мать порядка!

Потом на сцене появился офицер, весь затянутый ремнями, и тоже говорил складно, но непонятно.

— Чудно, — раздумчиво протянул Паша, — послушать, так вроде все за революцию, а как-то всяк на свою сторону хочет ее повернуть...

Но вот на сцену влез старый солдат в потертой шинели. Он говорил не так, как остальные. Казалось, сначала примеривался, взвешивал каждое слово — годится оно или нет — и только потом произносил его. Речь солдата была спокойной, удивительно простой. Он как будто приглашал всех в зале попросту, по-соседски обсудить его жизнь, его нужды и беды. Помню, что оратор рассказывал, как надоела солдатам война, как пустеют дома и сиротеют поля без хозяйского глаза, без мужицких рук... Зал притих. Слушали внимательно и с сочувствием.

— И уж коли пришла революция, пусть она поможет солдатам вернуться домой — каждому к своей работе. Будем, значит, за тех голосовать, за ту, значит, партию, которая против войны пойдет! — закончил оратор и, неторопливо надев шапку, деловито спустился в зал.

После солдата выступил Синяев. Он от имени рабочих поддержал призыв к борьбе против войны и потребовал создания городского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Речь Синяева встретили тоже одобрительно. Мы орали что было сил, как и наши соседи по ложе. Позади Шихова сидел какой-то маленький горбун. Он кричал дребезжащим голосом: «Долой купцов-толстосумов!» — и при этом неистово колотил Семена в спину.

— Видать, досадили тебе толстосумы, дядя, — морщился Шихов. Он терпел довольно долго, но в конце концов повернулся, насколько было можно в такой тесноте, и заявил горбуну: — Дядя, я тоже за долой купцов... Но спина у меня ей-ей не деревянная! Коли тебе невтерпеж, ты уж жарь, знай, по барьеру, он тебе слова не скажет — вытерпит!

Горбун еще больше разгорячился и долго объяснял нам, почему купцов нельзя допускать к власти...

В погожий апрельский день на нашем заводе состоялся митинг молодежи. Специально приехавший к нам студент коротко рассказал о том, что при городском комитете РСДРП(б) создается юношеская организация партии, и предложил желающим записываться в нее.

Наступило молчание. Потом кто-то сказал:

— Еще, значит, одна партия!

Кругом засмеялись.

— Нет, товарищи, это не еще одна партия, а юношеская организация при нашей партии российских социал-демократов большевиков, — объяснил студент.

— А дозвольте спросить, — выдвинулся вперед Саша Викулов, — эта организация в самом деле за рабочего человека стоять будет или только трепотней заниматься, как некоторые другие тут у нас?

— Мы с теми, кто идет за Лениным! — кратко ответил оратор.

Раздались одобрителльные возгласы.

— Ну, раз за Ленина, тогда давай пиши меня, — решительно сказал Саша.

Вслед за ним потянулись записываться и другие.

Вскоре мы получили членские билеты в розовой обложке. Вверху на них было напечатано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Новая организация начала заниматься политическим просвещением своих членов, ознакомила всех с программой РСДРП(б).

Ставшие вожаками заводской молодежи Саша Кондратьев и Герман Быков часто выступали на коротких цеховых летучках, разъясняя молодым рабочим политическую обстановку.

На одном из собраний Герман сказал:

— Вступив в юношескую организацию, мы стали помощниками наших партийцев. Однако им нужны не только помощники, но и будущая смена. Поэтому я так думаю: кто чувствует себя потверже, должны пойти в партию большевиков, чтобы вместе со старшими товарищами строить жизнь по-новому.

И вот в мае семнадцатого года группа рабочей молодежи Верх-Исетского завода — Александр Кондратьев, Герман Быков, Михаил Чистяков и еще несколько человек (в том числе я) — вступили в ряды РСДРП(б). Нашими поручителями были П. З. Ермаков, В. Н. Ва-

ганов, И. Ф. Фролов¹ и некоторые другие ветераны, «солдаты» первой русской революции.

Вручая партийные билеты, Николай Михайлович Давыдов, председатель подрайонного комитета РСДРП(б), так напутствовал нас:

— Вы избрали нелегкую дорогу, молодые товарищи. Но по этой дороге партия приведет трудящихся к победе. Народ станет хозяином всей земли и всех заводов. В борьбе за счастье народа вы не должны жалеть своих сил.

В Екатеринбурге уже существовал в ту пору городской Совет рабочих и солдатских депутатов.

В Верх-Исетской волости, в которую входили Верх-Исетский завод и спичечная фабрика с их рабочими поселками, вместо волостного правления также был создан Совет. Его депутатами единогласно избрали Мокеева Александра Егоровича — мастера-котельщика, Ваганова Василия Николаевича — листобойщика, Кухтенко Проккопия Владимировича — бригадира каменщиков мартена, вернувшегося из ссылки Ермакова Петра Захаровича, его однофамильца Павла Васильевича — листопрокатчика, работницу спичечной фабрики Куренных Марию Емельяновну и еще человек пятнадцать наиболее авторитетных, уважаемых рабочих.

Мокеев и Куренных были, кроме того, выбраны в городской Совет.

И депутаты горячо взялись за работу. Кухтенко стал ведать торговлей. Ваганов с Павлом Ермаковым занялись земельными и лесными делами. Мокеев и Петр Захарович возглавили руководство просвещением.

На самом заводе тоже произошли большие изменения. Руководствуясь программным требованием РСДРП(б), наши вожаки вплотную подошли к осуществлению рабочего контроля. В Петроград, в правление акционерного общества, была послана делегация с ультимативным письмом. В результате добились пересчета сдельной оплаты рабочим крупносортового цеха за прошлые пять — шесть лет.

¹ Слесарь Верх-Исетского завода, член партии большевиков с 1905 года. Погиб в бою с белочехами в 1918 году. — *Авт.*

Рабочая коллегия была подобрана удачно. В нее вошли Н. М. Давыдов — председатель подрайонного комитета РСДРП(б), механик и паровозный машинист; Павел Плотников — вальцовщик листопрокатки и Петр Ваняшкин — рыжеватый, среднего роста крепыш, винтовщик листопрокатки, бывший лейбгвардеец-конник, живой, подвижный, остроумный.

Наступила осень. В конце концов нас все-таки взяли в заводскую дружину. Но вместо настоящего оружия, которого не хватало, молодым дружинникам выдали деревянные винтовки для строевых занятий. За это поселковые девчата, к великому нашему сраму, стали называть нас деревянными солдатами.

Семен вслух мечтал о пулемете. Над ним подсмеивались. Но вскоре Шихов выменял у какого-то солдата новенький японский карабин, который сразу стал предметом всеобщей зависти. Хотя патронов к этому карабину не было, Семена так и распирало от гордости. То на левое, то на правое ухо сдвигал он свою потертую шапчонку, глаза его сияли.

Герман Быков как-то посоветовал Шихову:

— А ты бы разобрал его, карабин-то. Чего там? С устройством познакомишься.

На другой день Семен явился на занятия с расквашенным носом. Мы так и ахнули.

— Кто это тебя изукрасил? — удивился Герман.

Шихов, сердито сплюнув, насмешливо уставился на Быкова:

— Кто, спрашиваешь? Да ты!

— Я? — опешил Герман.

— Ты! Надоумил меня вчера этого проклятого японца разбирать. Крутил я его, крутил, стал с затвором возиться. Только вынул, а меня по носу как звякнет! Аж синеньки-зелененьки в глазах заиграли. Только нынче утром нашел я под столом ту пружину, что мне нос расквасила. Обозлился: «Ах, ты, думаю, подлая», — кинуть хотел. Но потом пожалел, в ящик спрятал...

С этого дня Шихова стали называть Японцем.

Вечером двадцать шестого октября в оперном театре состоялось экстренное заседание исполнительного комитета Екатеринбургского городского Совета рабочих и

солдатских депутатов совместно с представителями от крупных промышленных предприятий и партийных организаций.

На этом заседании уполномоченный Петроградского Военно-революционного комитета матрос П. Д. Хохряков по поручению Екатеринбургского комитета РСДРП(б) объявил, что в Петрограде победило восстание пролетариата и войск гарнизона, Временное правительство низложено, вся власть в центре и на местах переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Двадцать шестого — двадцать восьмого октября развернулось формирование красногвардейских отрядов для борьбы с контрреволюцией. Екатеринбург (с пригородами) был разделен на четыре района. В каждом из них создавался штаб Красной гвардии, который формировал свой отряд. В первом районе отряд составлялся из железнодорожников, во втором — из рабочих вагоноремонтного завода. Третий район охватывал Злоказовскую текстильную фабрику (ныне фабрика имени В. И. Ленина) и предприятия юго-восточной окраины города. Отряд четвертого района комплектовался из рабочих нашего завода и спичечной фабрики; командиром его был назначен Петр Захарович Ермаков. А заводскую дружину возглавил большевик сталевар Павел Ксенофонтович Пермьяков.

Все эти отряды подчинялись Центральному штабу Красной гвардии на Урале, председателем которого являлся Павел Данилович Хохряков.

И началась совсем другая жизнь, напряженная, насыщенная событиями. Время летело стремительно. Отработай смену на заводе — сразу в районный штаб: то устраивать облаву на спекулянтов, то заступать в наряд по охране Совета.

Для более слаженной работы выбрали трех дежурных начальников штаба. Двое из них служили раньше в солдатах, третьим был я. Попробовал отказаться: какой, мол, из меня начальник штаба, но ничего из этого не вышло. Сказали, что главное — моя грамотность, а военному делу подучусь у старших.

Во время первого моего дежурства в штаб пришел Семен. Он выложил на стол разобранный японский карабин и предложил:

— Давай меняться! Вот тебе мой карабин, а ты мне удружи револьвер.

Я вытарашил глаза: имевшийся у меня французский револьвер был очень старый и маломощный, пуля из него выскакивала как-то боком. Словом, не револьвер, а детский пугач.

— Ты зачем это? Из моего только воробьев гонять.

— Все равно, — упрямо буркнул Шихов. — Не хочу, чтоб меня Японцем звали. Не будешь менять, другого найду.

Обмен состоялся, и Семен ушел во двор проверять боевые качества своего нового оружия.

Через некоторое время он вернулся в комнату. Увидев скорчившегося у печки молодого дружинника Илью Пухова, трусливого и придурковатого малого, Шихов подмигнул мне и устремился к нему:

— Иль, а Иль... Меня, знаешь, ни одна пуля не берет, ей-бо.

— Ну-у? — недоверчиво отозвался Илья.

— Вправду! — азартно продолжал Семен. — У меня, слышал поди, отец в раю побывал, так думаю, что я через это и на пулю заколдованный!

— Колдунов нынче нету. Всех как есть Советская власть отменила. Ты, Японец, врешь, — рассудительно сказал Пухов.

Шихов решительно приблизился к Илье:

— А хошь, докажу?

— Ну, докажи, — неохотно согласился Пухов, видимо подозревая подвох.

Семен вскочил на стол и, согнув в колене левую ногу, в упор бабахнул из револьвера в голень, защищенную ватными штанами. Пуля боком ударилась в ногу, рикошетом отскочила в сторону и щелкнула Илью по лбу. Тот заревел как белуга — не столько от боли, сколько с перепугу — и метнулся за дверь.

За эту шутку Шихову здорово попало от Синяева, который был членом коллегии штаба.

самого Екатеринбурга, около станции Палкино, крупные банды останавливали и грабили поезда с продовольствием. После наступления темноты в городе стало опасно ходить по улицам.

Мы ожидали помощи: в Екатеринбург должен был прибыть отряд моряков под командованием товарища Шибанова. Но бандиты нагнали с каждым днем, и дожидаться шибановцев стало неважоту. В конце ноября Ермаков собрал своих красногвардейцев в районном штабе и объявил:

— Центральный штаб Хохрякова приказал устроить бандитам баню. С вечера расставим патрули, а в двенадцать часов собираемся здесь и начинаем действовать.

Придя домой после дневной смены, я быстро поужинал, сунул за пояс наган, недавно доставшийся мне при разоружении казачьего эшелона, и надел полушубок.

— Куда ты на ночь глядя, непутевый? — всполошилась мать.

— Надо, — коротко ответил я, крепко помня, что нам строго наказывали, ни о каких штабных делах дома не говорить.

Вышел на улицу, а там не видно ни зги. Ночь — в самый раз для налетов. Для собственного ободрения запел: «Ночка темна, я боюсь, проводи меня, Маруся!» Дошел до угла, окликают:

— Стой, руки вверх!

В полушубок ткнулось дуло карабина. Группа людей в черных бушлатах и черных ушанках моментально окружила и обезоружила меня.

Я оторопел, но быстро сообразил, в чем дело:

— Шибановцы! Товарищи! Да мы вас давно дождаемся. Хотели уж без вас...

— Молчать! Финский волк тебе товарищ, а не мы.

— Обыскать получше, увести вон туда, на берег, и пустить в расход, — приказал старший группы.

— Стойте, товарищи, нельзя же так! — закричал я в ужасе.

— Откуда у тебя оружие? — спросил старший.

— Красногвардеец я! Дежурный начальник красногвардейского штаба! В штаб и иду сейчас.

— А ну, покажь документ!

— Нету у меня документа.

— Все ясно! Канителиться еще с ним, — рассердились матросы.

— Погодите, — остановил их старший и снова обратился ко мне: — А где твои документы?

— Не давали нам никаких документов. Мы и так все друг дружку в лицо знаем.

— Вы знаете, а мы не знаем. Чем докажешь, что ты в самом деле красногвардеец?

Чем доказать? Вести шибановцев в штаб? Далеко, не пойдут они... Домой? Напугаешь родителей, да, пожалуй, и не поверят домашним-то. Я уже начал отчаиваться, но вдруг вспомнил, что у склада продовольствия есть пост, а на посту сейчас должен быть, кажется, Виктор Суворов.

— Ведите меня к складу, там наш пост. Коли он меня признает за начальника, значит, не вру, — решил я.

— Ладно, быть по-твоему, — согласился старший после некоторого раздумья. — Тащите его до постового...

Трудно передать, что я пережил за те пять минут, пока в сопровождении двух шибановцев шагал до склада. Думалось: «А вдруг Виктор ушел греться и вместо него стоит на посту кто-нибудь из новичков? Все может быть...»

На мое счастье, Суворов оказался у склада. Увидев приближающуюся тройку, он вскинул винтовку, щелкнул затвором:

— Стой! Кто идет? Стрелять буду!

— Свои! — обрадованно ответил я.

Когда до Виктора дошло, в чем дело, он, обычно тихий и сдержанный, со злостью напустился на матросов:

— Эх вы, моряки! Поперек щей в ложке переплечь не могли!

Я попробовал его успокоить. Но Суворов продолжал возмущаться:

— А что, в самом деле! Мы их сколько ждали, шибановцев этих! А они прибыли — и на тебе! Ать, два! Наших же ребят хотят хлопать!

— Дисциплинка, товарищ постовой! К порядку! — строго сказал я, но в душе готов был расцеловать Виктора.

— Слушаюсь, товарищ дежурный начальник штаба, — неохотно подчинился Суворов.

Мы двинулись обратно, к группе шибановского отряда...

Старший вернул мне наган и извинился:

— Сам понимаешь, браток, дело военное, без документа никак в это время нельзя. А ты еще горланил про темную ночь.

Я предложил морякам идти в штаб и оттуда ровно в полночь, как и намечалось у нас, общими силами начать облаву.

Красногвардейцы встретили шибановцев сердечно. Знакомились, менялись табачком, заводили разговоры, шутили...

В полночь Ермаков разделил отряд на группы и каждой дал задание. К нашей группе, в которую входили Сергей Артамонович Синяев, Паша и Герман Быковы, Шихов, я и еще несколько человек, подошли двое конвоировавших меня шибановцев:

— Как, братки, принимаете?

— А чего же не принять?

— Тот, зубастый, тоже пойдет с нами?

— Это с поста от склада, что ли?

— Ну да.

— Пойдет!

— Кто пойдет? — спросил подошедший Ермаков.

— Да постовой Суворов!

— Постовых снимать не будем. Они нужны на своих местах...

Наша группа во главе с Синяевым направилась к дому тетки Марфы — притону одной из бандитских шаяк, главарем которой был Витька Карманный.

Шли молча, осторожно. Впереди — Шихов.

У Марфиной избы Семен предупреждающе поднял

руку. Все остановились. Из дому чуть слышно доносился чей-то разговор. Шихов бесшумно встал на завалинку и заглянул в щель между ставнями.

Подойдя к нам, Семен шепотом доложил:

— Народу — полна горница. Должно, вся шайка тут. Наверно, грабленое пропивать собрались.

Синяев приказал:

— Пошли.

Постучали в ворота. Во дворе залилась собака. Через несколько минут из сеней вышла хозяйка:

— Кого бог несет?

— Сами пришли, без бога! Отворяй, тетка Марфа, с обыском к тебе, — ответил Сергей Артамонович.

— А-а... Ну, коли с обыском, постойте минуточку. Собаку сейчас привяжу, уж больно она на чужих лютая. Черный! Айда-кось в сарай.

Хозяйка убирала собаку спокойно, не спеша.

— Эй, тетка, пошевеливайся, а то калитку сломать можем, — пригрозили мы.

— Сейчас, сейчас, — Марфа загремела засовом. — Ишь ведь какие скорые. Ну-к что ж, идите ищите, може, чего и найдете, все ваше будет.

Когда мы ввалились в горницу, там было пусто. Однако стулья стояли в беспорядке и в комнате плавал табачный дым.

— Ну, тетка, признавайся добром, куда гостей спрятала? — спросил Синяев, усаживаясь за крепкий березовый стол, человек на двенадцать, стоявший посредине комнаты.

— Это вы про каких гостей? — удивленно подняла брови Марфа.

— А про тех, которые так накурили у тебя.

— Ах, вот вы о чем... Так это же я сама курю.

— Ты? Ты сама куришь, значит? Так... Уж не ты ли столько окурков на чистый пол понасыпала? Добрые хозяйки мусор в избе не держат.

— Может, и я, — усмехнулась Марфа. — Иной раз за день столько выкуришь, что и не счесть. А прибираться — каждый раз не наприбираешься: силы стали не те.

Синяев нахмурился. Во двор бандиты выскочить не могли: мы бы это слышали. Другого выхода из дому не было, а за огородом притаилась наша засада.

— Спрашиваю последний раз, куда гостей спрятала?

Скажешь добром — оставим жить, не скажешь — вместе с бандитами шлепнем, когда найдем их. Знаем, что у тебя они.

— Чего же вы меня спрашиваете, раз сами такие умные? Коли знаете — ищите! — недобро прищурившись, огрызнулась Марфа. — Только у меня никаких гостей не бывало.

— Не бывало?! — обозленный Шихов подскочил к ней. — Так, может, мне спяну показалось, когда я в окошко глядел, что они вот тут, за этим самым столом, сидели?

Марфа быстро взглянула на Семена и равнодушно ответила:

— Может, и спяну, я почем знаю. Тебе, парень, лучше знать.

Неожиданно Шихов с грохотом сдвинул в сторону березовый стол, и мы увидели вырезанную в полу крышку с железным кольцом, закрывающую вход в подполье.

— Может, они у тебя здесь?

— Может, и здесь! — вызывающе ответила Марфа

— А ну, отойди, ребята, — Семен взялся за кольцо. — Я на пулю заколдованный, меня не тронет.

Он рванул крышку и откачнулся в сторону. Из подполья грянули револьверные выстрелы. Герман и я быстро швырнули в отверстие по гранате, а Шихов в тот же момент захлопнул крышку...

Через несколько минут мы выволокли из подполья раненых и оглушенных бандитов.

Однажды, в конце очередного моего дежурства в штабе, когда я мысленно высчитывал, успею ли на завод к началу смены, из соседней комнаты вышли Ермаков и Андрей Елизаров.

— Голодно, Захарыч! — прогудел Елизаров. — А эти бандюги... — и он злобно выругался.

Ермаков, обычно нетерпимо относившийся к ругани, на этот раз никак не реагировал на нее.

— Был я нынче в больнице, — продолжал Андрей. — Детишки — ну, чисто смерть! Кости кожей обтянуты, под глазами синие, щеки зеленые... Эх! Кусочка сахару не видят... Из Питера рабочие отправили нам два вагона

постного сахару, а на станцию вагоны пришли пустые. Все растащили, сволочи, на Палкинском разъезде.

Петр Захарович, сложив руки за спиной, стремительно шагал из угла в угол:

— Штаб Хохрякова дал указание выловить и расстрелять грабителей.

— Где их найдешь? — безнадежно махнул рукой Елизаров. — Они, что крысы, больше в подполье живут.

— Надо найти, — настаивал Ермаков.

Я ушел с дежурства в подавленном настроении: тяжело было видеть, как сильный, обычно веселый крепыш Андрей Елизаров сидит на лавке, обхватив голову руками.

Вот если бы все-все поднялись против бандитов — не было бы им житья, не голодали бы детишки в больнице. А то ведь есть такие: послушать их, так они за Советскую власть, а сами прячут этих бандитов и награбленное ими народное добро.

В цеховой конторке за столом старший приемщик Тимоха Смирных откладывал на счетах итоги движения сырья и изделий прокатки.

Он поднял голову, с минуту рассеянно смотрел на меня, беззвучно шевеля губами, потом улыбнулся:

— А, Саныша свет Иваныч! Молодцá, брат, что за годя пришел, садись, садись, чайком побалуемся. Я было один хотел, да в компании оно приятнее.

Он суетливо выбрался из-за стола, присел перед печуркой и налил из котелка в жестяную кружку кипяток, густо заправленный морковным чаем:

— Пей вот на здоровье!

Я сделал несколько глотков.

— Да погоди, погоди пустой прихлебывать, у меня, чать, и сахар найдется.

Смирных полез в карман, вытащил оттуда серый кулечек и высыпал на неровную поверхность стола несколько зеленоватых и розоватых кусочков сахарной помадки. Я не поверил глазам: постный сахар!

— Откуда это у тебя?

— Да черт его знает, жена где-то расстаралась. Она у меня жох-баба, Васена-то, — пояснил Тимоха.

— Но ведь в городе уже давно сахара нет.

— А у нее везде знакомство! — Смирных важно под-

нял палец. — Я, почитай, и в глаза всех тех баб не видал и не знаю, с коими Васена моя дружбу водит.

Когда Тимоха обернулся к котелку, мне удалось незаметно спрятать в карман один из кусков, лежащих на столе.

В ту ночь я не мог спокойно работать и утром, как только пришел мой сменщик, кинулся в штаб. За столом, положив голову на руки, спал Синяев. Оказалось, что разбудить Артамоныча не так-то просто, но, когда я все-таки растолкал его и начал рассказывать, в чем дело, он сразу забыл про сон.

— Сколько же в Тимохином кульке сахара такого? — спросил Синяев.

— Да около фунта наверняка!

Скрипнула дверь. Я обернулся и увидел Ермакова. Он пристально посмотрел на кусок розовой помадки.

Около восьми утра патруль под командой Германа Быкова подошел к дому Смирных. В пустом амбаре, под сенной трухой, в огромном ларе из-под овса, нашли три ящика постного сахара. Тимоха, присутствовавший при этом, обомлел от страха, а его жена тигрицей бросилась защищать ворованное добро...

Отсидевши день под арестом, Васена рассказала, у кого выменяла сахар. В тот же вечер часть груза была взята во дворе одного из поселковых домов, а все остальное — в лесу, в заброшенном каменном карьере. Ящики в лесу охранялись несколькими бандитами, которых застрелили при попытке скрыться. Однако главарю этой шайки, одноглазому Ваське Верхолазу, удалось уйти.

Семен вернулся с операции туча тучей. С Васькой Верхолазом у него были свои счеты. Как-то вечером, когда Шихов возвращался с завода, почти у самого дома на него вдруг навалилось пятеро. Вырвали наган — выстрелить Семен не успел, — скрутили руки и страшно избили. Один из них — это был Васька — все добивался, чтобы Шихов попросил пощады. Но Семен только зубами скрипел. Он еле-еле дополз до калитки и потерял сознание. Его подобрала соседи...

После того как Верхолазу удалось скрыться, Шихов стал частенько исчезать куда-то. Ермаков, всегда строго следивший за соблюдением дисциплины, на отлучки Семена почему-то смотрел сквозь пальцы. И вот однажды, в день какого-то православного праздника, Шихов вва-

лился в штаб с сияющими глазами и, убедившись, что, кроме меня и Ермакова, в комнате никого нет, отрапортовал:

— Васька Верхолаз сегодня на вечерке будет в петунинской избе. Мы с Илькой Пуховым вроде гулять туда пойдем. Я там у них за своего считаюсь. Но от двоих нас Васька с помощью дружков опять может улизнуть. Надо еще в засаду человек пяток дать. Тогда наверняка накроем гада!

— Сам пойду! — решил Ермаков. — Сано! — повернулся он ко мне. — Предупреди ребят: Быковых, Витю, да еще парочку понадежнее. Сам тоже готовься...

Ночь была светлая. Стоял лютый мороз. Мы бесшумно оцепили квартал, где находилась изба Петуниных. Условились, что если ребятам не удастся взять Верхолаза в избе, то они будут гнать его на засаду. Я устроился на бревнах, приготовил карабин. Зябко...

Вдруг во дворе грянули выстрелы — один, другой... Потом опять тишина... Но вот кто-то рослый перемахнул через забор и бросился бежать по дороге.

— Стой! Стрелять буду! — крикнул я и для острастки выстрелил в воздух.

Человек как подкошенный упал в снег. Я выскочил из засады и побежал к нему, соображая: как же так, стрелял вверх, а попал в человека? К лежащему устремились и другие из засады.

— Убил? — спросил Ермаков, подбежавший одновременно со мной. Мы наклонились — и тут же изумленно посмотрели друг на друга: перед нами лежал не мертвый Верхолаз, а живехонький Илька Пухов. Он глядел на нас телячьими глазами и бормотал:

— Жив я... живой, братцы... Пуля-то как свистнет... У меня ноги со страху отнялись...

— Выгоним мы тебя, Илья, из отряда! — жестко сказал Ермаков. — Какую добычу упустили по твоей милости.

В этот момент совсем рядом, у забора, раздался выстрел. Мы кинулись туда. Из сугроба с наганом в руке медленно поднялся Семен. Лицо его было залито кровью.

— Сквитался я все-таки с Васькой, но он успел ударить меня свинчаткой, — сказал Шихов и упал на руки Паше Быкову.

БЫЛИ СБОРЫ НЕ ДОЛГИ

Совместно с красногвардейцами первого района нашему отряду после короткой перестрелки удалось разоружить бунтующий казачий эшелон. При дележе отобранного у казаков оружия произошла перебранка. Шихов, едва оправившийся после схватки с Верхолазом, пошел к самому начальнику отряда первого района. Суровый командир красногвардейцев-железнодорожников после разговора с Семеном распорядился выдать нам два станковых пулемета.

Разумеется, Шихов первым записался в пулеметную команду, которую возглавил Елизаров.

Близился восемнадцатый год. На Южном Урале Советская власть вступила в тяжелую борьбу с контрреволюцией. Атаман Оренбургского казачьего войска полковник Дутов, захватив власть в Оренбурге, сумел сформировать там несколько контрреволюционных отрядов и занял также Троицк и Верхне-Уральск. Банды дутовцев начали угрожать промышленным районам Поволжья и Урала.

Красногвардейские отряды Челябинска, Мотовилихи, Перми, Кунгура и других уральских городов стали собираться на борьбу с дутовщиной. Готовилась к походу на юг и Красная гвардия Екатеринбургa.

Как раз в разгар этой подготовки я самым нелепым образом был ранен в ногу. Наши ребята задержали на улице какого-то подозрительного человека и, не обыскав его тщательно, привели в штаб. Как мне потом рассказал Паша Быков (я сидел за столом спиной к двери и не видел этого), задержанный внезапно выхватил из-под

полушубка винтовочный обрез и пытался выстрелить в Синяева. Но Виктор Суворов успел ударить стрелявшего по руке, ствол отклонился вниз, пуля попала мне в ногу...

И вот двадцать шестого декабря 1917 года мои друзья — Витя Суворов, Семен Шихов, Миша Чистяков, Паша и Герман Быковы — со сводным красногвардейским отрядом под командованием Петра Захаровича Ермакова ушли в поход против Дутова, а я тоскливо смотрел на замерзшие окошки родной избы...

Едва только начал ходить, опираясь на палку, как навалилась пропасть дел. Нас, красногвардейцев, осталось немного, а положение в городе по-прежнему было напряженным.

Как-то утром пришло сообщение: наши дерутся под Оренбургом, есть убитые и раненые, в Екатеринбург направлена делегация, которая везет тела погибших товарищей, чтобы торжественно, с почетом похоронить их. Центральный штаб приказал приготовить на площади, против здания Горного управления, братскую могилу и встретить делегацию на вокзале.

В тот же день, позднее, к нам в районный штаб пришел какой-то дед и рассказал, что его соседи вот уже с неделю пекут хлеб и носят на базар продавать. Посланный на обыск патруль вернулся с неожиданными результатами. В доме, за печкой, нашли три мешка муки, а под мешками около десятка новеньких винтовок. Припертые к стенке, хозяева избы называли тех, кто выдал им оружие.

По горячим следам мы совместно с красногвардейцами других районов арестовали тридцать человек. Бывший офицер, стоявший во главе подпольной группы, на допросе показал, что оружие предназначалось для мятежа. Накануне, узнав о том, что едет делегация, контрреволюционеры решили ускорить выступление. Они намеревались расстрелять колонну красногвардейцев во время траурного шествия от вокзала к братской могиле.

Отдохнув немного после удачной ночной операции, отряды всех районов направились к старому вокзалу станции Екатеринбург.

Надолго запомнилось мне это морозное утро в январе 1918 года. Солдатский оркестр играл похоронный марш.

Гудели паровозы. Построенные порайонно екатеринбургские красногвардейцы принимали обитые кумачом гробы с телами своих товарищей, погибших в бою у станции Сырт.

В последний путь проводили мы рабочих Верх-Исетского и вагоноремонтного заводов: Александра Огорова, Михаила Филатова, Петра Семушева, Иосифа Жук.

Участники первого похода против Дутова под звуки мелодии «Вы жертвою пали в борьбе роковой...», под грохот винтовочных залпов были погребены возле каменного постамента, на котором раньше стоял памятник царю Александру II.

Восемнадцатого января 1918 года красногвардейские части освободили Оренбург. Дутов с остатками своих разгромленных войск бежал в степь. Через несколько дней после этого сводный отряд Ермакова вернулся в Екатеринбург.

Все мои друзья приехали с трофейным оружием. Виктор Суворов с карабином и маленькой саблей выглядел весьма внушительно.

У Семена был великолепный офицерский клинок. На эфесе выгравирована надпись: «С нами бог и атаман».

— Однако же ни бог, ни атаман не помогли контрику уйти от моей пули! — гордо говорил Шихов.

Ребята смеялись:

— Тебе, пулеметчик лихой, сабля по штату не положена. Зря старался. Сабли только у командиров да еще у кавалеристов бывают.

Семен беззлобно отшучивался:

— Чего задираетесь? Вот ведь какой нонче народ пошел: жадный, на чужую добычу завидуший. Погодите, может, я еще и буду командиром.

— Ты?! Ай да Сенька! Валяй жми выше.

— А что? — не сдавался Шихов. — Вот отличусь в бою. Очень даже просто. И все тут. И саблю искать не придется, тут она.

Как-то утром меня разбудил Семен. Я с усилием открыл глаза и хмуро оглядел перепоясанного пулеметными лентами приятеля:

— Чего такое?

А. Е. Мокеев

— Дело есть, — кратко ответил Шихов. — Одевайся да пошли. Только быстрее.

— Это что у тебя за спешки такие? — сердито спросила заглянувшая в горницу мать. Семен ничего не ответил ей и, глядя на меня, повторил:

— Поторопись.

Я быстро оделся.

— Умоешься после. Айда!

Мы вышли на улицу, и Шихов шепотом сообщил:

— Слышно, Дутов под Верхне-Уральском опять мутит казаков. Там заводские отряды послабже наших, ну и надо на подмогу ехать. Сейчас запись в дружину

идет. Виктор, Герман, Паша на завод побегли, а я за тобой.

Я благодарно взглянул на друга, и мы прибавили ходу. И хорошо, что поспешили. Когда пришли, запись уже подходила к концу. Малышев уговаривал наиболее настойчивых:

— Товарищи, если мы все пойдем на Дутова, кто же на заводе останется? Нельзя же завод останавливать, ведь он не чей-нибудь, а наш, народный.

Нам все-таки удалось записаться в дружину, благодаря тому, что Виктор, Герман и Паша долго кричали и спорили.

Суворов возбужденно рассказывал:

— Синяевы оба записались, отец и сын, а Тарантины, так за отцом следом оба сына пошли. Записались и братья Рыбниковы, и Рыковы, и Куриловы, и Орловы, и Чухманцевы, и Ярославцевы... Народу — тьма!

Начальником нашей дружины назначили Петра Захаровича Ермакова, комиссаром — Ивана Михайловича Малышева. Дружинным секретарем мы выбрали Германа Быкова.

После этого на верстак взобрался Егорыч Мокеев.

— Вот какое дело, граждане, значит, товарищи! Все оно, конечно, правильно, командиры там, комиссары и прочее. А вот как будет насчет того, чтобы ежели к порядку призвать, кто, скажем, сворует или схулиганствует? Семья и малая не без уroda бывает, а нас эвон сколько собралось!

— Правильно, Александр Егорыч,— одобрил, появляясь рядом с Мокеевым, Малышев.— Для такой надобности нам нужен настоящий революционный трибунал. Выдвигайте, товарищи, кандидатуры.

— Синяева! — крикнул Шихов.

— Синяева, верно! — подхватили другие.

— Ливадных!

— Орешкина!

— Судить, ежели что, по всей строгости!..

— Расстреливать гадов, кто на чужое добро позарится или пьянствовать вздумает!..

— За уход с поста, мародерство, воровство, пьянство и прочие поступки, порочащие звание солдата пролетарской армии,— расстрел,— громко читал Малышев наказ Ревтрибуналу.— Кто за, товарищи, прошу голосовать.

Поднялись сотни рук.

— Прошу опустить. Кто против? Кто воздержался? Единогласно,— подытожил Малышев.— Митинг объявляю закрытым.

Дружина, сформированная из красногвардейцев нашего четвертого района, получила наименование 2-й Уральской боевой дружины. Она делилась на сотни, а сотни — на взводы. Из рабочих-добровольцев других районов Екатеринбурга была создана 1-я дружина. Ее начальником назначили Ивана Александровича Бобылева. Одновременно заводы Среднего Урала: Алапаевский, Теплогорский, Верхняя и Нижняя Тура, Верхний и Нижний Тагил — формировали 3-ю и 4-ю дружины.

Командующим всеми четырьмя дружинами назначили бывшего капитана царской армии коммуниста Циркунова.

Социалистический Союз рабочей молодежи организовал из рабочих Екатеринбурга и среднеуральских заводов молодежную сотню. Верх-Исетский завод дал в нее несколько десятков человек. В эту сотню, которая вошла в состав нашей 2-й дружины, были зачислены Саша

Кондратьев, Герман и Павел Быковы, Виктор Суворов, Саша Викулов.

Я, благодаря своей настойчивости, сумел определиться в команду с громким названием гренадер-бомбометчиков.

Около двух недель дружинники проходили военную подготовку — огневую и тактическую. Бомбометчики главным образом изучали свое основное оружие — ручные гранаты различных систем и отработывали способы их применения.

Перед выступлением мы получили обмундирование. Мать, увидев меня в солдатской шинели, заплакала:

— Ох, Санейко, ох, соколик ты мой... Вот ведь пришлось дожить, что и мой Санушко в солдатах.

Отец вышел на кухню и сказал строго:

— Не причитай, мать... Maybe, еще живой да здоровый вернется...

А на другой день, одиннадцатого марта 1918 года, с винтовкой и солдатской котомкой за спиной шагал я по улицам города в одном ряду с Виктором Суворовым и Семеном Шиховым.

Виктор тихонько говорил мне:

— Нас с тобой коли убьют, никому ничего не делается, только родители, конечно, горько поплачут. А если Семен не вернется, у него восемь сестреночек без кормильца будут. Отец у них — только слава одна, что отец. Да и мать кашляет.

Шихов, повернувшись в нашу сторону, сердито спросил:

— Чего невеселые? Раньше смерти помирать собрались, что ли?

— Как же! — ответил Виктор. — Помирать-то кому охота? Да еще в восемнадцать лет!

— А это смотря за что помирать... Ежели за дело, так оно и можно, — медленно произнес Семен. — А так вообще — что и говорить! — любому жалко с жизнью расставаться.

Недалеко от центра города Шихов и Паша Быков, перемигнувшись, запели:

Смело, товарищи, в ногу...

Колонна дружно подхватила:

Духом укрепим в борьбе!

На площади, у собора, около братской могилы красногвардейцев, мы остановились. Здесь со склоненными к земле знаменами выстроились все дружины.

Несколько человек выступили с речами. Ораторы говорили с постамента, на котором раньше стоял памятник царю. Один из них был в папахе и кожаной куртке. Он заговорил высоким, срывающимся голосом, и Паша, вскинув глаза, удивленно воскликнул:

— Смотрите, девчонка!..

Ей было никак не больше восемнадцати лет.

Время от времени она энергично взмахивала маленьким кулаком и потом поправляла папаху, сползавшую ей на глаза. Сзади кто-то сказал:

— Шуркой звать, а по фамилии Лошагина. Шустрая такая, из злоказовских — фабричная. А теперь, выходит, сестра милосердия: вишь вон красный крест.

Кончив пламенную речь, Шура неожиданно вытерла нос рукавом — и сразу стало очень заметно, что, несмотря на свои куртку и папаху, она всего лишь малолетняя девочка, худенькая и озябшая.

Прямо с площади дружины пошли на вокзал.

Во время погрузки в вагоны меня дернул за рукав Паша. Я обернулся и увидел Шуру.

— У нее папаха велика, — сказал Быков. — А тебе твоя сильно маловата. Поменяйся с ней.

— Моя взаправду велика, — закивала Шура.

— Чего же не поменяться? На, примеряй. — И я с готовностью протянул ей свою трофейную папаху.

— Ой, в самый раз! — обрадовалась Шура. — Возьми мою!

А. В. Лошагина
(снимок 1926 г.)

Шурина папаха пришлось мне впору, и мы пошли к своим теплушкам.

А ночью, засыпая на соломе под мерный стук колес, я думал о том, какое замечательное время наступит, когда мы уничтожим всех врагов Советской власти и в каждом доме будет вдоволь хлеба.

Так начался второй поход против Дутова. Эшелоны наших дружин двинулись в Южноуральские степи, чтобы еще раз дать отпор контрреволюционным бандам.

У ЧЕРНОЙ РЕЧКИ

После небольшой остановки в Челябинске дружины поехали дальше и вскоре высадились в Троицке. Дутовские шайки почти полностью окружили Троицк. Они неоднократно пытались ворваться в город, разрушали железную дорогу, прерывали связь с Челябинском. Члены городского Совета, ожидавшие помощи, тепло встретили нас.

В Троицке был организован Центральный штаб отряда. В него вошли начальники и комиссары дружин. Общее командование осталось за Циркуновым. Начальником Центрального штаба выдвинули Александра Ивановича Рыбникова, бывшего прапорщика царской армии, рабочего-сталевара Верх-Исетского завода. А старшим комиссаром избрали И. М. Малышева.

Пока командиры разрабатывали план дальнейших действий, дружинники расположились на отдых. Под ружьем были посменно лишь дежурные подразделения.

Гуляя по городу, бойцы молодежной сотни задержали наглого незнакомца.

— В ичигах киргизских, в малахае, в бешмете местного покроя, а разговор и обличье барские,— рассказывал Саша Викулов.— Ну и привели этого «киргиза» в штаб. Оказалось, дутовский лазутчик, родич одного из белоказачьих главарей.

Шпиона расстреляли.

Спустя несколько дней отряд в составе четырех дружин двинулся через казачьи станицы на Верхне-Уральск.

А. И. Рыбников

Сначала мы не встречали сопротивления. Поселок Берлинский заняли без единого выстрела. Население встретило нас мирно. Комиссары собрали жителей, рассказали им о задачах Советской власти. Из казачьей бедноты был избран поселковый Совет.

То же самое повторилось в станицах Подгорной, а затем и Степной.

В Степной дружины встали на дневку. И тут трое бойцов напились самогону у разгульной бабенки, учинили дебош, разбили окна в хате.

На следующий день трибунал приговорил дебоширов к расстрелу... Узнав об этом, степенные казаки-бородачи целой делегацией пришли в штаб просить помилования приговоренным.

— Подумайте, господа, товарищи командиры! Разве можно за разбитые окна по суду трех солдат расстреливать? Солдату в походе на дневке выпить, погулять никогда запрету не было. На то он и боевой страдалец,— говорил один из казаков.

Малышев разъяснил сердобольным станичникам:

— Наши бойцы — защитники Советской власти — должны не только проявлять боевую доблесть, но и всегда и везде безупречно вести себя. А эти трое позорят честь новой рабоче-крестьянской армии.

Приговор привели в исполнение.

Без боя вступили мы в станицу Сухтелинскую. Но, двигаясь дальше, верстах в трех от нее наша конная разведка столкнулась с вражеским разъездом. Кавалеристы, многие из которых совсем недавно сели в седло и взяли в руку шашку, славно порубились с дутовцами.

Дружинники, узнав о стычке, стали наседать на командиров, требуя вести их в бой. Но командование решило иначе: было приказано немедленно занять оборону

на окраине станицы. На ночь в сторону Верхне-Уральска выслали усиленное охранение.

А утром бойцы из 2-й дружины, находившиеся на левом фланге, заметили за увалом спешенных белоказак. Завязалась перестрелка. Грохнула наша пушка. В бой вступили все. Только нашу команду бомбометчиков оставили в резерве.

Улучив случай, я сбегал к станичной церкви посмотреть, как воюют расположившиеся там артиллеристы.

Командир батареи сидел на колокольне и корректировал огонь своих трехдюймовок. Когда ближайшая ко мне пушка рывкнула, я чуть не свалился в сугроб.

— Вот так солдат! — засмеялись артиллеристы.

Мне было стыдно. В ушах сильно звенело.

— Ничего, привыкнешь. Только рот раскрывай, чтобы не оглушило,— успокоили меня.

Потом я залез на колокольню и в бинокль, который дал мне командир, увидел, как отступает дутовская конница, оставляя на снегу черные точки — убитых и раненых.

Дружинники, увязая в глубоком снегу, стреляя на ходу, преследовали противника. Но в это время из штаба поступил приказ отойти назад, в станицу. Подчинились ему неохотно.

Особенно горячились люди третьей сотни, первыми обнаружившие противника:

— Да мы угнали бы казаков до станицы Краснинской!

— А там скоро и Верхне-Уральск...

— И што это за война? Пошли наступать, а тут сразу команда отбой...

Вечером на совещании в штабе отряда в присутствии представителей дружин Циркунов разъяснил создавшуюся обстановку. Оказалось, что, по сведениям разведки, Дутов сосредоточил в Верхне-Уральске крупные силы, значительно превосходящие по численности наш отряд.

— Поэтому, — толковал он, — продолжать наступление в сторону Верхне-Уральска рискованно. К тому же нас окружает враждебная среда, да и боеприпасов осталось мало. Предлагаю немедленно начать отход назад, к Троицку, чтобы не оторваться от железной дороги и

сохранить связь с Челябинском, откуда мы можем получить подкрепление.

Это предложение обсуждалось бурно. Молодежь горой стояла за продолжение наступления. Пожилые и опытные в военном деле дружинники поддерживали Циркунова. Тогда поставили вопрос на голосование. Большинство высказалось за отход.

В ту же ночь дружины покинули Сухтелинскую. Чуть впереди и на флангах вытянувшейся колонны шагали дозоры охранения. Подальше, в морозном сумраке, маячили редкие разъезды наших немногочисленных конников.

Идти с полной выкладкой бомбометчика было тяжело. На поясе у меня висело десять гранат, в особом патронташе находились детонаторы к ним, за плечом — трехлинейная драгунская винтовка, а на боку, слева, — совершенно ненужная сабля.

Со всем этим оружием — предметом зависти многих молодых дружинников, не попавших в команду бомбометчиков, — в походе пришлось несладко. Сапоги то скользили по мерзлой земле, оголенной на взгорьях степными ветрами, то проваливались в глубокий снег...

Чуть только отряд отошел от станицы, как оттуда нам вдогонку полетели пули.

Сомкнувшись в кольцо вокруг пушек и обоза, мы отбили налет внезапно появившейся дутовской конницы.

Этот первый удар в спину из «мирно спящей» станицы показал, насколько прав был Циркунов, говоря о враждебном окружении. Ночной бой заставил многих из нас, особенно горячую молодежь, понять, как важны бдительность и дисциплинированность.

Начавшийся таким образом отход и в дальнейшем был нелегким. В открытой степи, где гуляла свирепая метель, дружинники много раз ложились на снег, отбиваясь от наседавших конных разъездов дутовцев. Тем не менее, сделав лишь один привал в Степной, уже к вечеру второго дня вошли мы в поселок Берлинский.

По распоряжению штаба расположились на отдых, густо набив избы поселка. Кое-чем подкакусив, уставшие бойцы быстро заснули. В сторожевом охранении были дежурная сотня и конные патрули.

В штабе отряда, где я дежурил связным от команды бомбометчиков, собрались Циркунов, Рыбников, командиры и комиссары дружин. Посовещавшись, они решили с утра форсированным маршем двинуться к Троицку.

Выйдя из поселка Берлинского, отряд выслал вперед и на фланги немногочисленные конные (всего в то время у нас насчитывалось не более двадцати кавалеристов) и усиленные пешие дозоры. В центре колонны двигались артиллерия, обоз, штабные повозки, санчасть, подводы с больными и ранеными. Команда бомбометчиков прикрывала пушки. К ней примыкала 4-я молодежная сотня 2-й дружины под командованием Петра Типикина.

Вскоре нас опять начали беспокоить конные разъезды дутовцев.

Во время отражения одного из вражеских налетов находившийся поблизости от меня боец молодежной сотни — юноша лет семнадцати, — делая перебежку, вдруг неестественно круто повернулся и упал. Я подбежал к нему.

— Что с тобой, приятель? Ранили?

— Ранили, — испуганно глядя на меня, ответил паренек. Потом, по-детски всхлипывая, добавил: — Куда-то вот гут... в низ живота...

Я отвернул полу его шинели и увидел, что из маленькой дырочки в шароварах сочится алая кровь.

— Эй, сестры, скорей перевяжите раненого! — крикнул я.

К нам подбежала молоденькая сестричка из городских гимназисток.

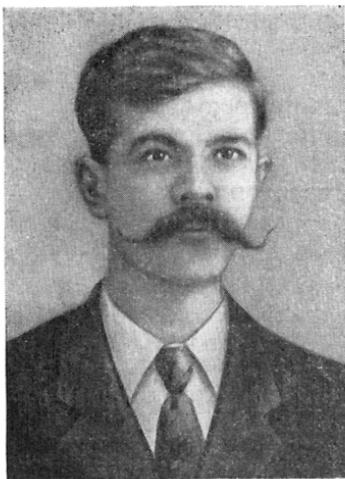
— Куда ранен? — деланно строго, скороговоркой спросила она.

— Вот посмотри, — сказал я, расстегивая шаровары паренька.

Девушка в один момент стала красной, как маков цвет, и, отвернувшись, смущенно прошептала:

— Мне стыдно, не могу смотреть...

— Эх ты, скромница, шляпа милосердная, а не сестра! — взорвало меня. — Если не перевяжешь — ножнами отшлепаю!

М. А. Колмогоров

Сестра дрожащими руками, виновато взглядывая на меня, начала перевязывать. А я побежал догонять свою команду...

По мере того как отряд приближался к Троицку, вражеские разъезды встречались все реже. Наконец они совсем пропали...

Впереди показалась Черная речка. От нее до Троицка — всего двенадцать верст. Темнел деревянный мост. И вдруг послышалось «ура»: слева, из-за холма, вылетела казачья лава. Одновременно заработали вражеские пулеметы, укрытые в прибрежных балках.

Бойцы быстро развернулись в цепи. Артиллеристы изготовили пушки и встретили противника шрапнелью. Красноармейцы открыли огонь из винтовок.

Казачи повернули назад. Но вскоре, оправившись от удара, они снова ринулись в атаку. Командир левофланговой 1-й сотни — рабочий мартеновского цеха Верх-Исетского завода Михаил Александрович Колмогоров — скомандовал: «С колена, прицел шесть, по кавалерии, огонь!..» — и тут же упал, сраженный пулей. Рядом с Колмогоровым был убит его помощник, тоже наш заводчанин, Константин Спиридонович Калинин. Среди бойцов, оставшихся без командиров, произошло некоторое замешательство. Казачи быстро приближались. В этот напряженный момент неожиданно появившаяся в цепи медсестра, та самая Шура Лошагина, что выступала на митинге в Екатеринбурге, звонко крикнула: «Сотня, пли!» Раздался дружный залп, за ним второй. Дутовцы смешались, потом рассыпались в стороны и, оставляя много убитых и раненых, откатились за холм.

Алексей Денисов и Григорий Десятов повели свои сотни вперед, на вражескую засаду, расположившуюся вдоль берега Черной речки. На правом фланге бойцы

1-й дружины также отражали нападение дуговой конницы.

Бой длился несколько часов. У наших артиллеристов кончились снаряды. Были ранены Циркунов и Ермаков. Командующего заменил Рыбников, а Петра Захаровича Десятков.

Отряд отбил еще несколько атак вражеской кавалерии с флангов и сам упорно атаковывал спешенных дуговцев, засевших с пулеметами в прибрежных балках, вдоль реки. К мосту были брошены молодежная сотня и группа бомбометчиков.

Наконец, противник, понеся большие потери, отступил. Мы захватили много коней, а также оружия, особенно пулеметов, установленных на санках, обтянутых цветастой ковровой кошмой.

Поздно вечером — это было двадцать восьмого марта — дружины входили в Троицк. У самого города я встретился с Шурой. Она отдыхала, сидя на поваленном телеграфном столбе. Я присел рядом с девушкой.

— Ну как, жив-здоров? — улыбнулась она.

— Как видишь, живой.

— Я тоже живая. Только ногу вот маленько царапнула. — Шура шевельнула вытянутой ногой и поморщилась: — Ну да ничего, заживет.

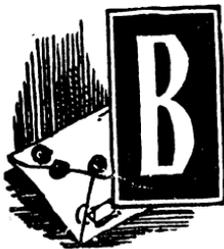
— Конечно, заживет! Это только на трусливых не заживает, а ты ведь герой!

Шура ответила мне благодарной улыбкой.

К. С. Калинин

Во время похода нашего отряда на Верхне-Уральск положение в Троицке оставалось напряженным. Казаки по-прежнему разрушали железную дорогу, связывающую город с Челябинском. Делегация городского Совета, посланная в станицу Солодянскую для переговоров с дутовцами, была зверски замучена белоказачьими офицерами.

Возвратившиеся в Троицк дружинники продолжили военную учебу, готовясь к новым боям с врагом. Начальником 2-й дружины вместо раненого П. З. Ермакова стал Григорий Десятов.

Через несколько дней часть нашего отряда совершила вылазку в мятежные станицы Бобровскую и Ключевскую. Здесь были захвачены богатые трофеи: обоз с седлами, оружием и табун — голов двести свежих коней.

После этого Центральный штаб сформировал из красноармейцев отряда, преимущественно конников старой армии, кавалерийский эскадрон. Командиром его назначили статного голубоглазого усача, бывшего офицера Митина, а во главе 2-го взвода поставили солдата-кавалериста царской армии, помощника сталевара Верх-Исетского завода Александра Смановского.

Попал в эскадрон и я. Как раз во 2-й взвод, к Смановскому. Своего коня, тавренного буквой «Б», я назвал Боевиком.

В эти дни узнали мы о подвиге наших разведчиков — рабочего Верх-Исетского завода, члена РКП(б) Ивана Сергеевича Плаксина и рабочего Сиячихинского завода, тоже члена партии Николая Плишкина. Оказывается,

еще перед походом на Верхне-Уральск Центральный штаб направил их из Троицка с заданием: разведать силы и планы врага. Плаксин и Плишкин, вращаясь среди дутовских штабных офицеров под видов конеторговцев, сумели собрать необходимые сведения. В станции Сухтелинской Плаксин доложил штабу о скоплении в Верхне-Уральске крупных сил противника, после чего мы и начали отход назад. Потом, в поселке Берлинском, разведчики предупредили, что где-то между Берлинским и Троицком враг готовит нападение на отряд.

Г. Л. Десятов

Но в конце концов Плаксин был кем-то выдан дутовцам и после пыток повешен. Плишкин, закупавший в то время коней в одной из соседних станций, спасся от ареста и возвратился к нам.

В первых числах апреля из Челябинска в Троицк прибыл с подкреплением председатель Челябинского ревкома Василий Константинович Блюхер. Уральский областной военный комиссариат назначил его командующим всеми восточными отрядами, действующими против Дутова¹.

Блюхер организовал объединенный штаб и вместе с ним разработал план разгрома противника. По этому плану наши войска тремя колоннами выступили из Троицка, стремясь взять дутовцев в кольцо.

Отряд в составе кавалерийского эскадрона, 1-й и 2-й екатеринбургских дружин добрался в эшелонах до конечного пункта Орской железной дороги — станции Карталы, высадился там и двинулся на северо-запад.

Степь была покрыта рыжей щетиной прошлогодних трав. Искрились под лучами вешнего солнца частые степные озера в низких берегах, окаймленных слоем самосадочной соли.

¹ Западными отрядами командовал М. Кадомцев.

Я и Виктор Суворов ехали впереди, в конном дозоре. Первым рысил старший дозорный — лихой наездник, татарин из-под Самары, со странным прозвищем Догоняй Васька.

Прошли станицы Анненскую и Великопетровскую. Степь сменилась редколесьем и возвышенностями. И тут вдруг Догоняй Васька, ни слова не говоря, пустил своего коня в карьер.

«Эге, видать, дело серьезно!» — решили остальные дозорные и тоже погнались во весь опор. Поджарые скакуны храпели, раздувая ноздри.

«Ну и глаза у этого Догоняй Васьки!» — восхищенно подумал я, разглядев наконец далеко впереди четырех верховых.

— Санька! — крикнул Виктор. — Давай заходи с того боку, отрезай им путь отхода. А я с этого буду...

Я кивнул головой: ответить не мог — на сумасшедшем скаку перехватило горло — и совсем пригнулся к шее своего скакуна. Догоним! Сразу видать: у них лошади прошли немало, устали.

Я обогнал верхового, проскакал вперед и повернул коня боком, поперек дороги...

Догоняй Васька вытер клинок полый шинели. Двое конных лежали зарубленные, двое молча подняли руки.

— Сказывайте, кто такие? — спросил их Виктор.

— Конвой мы, — хмуро ответил один из них.

— Чей конвой? Сказывай толком!

— Казначей дутовского... Он с одним казаком в горы ускакал, а мы отстали, чтобы вас задержать.

Догоняй Васька отрядил Суворова, меня и еще одного конника конвоировать пленных, а сам с подоспевшим к нам Смановским помчался догонять казначея.

Отряд остановился в станице Парижской. Когда мы уже укладывались спать, в наш сарайчик ввалился Догоняй Васька и начал рассказывать:

— Тропа, вай-вай, шибко вверх пошла. Ладно. Тропа вверх, и мы вверх. Скачем шибко. Кони в мыле. Видим: дом. Рядом два коня. Все мокрый. Моя говорит: «Здесь казначея!» Ладно. Шагай в дом. Там лесник. Шибко молодая лесник. И рука под зипун спрятан. Ладно. Сман говорит: «Рука вверх!» Лесник рука вынул, браунинг там. Ладно. Моя хват нагайкой по рука — наган падай; Сман стредяй — нет лесник...

— А, может, это и впрямь был лесник? — усомнился я.

— Зачем лесник? — возразил Васька. — Правильный лесник старая. Шибко старая. Моя его в амбар найди. Руки связан, тряпка в рот...

— Живой?

— Живой.

На другой день, утром, штаб послал усиленный конный разъезд во главе со Смановским в станицу Черниговскую для установления связи с южной группой западных отрядов, которой командовал Н. Д. Каширин.

Когда мы выехали, солнце было еще совсем низко. Утренний свежий воздух бодрил. Настроение у всех было хорошее.

Дорога шла среди невысоких, покатых увалов, поросших кое-где березняком.

— Эх, утро-то какое! — вздохнул Виктор. — Глянь, Сашко, на березки! Чистые да белые, ровно свечи. — Я перевел взгляд на загорелое, с доброй улыбкой лицо Суворова, а он вдруг схватился за шашку и крикнул:

— Ребята, казаки!

Из-за бугра вылетела группа конных.

Бой был коротким. Я схватился с приземистым плотным казаком, который кружил, как черт, на низкорослой степной лошадке, тарашил на меня глаза и свирепо ругался. Я тоже рассвирепел и заорал на него, но казак был сильнее, мне пришлось туго. Неожиданно мой противник охнул, схватился за бок и медленно сполз с седла. Обернувшись, я увидел, что Виктор не спеша засовывает за пояс револьвер.

Трое казаков быстро уходили за бугор, остальные были убиты. Тут мне бросилось в глаза, что Васька полулежит в седле, навалившись на шею своего коня, который покорно стоит на месте и прядет ушами. Я кинулся к Ваське. Он еле слышно проговорил:

— Якши клинок... Шибко много казак порубил...

Через некоторое время мы добрались до Черниговской и нашли штаб Н. Д. Каширина. Здесь, в полевом лазарете, Догоняй Васька умер от большой потери крови. Мы похоронили его за околицей станицы, на бугорке.

Оставив у каширинцев двух конников связными, наш разъезд возвратился в свой отряд.

А спустя несколько дней меня и еще четырех кавалеристов опять вызвали в штаб. В просторном штабном пятастенке было жарко. За столом сидели недавно приехавший в Парижскую В. К. Блюхер и комиссар нашего отряда И. М. Малышев. Ворот солдатской гимнастерки командующего был расстегнут, на груди виднелся край марлевой повязки. (Потом мне рассказали, что Василия Константиновича очень часто беспокоили тяжелые раны, полученные им на фронте в 1915 году.)

Блюхер встал из-за стола, внимательно осмотрел всех нас и сказал:

— Вы повезете пакет в четвертую дружину, которая должна находиться в станице Варнинской.

Выехали чуть свет. Скакали долго. По дороге снова наткнулись на дутовский разъезд. После короткой стычки казаки ушли в степь, оставив убитого офицера. Мы поторопились к станице.

В штабе 4-й дружины нас встретил комиссар.

— А, летучая почта! — улыбнулся он, принимая пакет, и приказал накормить нас.

С удовольствием распрямив затекшие ноги, расправлялись мы с горячей гречневой кашей, когда в горницу вошел вестовой.

— А ну, хлопцы, кто добровольно желает везти назад ответ? Дело срочное, важное!

Уставшие конники переглянулись. Я поднялся:

— Поеду.

Вручая мне пакет, комиссар сказал:

— Не зевай. С казаками не связывайся, чуть чего — удирай что есть мочи. — Он помолчал, потом добавил: — Ежели туго придется — пакет уничтожь.

Уже верстах в трех от Варнинской я вспомнил, что так и не успел напиток. А солнце пекло немилосердно, и меня начала мучить жажда...

Ехал очень долго. Уставший конь спотыкался. Уже загустели сумерки, а Парижской не было и в помине. Неужели заблудился?

Но вот вдали замигали огоньки. Станица! Только чья? Сердце захолонуло.

На гребне холма показались силуэты всадников. Раздался окрик:

— Стой! Кто идет?

В сознании мелькнуло: «Если туго придется — пакет уничтожь».

Ответил спокойно:

— Свой!

— Кто свой? Уралец? — спросили с холма.

«Ловят? Все равно уйду, если что...»

— Уралец!

— Пропуск?

— «Винтовка»! Отзыв?

— «Виндава»!

— Это Сашка! Ей-богу, Сашка! — радостно крикнули сверху.

Я узнал голос Виктора Суворова и погнал коня на холм...

В штабной избе был накрыт большой круглый стол. На нем стояли миски с горячими пельменями и клокочущий самовар. За столом сидели командиры и комиссары. Я подошел к Блюхеру, подал ему пакет, доложил:

— Задание выполнено. В схватке с конным разъездом противника убит один дутовский офицер.

Василий Константинович ободряюще улыбнулся и сказал:

— Садись, закуси пельменями да попей чайку с кишмишом. А потом иди к эскадронному и доложи ему, что я весьма доволен боевой службой его конницы, а тебе разрешил досыта отоспаться и дать отдых коню.

Не дожидаясь повторного приглашения, я быстро устроился за столом.

К семнадцатому апреля Уральские войска закончили окружение противника. Почувствовав угрозу полного уничтожения, Дутов распустил большую часть казаков по станицам. Но сам атаман с отрядом примерно в 400 человек, главным образом офицеров, в ночь на девятнадцатое апреля прорвался у станицы Наваринской, где находились небольшие силы южной группы Н. Д. Каширина, и устремился в Тургайские степи. Наш эскадрон, 2-я и 3-я екатеринбургские дружины начали его преследовать.

Утром двадцать третьего апреля удалось догнать Дутова в поселке Бриенском. Его пулеметчики открыли по

атакующим сотням губительный огонь. Эскадрон спешился. Пришлось нашим артиллеристам развернуть батарею и обстрелять центр поселка. После этого сопротивление прекратилось. Но атаман с личным конвоем и штабом опять улизнул в степь, за речку.

Мы снова вскочили на коней. К нам присоединился Синяев на рыжей крупной лошади.

— Э-ге-гей, товарищ Митин! Прими на пополнение!

— Давай, Артамоныч, действуй, — кивнул Митин.

Проскакав по ветхому мостику через речку, кавалеристы увидели впереди растянувшиеся по степи повозки и пришпорили коней.

Зайдя сбоку, эскадрон отрезал обоз, в котором было около двухсот подвод. Казаки, прикрывавшие его, рассыпались по оврагам.

Гнаться дальше за атаманом на измученных длинными переходами конях не имело смысла. Повернули обратно в поселок и тут заметили: нет нашего бородача Синяева. Мы встревожились. Но напрасно: Артамоныч, живой и здоровый, вскоре объявился, ведя в поводу двух коней — своего, рыжего, и трофейного, серого в яблоках. А впереди него ковылял спотыкающийся толстяк в бекеше с погонями военного чиновника.

— Ого! Где это ты такого борова подцепил? — изумился Митин, разглядывая синяевского пленника.

— Да приотстал я с конем моим. Притомился он. Вот и набрел я в овражке на этого... Он со страху как завизжит: уйди, мол, убью, и шашкой машет изо всей мочи. Ну, я его и угостил плетюганом. Не понравилось это ему. Хлипким оказался, враз плюхнулся на землю, как утюг. Вот и тащимся теперь медленным маршем, он аж взмок, не хуже моего Рыжика.

В Бrienском дружинников ждал хороший обед, приготовленный казачками для офицеров Дутова. Но на следующий день после короткого отдыха мы вновь пустились в погоню. Нам удалось настичь и уничтожить несколько мелких разрозненных групп дутовцев. А сам атаман переправился через реку Жерла и ушел в Киргизские степи.

В одной из стычек во время нашей погони за Дутовым получил тяжелое ранение командир взвода лихой конник Саша Смановский. Вражеская пуля сразила на скаку его коня, и всадник упал грудью на острые камни... Когда мы

несли Сашу на руках в лазарет, он на минуту пришел в себя, чуть-чуть улыбнулся и прошептал побелевшими губами:

— Эх, не придется мне боле барыню плясать...

Через несколько дней екатеринбургские дружины получили приказ возвращаться домой, и первого мая наша дружина была уже в Челябинске. Здесь стояли эшелоны чехословацкого корпуса, сформированного в России еще до Октябрьской революции из военнопленных и предназначавшегося для участия в войне против Германии и Австрии. В феврале 1918 года корпус получил разрешение Советского правительства выехать через Владивосток во Францию и двинулся по Сибирской железнодорожной магистрали.

Чехословаки встретили нас дружелюбно. На некоторых вагонах было написано: «Да здравствует братская Советская Россия и ее революционная Красная Армия!» Никому и в голову не могло прийти тогда, что вскоре нам придется скрестить оружие.

А второго мая, подъезжая к родному Екатеринбургу, дружинники, с нетерпением ожидавшие радостных встреч с родными, друзьями и подругами, задорно пели:

Эх, здравствуй, милая хорошая моя!
Чернобровая — похожа на меня!

Мама подсовывала мне то блин, то пшеничную румяную лепешку, приговаривая: — Ешь, Санеюшко, ешь, да погоди отца слушать. Разве он понимает, что дите в походах-то оголодало? Все разговоры только разговаривает!

— Ого-го! Дите! — захохотал отец. — Слышал, Санька: ты-то — дите!

Я сконфуженно улыбнулся, а отец продолжал:

— Перво-наперво, живой да здоровый воротился, конное дело знает. Да коня какого привел! Огонек, а не конь! Бабки сухие, вынослив, чистых степных кровей.

— Да хватит тебе толмить, дай парню поесть спокойно.

— А у нас радость: Илья вернулся.

— Да ну?!

— Вернулся. Демобилизовали, значит. А тебя как, тоже демобилизовали или что?

— Нет, тятя, ведь мы действующий резерв Красной Армии¹.

— Это как, действующий?

¹ Пятнадцатого января 1918 года Совет Народных Комиссаров принял декрет о создании регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. На Урале, как и в других областях Советской России, начали формироваться красноармейские части. Первый Уральский областной съезд Красной гвардии, состоявшийся во второй половине февраля 1918 года, принял резолюцию о зачислении всех красногвардейских дружин в резерв Красной Армии. — Авт.

— А так, в любой день призовут — опять пойдем.

— Ах ты, господи! — встревожилась мать.

— А чего господи? — нахмурился отец. — Видала, как их встречали нынче? Сколь народу собралось, все рабочее начальство речи говорило... Вон как! Почет им...

— Ну, а что Илья делает? — спросил я.

— Ему предложили отдохнуть пока, а потом на дело податься. Там швали всякой от войны спасалось много. В аккурат туда Илью и назначили для порядка...

Мне недолго пришлось отдыхать дома. Через несколько дней, утром, — кажется, это было пятого мая — со стороны железнодорожной станции послышались выстрелы, трескотня пулеметных очередей. Я оседлал своего Боевика, подхватил винтовку, шашку и вылетел на улицу. Наш сосед, рабочий депо, на ходу заряжая карабин, крикнул мне:

— Давай на вокзал! Там, слышь-ка, наших бьют!

Но я помчался в районный штаб резерва.

Около штабного дома пыхтел большой автомобиль, и в его кузов со всех сторон карабкались пулеметная команда и бомбометчики. Среди них был и Семен Шихов.

— Эгей! Конница-беззаконница! Залазь сюда, у нас железа кобыла, да вот беда: простыла, бедняга, на жаре — чихает! — крикнул он.

В этот момент из дверей вышел Петр Захарович Ермаков. Увидев меня, приказал:

— Медведев, духом гони в Центральный штаб резерва. Доложишь, что мы на вокзал стрелков выслали, а следом бомбометчики и пулеметчики выезжают. Давай карьером, а то телефон, хоть разорвись, перестал работать.

Ермаков сел в кабину, грузовик фыркнул и покатил к вокзалу, а я поскакал в город.

На одной из улиц кто-то крикнул мне вдогонку с тротуара:

— Ага, забегали, сволочи, когда генерал приехал царя-батюшку вызволять! ¹

Задерживаться было некогда. Пришлось только погрозить нагайкой.

В штабе молоденький дежурный с красной повязкой на рукаве сказал:

¹ К этому времени царская семья была перевезена из Тобольска в Екатеринбург. — Авт.

— Начальство на вокзал выехало. Там, понимаешь, пермские анархисты приехали со своим эшелонем. Оружие у них... все как полагается. Царя, вишь, им в Пермь вывезти занадобилось! Ну, дежурный взвод стал их там задерживать, а они давай стрелять. Кто-то из бойцов не растерялся, позвонил к нам. И вовремя: минут через десять провода порезали, гады...

Когда я примчался на вокзал, анархисты уже сидели в свои вагоны. Огромный дядя с лихим чубом объяснял облвоенкому Ф. И. Голошкеину:

— Нам сказали, что Романовы у вас в городе свободно по улицам гуляют. Мы и решили увезти их к себе в Пермь.

— Вам не для того оружие дано Советской властью, — резко отчеканил Голошкеин, — чтобы бунты устраивать! На фронт идите. А с Романовым мы и без вас управимся...

Май в 1918 году выдался очень теплый, манило в лес, на реку. Но ходить туда было некогда. Член Уральского обкома партии И. М. Малышев распорядился: всем бойцам резерва Красной Армии — и молодым и старым — непрерывно учиться военному делу. И опять пошло: смена на заводе, остальное время учеба. Паша Быков вздыхал. Все знали, что он уже давно мечтает о горном училище. Герман говорил невесело:

— Придется отставить горное-то училище еще раз.

— А что? Военное дело лучше горного, оно полезней! — горячился Шихов. — Сегодня командир Митин нужнее, чем инженер Шпынов!

— Голыми руками, Семен, немного навоюешь. Без железа, без чугуна — нету оружия. Значит, и без инженеров не обойдешься, — доказывал Герман.

— А все ж командиры теперь нужней, — настаивал Шихов.

Резервисты учились усердно. Наш отряд — конники — рубили лозу, проходили седловку, конный строй и вольтижировку. Бывало, за день так в седле наломаешься, что вечером едва дотянешь голову до подушки. Где уж тут гулять. И сердились на нас поселковые

девчата, коротая летние вечера одни. Проходя мимо штаба, наши подружки озорно пели:

Милый мой, не задавайся,
На коне не балуйся,
При народе настыжу, —
Ты тогда не жалуйся!

Я надену черно платье
И косынку белую,
Пойду к милому в отряд,
Забастовку сделаю!

Скоро нагрянула новая беда: поднял мятеж чехословацкий корпус. Империалисты Антанты пустили в ход клевету, провокации, подкуп, шантаж и сумели толкнуть значительную часть офицеров и солдат корпуса на борьбу против Советской власти.

Двадцать шестого мая мятежники захватили Челябинск. Одновременно чехословаки заняли ряд городов Поволжья и Сибири.

В Челябинске находилась наша комиссия, закупавшая пшеницу для рабочих Екатеринбурга. Из членов комиссии вернулся лишь один. Он рассказал:

— Пока закупали хлеб, грузили в вагоны, подружались мы с чехами этими: они тут же в вагонах жили... И обедали мы у них на солдатской кухне. А потом вдруг схватили эти солдаты нас троих и потащили к коменданту, офицеру ихнему. Тот, не долго говоря, в зубы наганом: вы, мол, воры, хлеб у казаков украли. Ну, Алеха не стерпел. Сам, говорит, воруга, наш хлеб жрешь, да и нас же позоришь! И хлясть его кулаком по морде. Алеху сразу расстреляли, а нас с Ильей избили в кровь и под арест. Два дня так сидели в подвале. Потом чех-солдат повел нас в нужник. Сунул нас туда и дверку захлопнул, стоит себе снаружи. Ну, мы смекнули: нырнули, значит, в яму и утекли... Под Кыштымом зарубили Илью-то, а я вот пришел.

Челябинская группа белочехов, захватив город, повела наступление в северном направлении, на Екатеринбург, а также на запад, к Златоусту, и на восток, в сторону Кургана и Омска.

В Екатеринбурге началось спешное формирование воинских частей для борьбы с чехословаками. Из Петро-

града на помощь прибыл интернациональный батальон, состоявший из латышей, венгров, немцев и финнов. Все они ушли на фронт. Ушел и отряд Павла Хохрякова.

Иван Михайлович Малышев, назначенный военным комиссаром Златоустовского фронта, тоже уехал, взяв с собой Савву Белых — бывшего помощника командира молодежной сотни.

Гарнизон города состоял теперь только из нашего Верх-Исетского отряда резерва и недавно сформированного второго Екатеринбургского эскадрона. Нашим отрядом по-прежнему руководил П. З. Ермаков, который после выхода из госпиталя (куда он попал, получив ранение в бою у Черной речки) был назначен одним из комиссаров Центрального штаба резерва. 2-м эскадрона командовал бывший офицер Ардашев.

В городе объявили осадное положение. Конники непрерывно патрулировали, стрелки и пулеметчики также находились в постоянной боевой готовности.

Нашей компании некогда было собираться вместе. Герман работал заместителем председателя заводского комитета Социалистического Союза рабочей молодежи. Павел командовал пешим полувзводом. Шихову (наконец-то сбылась его мечта!) доверили пулемет. Подручными у Семена были Виктор Суворов и Саша Викулов. Новый командир муштровал своих подчиненных, покривая начальственным баском:

— Принести воды! Заправить козух! Викулов, поживей, Суворов, не отставай!

А я нес службу в конном отряде и, кроме того, выполнял разные поручения в качестве дежурного начальника штаба.

Дел хватало. Враги то тут, то там поднимали голову. Стало известно, что в «Союзе фронтовиков»¹ активизировались бывшие черносотенцы, монархисты, барские сынки и прочие недовольные Советской властью.

Чтобы узнать планы контрреволюционеров, Ермаков решил послать в Союз своих людей. Для этой цели выбрали двоих. У заводских ворот был вывешен приказ об

¹ Организация, созданная Временным правительством. В нее входили главным образом контрреволюционно настроенные офицеры, а также часть сагитированных ими солдат. — *Авт.*

исключенни из отряда Гавриила Волокитина и Александра Костарева за пьянку и разгильдяйство.

— Вы пристройтесь в Союзе, ругайте покрепче наши порядки, а ночью тайком заходите ко мне, Синяеву или Медведеву, рассказывайте, какая там обстановка, — дал наказ «исключенным» Петр Захарович.

И ребята сумели выполнить задание. Через некоторое время они сообщили, что «Союзом фронтовиков» руководит «личность из центра», именуемая Каргопольцевым. Кто этот «вождь» и какова его настоящая фамилия, узнать не удалось.

Потом мы получили от Волокитина и Костарева известие о том, что «фронтовики» решили собраться десятого июня на Верх-Исетской площади, около Успенской церкви, якобы на митинг, а на самом деле с целью начать вооруженный бунт. Разрешения проводить митинг Союз, разумеется, не просил.

Штаб подготовился к отпору. Всех бойцов отряда резерва предупредили. Мой Боевик, как назло, перед этим сбил себе ногу и хромал. Я должен был присоединиться к пехоте. Ермаков разрешил мне пойти на секретный пулеметный пост, к Шихову.

Семен со своим расчетом сидел на чердаке коммунистической столовой. Пулемет пристроили так, чтобы стрелять в слуховое оконце, прикрытое ветхой ставенькой. Площадь между церковью и заводскими воротами была как на ладони.

Вскоре «фронтовики» запрудили всю площадь и подняли шум. Мы молча смотрели в щель.

Бунтовщики не дали сказать ни слова пытавшемуся обратиться к ним областному военному комиссару и (это мы, сидевшие на чердаке, узнали потом) послали в Верх-Исетский ревком своего представителя, известного в поселке хулигана Тишку Нахратова.

Явившись в ревком, Тишка сунул руки в карманы широченных брюк и нагло заявил:

— От имени двухтысячной организации екатеринбургских фронтовиков предлагаю выдать нам оружие, завтра же приступить к переговорам с братьями чехословаками о прекращении войны, разоружить красноармейцев, а службу по городу передать нашим отрядам. Никаких комиссаров нам не надо... Если вы не согласны со всем этим и задержите меня, наши разгромят и ревком и штаб.

Нахратова выслушали до конца и ответили:

— Тебя, контра недобитая, мы обязательно задержим.

Тишка угрожающе полез в карман, но дежурные красноармейцы быстро схватили его. В кармане оказалась граната.

Члены ревкома поручили П. З. Ермакову пойти к «фронтовикам» и все же попытаться уговорить их мирно разойтись. Ведь многие из собравшихся на площади не были убежденными врагами Советской власти: они просто поддались на агитацию контрреволюционеров.

Вслед за Петром Захаровичем выехали конники, чтобы помочь ему, если уговоры не подействуют.

Мы с чердака видели, как Ермаков поднялся на стол, вынесенный из соседней школы. Сначала Петра Захаровича не было слышно: толпа сильно галдела.

— Эх! — скрипнул зубами нетерпеливый Саша Викулов. — Дать бы им сейчас!..

— Погодь! — строго сказал Семен.

— Товарищи! — вырвался наконец из общего шума голос Ермакова. — Убедительно прошу вас разойтись по домам. От имени ревкома..

И тут снова начался такой гвалт, что ничего нельзя было разобрать.

— М-м-м!.. — злобно промычал Викулов.

Петр Захарович еще долго пытался успокоить горлопанов. Но в ответ неистово орали:

— Отдайте назад лошадей, коих для армии позабыли!

— Дайте нам сружие!

— Разоружить красноармейцев!

Рядом с Ермаковым появился меньшевик Комаров. Его контрреволюционная речь вызвала у Викулова новый прилив негодования:

— Вот гад! Нашего Бориса Комарова родной дядя, а такая тварь, а?

Кто-то выстрелил в Ермакова, но не попал. Толпа двинулась на него.

— Семен... — умоляюще простонал Саша.

— Целься выше голов, а то Захарыча заденешь... Давай! — скомандовал Шихов.

Викулов выпустил очередь. Почти в тот же момент Ермаков спрыгнул со стола и махнул платком. Это был сигнал конникам. Они выскочили из переулка и устремились

к площади. Увидев всадников и услышав пулемет, бунтовщики, многие из которых прятались под одеждой оружия, бросились бежать.

Семен приказал:

— Викулов, дай им за Петра Захарыча горячих по настоящему!

— Стой! — раздался над нашими головами голос Синая. — Горячиться не след, торопыга! Видишь, сам Захарыч живой и здоровый по площади идет. — Он потер ушибленный затылок и добавил неодобрительно: — Ишь ведь, куда вас занесло, сгибаться в три погибели надо.

Проскакав за хвостом толпы до выходящей на площадь Матренинской улицы, наши конники — их было всего двадцать — вдруг остановились. Навстречу им двигался готовый к атаке полуэскадрон — всадников шестьдесят — во главе с Ардашевым. Блестели пики и вынутые из ножен клинки.

Верхисетцы сначала немного растерялись от неожиданности, но тут же заметили, что у ардашевцев нет винтовок. Один из наших кавалеристов, подняв над головой гранату, гаркнул: «Бросай оружие, изменники!» Полуэскадрон повернул кругом и галопом пошел обратно.

Ермаков побежал в штаб, чтобы позвонить в город, предупредить об измене Ардашева.

Преследуя группу разбегавшихся с площади бунтовщиков, Александр Рыбников (он теперь состоял в конном отряде) догнал на берегу реки Исети Каргопольцева. «Вожь фронтвиков», пытаюсь скрыться, отстреливался из маузера, но Рыбников очень удачным выстрелом из браунинга убил его.

В распоротой одежде Каргопольцева были найдены документы на имя гвардейского капитана Ростовцева и несколько писем к тайно проживавшим в Екатеринбурге влиятельным монархистам, которые готовили заговор с целью освобождения царя. Авторы этих писем находились в Петрограде и Москве, в посольствах и консульствах «союзных держав»...

А несколько часов спустя Волокитин и Костарев сообщили, что ночью в нашем поселке, в доме одного подрядчика, где оказывается, неоднократно «заседали» руководители «фронтвиков», назначен сбор оставшихся главарей мятежа. Пароль — «Отвертка», отзыв — «Орел».

Ночь была темная и тихая-тихая. Даже собаки, против обыкновения, помалкивали. Конные и пешие заставы нашего отряда патрулировали по улицам, ведущим в поселок.

Я действовал в паре с пожилым бойцом Михаилом Шадриным. Проехав до старого больничного парка, мы остановились под деревьями. Наши кони замерли. Ничто не нарушало тишину.

— Смотри! — вдруг шепнул мне Шадрин.

Из-за угла выдвинулись силуэты двух всадников. Мы вскинули карабины.

— Стой, ни с места! Пароль? — крикнул Шадрин.

— А вы кто? — отозвался один из всадников.

«Да ведь это, кажется, Ардашев! Как будто его голос», — подумал я и, помедлив несколько секунд, рискнул: — Мы фронтовики. Говори пароль!

— «Отвертка!» — уверенно сказал тот же всадник.

— «Орел!» — последовал мой отзыв.

Конные подъехали к нам, и Ардашев — теперь я окончательно убедился, что это он, — спросил:

— Так, значит, верно фронтовики?

— Да. Высланы вас встретить и проводить в новое место, а то старая квартира ненадежна стала.

Сердце билось тревожно: вдруг не поверят? Но Ардашев спокойно сказал:

— Ну, коли так, поехали. Куда?

— Прямо, — ответил Шадрин, понявший, что я задумал. — Держитесь рядом с нами да будьте поосторожнее, не разговаривайте, а то, неровен час, на ермаковский патруль наткнемся.

Ехали мы довольно быстро, но мне казалось, что еле движемся. От напряжения стучало в висках. Обман каждую секунду мог раскрыться. Повернули напрасно. Впереди забелели стены дома, в который совсем недавно переехал районный штаб. Ардашев о нашем перемещении, наверно, еще не знает. Именно на это я и рассчитывал.

— Заворачивайте, — сказал я своим спутникам и крикнул часовому в воротах: — Свои!

Мы все четверо влетели во двор.

— Принимай господ офицеров! — гаркнул Шадрин.

Подбежавшие красноармейцы быстро стащили непрошенных гостей с коней и разоружили их. Оказалось, что второй всадник — адъютант Ардашева, тоже бывший офицер.

— Вот это удружили! — удовлетворенно сказал Пётр Захарович, вышедший во двор.

В областной военный комиссариат тотчас был послан связной с рапортом о задержании Ардашева.

Никто из остальных руководителей мятежников в дом подрядчика не пришел. Вероятно из предосторожности, они действительно переменяли место и организовали сборище на Генеральской даче¹. Группа наших красноармейцев во главе с самим Ермаковым совершила налет на эту дачу. После перестрелки мятежники отступили в сосновую рощу, оставив несколько раненых, автомобиль и пулемет с застрявшей лентой.

На рассвете одиннадцатого июня к нам в штаб приехали товарищи из областного военного комиссариата. Они сообщили, что 2-й эскадрон, которым командовал изменник Ардашев, пока удалось удержать от контрреволюционного выступления, но кавалеристы ненадежны и потому надо ждать помощь, вызванную с фронта.

Через несколько часов с фронта прибыли две роты 3-го Екатеринбургского интернационального полка. Вместе с интернационалистами мы быстро очистили от мятежников рощу возле Генеральской дачи. Лишь немногим из них удалось бежать к северному парку железнодорожной станции. Они захватили там паровоз, прицепили к нему один вагон и по горнозаводской линии прорвались в сторону Невьянска.

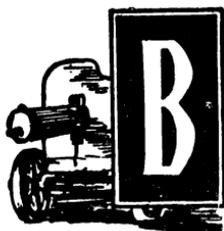
Вскоре начался контрреволюционный мятеж в Невьянске. Он продолжался несколько дней. В его подавлении приняли участие и верхисетские резервисты под командованием Ваняшкина, Ливадных и Мокеева.

После этого в Екатеринбурге и его окрестностях установилось относительное спокойствие. И тут мы узнали о трагической смерти Ивана Михайловича Малышева.

Ночью двадцать третьего июня Иван Михайлович и его боевой помощник Савва Белых с небольшой группой красногвардейцев возвращались по железной дороге с Кусинского завода в Златоуст. Недалеко от станции Тундуш на них внезапно напала кулацко-эсеровская банда. Малышев и все, кто с ним ехал, были зверски убиты.

¹ Так называлась дача бывшего главного начальника уральских горных заводов, территория которой примыкала к поселку Верх-Исетского завода. — Авт.

В первой половине июля чехословацкие мятежники и белогвардейцы, преодолевая упорное сопротивление малочисленных, наспех сформированных, еще не окрепших красноармейских частей, приближались к Екатеринбургу. Вечерами, когда солнце садилось за горы, синиеющие на западе, до нас уже стали доноситься раскаты оружейных выстрелов. Началась эвакуация города.

Открытых контрреволюционных выступлений в Екатеринбурге не было, но имелись сведения, что готовится новый заговор с целью освобождения царя.

Учитывая сложившуюся обстановку, Уральский областной Совет постановил: во избежание кровавых авантюр, на которые могут пойти монархисты, используя фамилию Романовых как знамя контрреволюции, и в наказание за все преступления против народа — расстрелять бывшего царя Николая II и членов его семьи.

И на рассвете восемнадцатого июля 1918 года не в императорскую усыпальницу Петропавловского собора, а в заброшенную шахту «Ганины ямы», за урочище Порошенков лог, под конвоем группы конников из отряда П. З. Ермакова были свезены бранные останки династии Романовых.

Не добившись решительного успеха на северном направлении, белые обошли Екатеринбург с запада и в районе железнодорожной станции Кузино прорвали фронт наших войск. Стало ясно, что город скоро придется оставить. Но необходимо было как можно дольше задержать врага, чтобы закончить эвакуацию города по главной и

горнозаводской железнодорожным линиям. С этой целью Уральский областной комитет РКП(б) решил срочно сформировать батальон и обратился к рабочим с призывом: «Коммунисты — в ружье!»

Партийные комитеты заводов и фабрик Екатеринбургa направили в батальон своих лучших людей. Верх-Исетскому заводу предлагалось выделить тридцать человек, а он дал пятьдесят. В их числе было много молодежи: Павел Быков, Саша Кондратьев, Саша Викулов и другие.

Старик Шалин, узнав в районном штабе, что его не хотят посылать на фронт, неистово наскაკивал на члена парткома Василия Ливадных:

— В сотне с Михайлой Колмогоровым у Черной речки я был, пять лет у тебя в смене под металл канаву заправлял, а тут — накося — на фронт не берут! Беспартийный!.. Да я, может, еще раньше тебя душой в партию записался... Четырех сынов большевиков вырастил!..

В конце концов Шалина вместе с его сыновьями приняли в батальон.

Восемнадцатого июля коммунистический батальон Уральского областного комитета РКП(б) в составе двух рот, команд конных и пеших разведчиков, с четырьмя пулеметами и батареей трехдюймовок отправился под Кузино. В ночь на девятнадцатое он с ходу отбил у врага этот важный узел железных дорог. Но отбросить белочехов дальше на юго-запад не удалось. Противник обошел батальон слева, на участке соседнего Великолукского полка. Коммунисты вынуждены были отойти сначала на северо-запад, к станции Сабик, а затем — в сторону от железной дороги, в глухую таежную деревушку.

А мы тем временем хлопотали в Екатеринбурге. Большая часть Верх-Исетского отряда резерва во главе с П. З. Ермаковым обеспечивала эвакуацию и охрану порядка в городе.

Несколько дней мне некогда было даже повидаться с родителями.

Только двадцать четвертого июля, часа в два ночи, еле держась в седле от усталости, подъехал я к воротам родного дома. На стук выбежала мама, отец дежурил на заводе. Язык мой едва ворочался:

— В амбаре лягу, мама, а ты меня чуть свет разбуди: уйдем мы нынче из города... Ежели просплю, от белых

пошадки не будет, так что обязательно разбуди... Вот за-работок: пятьсот рублей... за два месяца... Себе возьми. Мне не надо... Только положи в седельную суму белье да полотенце. И не плачь, мама, вернемся мы, вот увидишь...

Последние слова я проговорил уже в амбаре и момен-тально заснул.

На рассвете мама тронула меня за плечо:

— Вставай, сынок, пора.

Я вскочил, торопливо ополоснул лицо, собрался в до-рогу. Мама тихо заплакала, утирая глаза уголком платка.

— Ой, Санейко, сынок, даже с отцом-то не простился.

— Прощай, мама! Мы вернемся! Обязательно вер-немся!

Через два часа наш эшелон двинулся по заводской ветке. Я высунулся из дверей вагона и, увидев на улице отца, возвращавшегося с ночного дежурства, взмахнул фуражкой:

— Тятя! Тятя, до свидания!..

За разъездом Палкино наш эшелон остановился. Пе-хота заняла соседние сопки, а конники во главе со своим командиром Виктором Гребенщиковым двинулись к Ре-шетам, в разведку.

Ермаков знал, что белочехи где-то уже совсем близко, но решил сделать попытку прорваться по главной линии в сторону Кунгура. Вместе с отрядом ехали некоторые ра-ботники обкома партии и областного Совета, а также члены Верх-Исетского ревкома.

Я был рядом с Виктором Гребенщиковым, когда раз-ведка наша встретилась с нещадно пылившей по дороге телегой. В телеге восседал здоровенный детина. Он на-звался местным подрядчиком и клялся, что ни в Решетах, ни на следующей станции — Хрустальной — «никого из военных нет».

Мы зарысили дальше. Въехали в Решеты. На улицах тихо, безлюдно. Вот уже середина села. И вдруг откуда-то слева с гиканьем вылетел казачий разъезд. Мы схва-тились за клинки, но казаки неожиданно рассыпались в стороны и переулками унеслись в лесок. По инерции от-ряд рванул дальше, выскочил за околицу. Открылось по-лотно железной дороги. На пути стоял вражеский броне-поезд.

— Назад! — крикнул Гребенщиков.

По нам ударила трехдюймовка, заработал вражеский пулемет. Кто-то впереди меня свалился с коня.

Мы подобрали двоих раненых и, помогая им держаться в седле, поскакали обратно.

Возвратившись из разведки, Гребенщиков доложил Петру Захаровичу:

— В Решетах казаки и чешский бронепоезд.

Ермаков молча выслушал этот доклад, поманил меня к себе и вместе с одним конником послал на разъезд Палкино.

— Там должны быть пушки из города. Передайте артиллеристам приказ — бить по линии железной дороги. Надо бронепоезд уничтожить или хотя бы задержать, — сказал Петр Захарович.

Мы пустились во весь дух. На разъезде и в самом деле оказались платформы с шестидюймовками. Неподалеку пыхтел паровоз.

Артиллеристы только что выпустили несколько снарядов по месту расположения нашего отряда и собрались отходить назад, к городу. Мы обругали, на чем свет стоит, щеголеватого военного, отрекомендовавшегося начальником артиллерии, и передали ему приказ Ермакова. Военный извинился за досадное недоразумение и заверил нас, что приказ Ермакова будет выполнен.

Мы поскакали назад. Но не успели еще вернуться к своим, как орудия возобновили обстрел сопок, на которых оборонялась наша пехота. Оказывается, комендант города Зотов и тот, кто отрекомендовался нам начальником артиллерии, изменили революции.

Благодаря этому чешский бронепоезд беспрепятственно подошел к Палкино и тоже открыл огонь по нашим цепям, а также заслону у моста через Исеть. Под прикрытием бронепоезда справа от дороги развернулась белокачья часть. Для нас не оставалось ничего другого, как начать медленный отход к Екатеринбург.

Отход продолжался до конца дня. Поздно вечером и ночью отряд отбивал атаки противника уже у городского вокзала, а в это время наши слесаря-умельцы во главе с Павлом Фидлерманом ремонтировали последний паровоз.

Часа в четыре двадцать пятого июля верхисетцы с боем прорвались через станцию Шарташ и ушли по главной линии на восток.

Тяжело было покидать родной город. Но верилось, что мы уходим ненадолго. В расклеенных на улицах листовках Уральского обкома партии и областного Совета говорилось: «Не падайте духом, товарищи, мы вернемся!»

Я думал об оставшихся в Екатеринбурге родителях и боевых товарищах: у себя дома в горячке лежал Виктор Суворов, в лазарете находился так и не оправившийся после тяжелого ранения Александр Смановский.

Кружным путем — через станции Богданович, Алапавск, Кушва, Чусовой — добрался наш отряд до Перми и двинулся оттуда обратно к Екатеринбургу. Первого августа около станции Сарга ермаковцы соединились с коммунистическим батальоном Уральского областного комитета РКП(б), который в последние дни понес большие потери в тяжелых оборонительных боях. В тот же день пополненный нами батальон вошел в 1-ю бригаду Западной дивизии и поспешил на помощь отряду балтийских моряков, уже шестые сутки сражавшихся с превосходящими силами противника у станции Сабик.

Балтийцев должны были поддержать пермские анархисты. Но «защитники свободы» занимались другим делом — они надсаживались на митингах, обсуждая вопрос: имеют ли право красные командиры отдавать приказы анархистам.

Как ни торопились мы на выручку балтийцам, помощь наша запоздала. Не доходя до Сабика, батальон встретил небольшую группу раненых моряков — все, что осталось от этого героического отряда. Их командир с раздробленным предплечьем, посмотрев на нас воспаленными глазами, хрипло сказал:

— Не успели, товарищи. Орудия мы взорвали, пулеметы разбили. Дрались до последнего патрона...

Верх-Исетский отряд, влившийся в коммунистический батальон, образовал роту, командиром которой остался Ермаков. Только конники, пришедшие с Петром Захаровичем, вышли из-под его начала. Нас присоединили к кавалеристам. В батальоне образовался довольно сильный отряд конной разведки. Командиром над нами поставили венгерского коммуниста Стефана Кымпана — человека

богатырского телосложения, отчаянного весельчака, очень плохо владевшего русским языком. Помощником Кымпана стал Виктор Гребенщиков.

Около двадцати дней мы почти непрерывно вели ожесточенные оборонительные бои с хорошо вооруженными, прекрасно обученными, превосходящими нас по численности белочехами. Упорно отстаивали каждую горку, каждый перелесок, но все же не устояли — постепенно отошли назад, к Сарге, а потом еще дальше, на станцию Шаля.

В середине августа в батальоне было образовано партийное бюро. Его председателем избрали старого большевика Василия Гладких, ответственным секретарем — Нину Мельникову, девушку лет двадцати, из Лысьвы, членами — С. А. Синяева, А. А. Сырчикова, Сергея Кожевникова, Павла Быкова и еще нескольких человек. Одновременно во всех подразделениях появились партийные ячейки. Меня выбрали сначала ответственным секретарем, а затем, недели через две, председателем партячейки конных разведчиков.

Примерно двадцать пятого августа часть батальона (1-я и 3-я роты, полуэскадрон Гребенщикова и пулеметная команда) под командованием П. З. Ермакова была брошена со станции Шаля на Сылвенские высоты. Прибыв к месту боя, мы сменили деморализованный отряд

П. З. Ермаков

пермских анархистов и сильно потрепанный Среднеуральский полк. Роты залегли на пашне, а конники сосредоточились в березовом перелеске.

День, с утра пасмурный, часам к двенадцати прояснился. Золотистые волны ячменя и овса на юго-западных пологих скатах высот переливались под лучами солнца.

И как раз в это время вниз по взгорью густыми цепями двинулась вражеская пехота, а слева и справа, между холмами, замелькали красные пирожки¹ чешских гусар.

Пехотинцы шли красиво, в полный рост. Некоторые наигрывали на губных гармошках.

Мы встретили их дружным огнем. Красивый строй сломался. Белочехи повернули назад. Скрылась и их кавалерия, гарцевавшая на флангах.

Но едва только смолкли наши выстрелы, как пехота противника снова — теперь уже редкими цепями — с винтовками наперевес пошла в атаку. На этот раз ее подпустили поближе, метров на двести. И снова враг не выдержал. Ермаков выхватил маузер:

— Коммунары, за мной!

Через час-полтора наш отряд полностью очистил высоты от белочехов.

Во время нашей контратаки враг неожиданно был обстрелян с тыла. Мы тщетно пытались угадать: кто же это помогает нам? Только после боя выяснилось, что совместно с нами действовала группа сылвенских рабочих во главе с кавалеристом Семеном Жилиным. Она полностью присоединилась к нам. Люди из этой группы, в основном молодые ребята, горели желанием немедленно освободить родной завод.

А к вечеру мы опять получили пополнение: к нам прибыло небольшое подразделение конников-эстонцев из отряда товарища Пальвадре.

Петр Захарович меня вызвал и распорядился:

— Бери с собой эстонцев, прихвати несколько наших разведчиков да отправляйся в разведку по направлению к поселку Сылва. Обнаружишь врага — в бой не вступай. Только выясни расположение и возвращайся обратно.

¹ Головные уборы, похожие на современные пилотки. — Авт.

Эстонцами командовала молодая женщина Марта. Мне впервые приходилось видеть женщину-командира.

Я коротко объяснил Марте цель разведки, и мы зарысили по дороге к Сылве. За поворотом открылся поселок. Нам с горы было видно, как там из кривого переулка выскочила группа конных и помчала прочь от нас. Эстонцы во главе с Мартой бросились в погоню. Помня наказ Ермакова, я закричал, что было мочи:

— Назад! Не преследовать!

Но мои призывы не подействовали.

— Изрубят их, как пить дать, изрубят! — забеспокоились ребята. — Выручать надо!

Мы последовали за эстонцами.

Бой продолжался минут двадцать. В результате казачи, оставив нескольких убитых, ушли из поселка. В схватке погибло пять человек из отряда Марты. У ней самой было разрублено плечо. А я поплатился лишь фуражкой, которую сбили у меня с головы.

Еще с неделю сражались мы в районе Сылвы. Поселок шесть раз переходил из рук в руки. Но в конце августа Ермаков вынужден был отступить.

Много коммунаров полегло здесь. Погиб друг заводской молодежи Сергей Артамонович Синяев. Навсегда остался под Сылвой старый большевик Егор Егорович Макаров. Окруженный белыми, сам себя подорвал гранатой вместе с пулеметом вальцовщик крупносортного цеха Верх-Исетского завода коммунист Николай Романов.

В первых числах сентября коммунистический батальон был отведен на станцию Шамары. Здесь стоял штаб только что сформированной 3-й Уральской дивизии, в состав которой вошли и мы.

Наши части не имели постоянного соприкосновения с противником, и мы постарались использовать это время для боевой и политической подготовки. Пехоту обучал командир 1-й роты Гоголев, пулеметчиков — начальники пулеметных команд Андрей Елизаров и Корсаков, конников — Стефан Кымпан.

В эти дни из Перми, Кунгура, Лысьвы к нам прибыло пополнение — преимущественно рабочие-коммунисты. Партийная организация батальона увеличилась. А вместе с этим возрос и ее авторитет не только среди беспартийных бойцов, но и у местного населения.

Жители поселка Шамары и окрестных деревень — почти сплошь таежные кержаки — сначала встретили нас очень недружелюбно. Но когда коммунисты повели среди них разъяснительную работу, положение резко изменилось. Ледок недоверия к нам постепенно растаял.

Но относительно спокойная жизнь в резерве продолжалась недолго. Батальон был выдвинут на 64-й разъезд, находящийся между станциями Шала и Сарга. В Шамарах остались только лазарет, полуэскадрон конницы и маленькая группа пехотинцев.

Около полудня мы расположились на разъезде, а вечером из штаба дивизии поступил новый приказ. В нем говорилось, что на следующий день в 18.00 во взаимо-

действии со 2-м Кунгурским полком, находящимся слева от нас, батальон должен двинуться на Саргу и взять ее. Для поддержки наступления выделялись два бронепоезда.

С утра конная и пешая разведка исследовала труднопроходимую болотистую местность, по которой предстояло наступать. Два мальчика лет по 12—13 — дети местных рабочих — сами вызвались пробраться в Саргу и вернуться оттуда с ценными сведениями. Выяснилось, что станцию занимают подразделения 6-го чешского полка и несколько сотен оренбургских казаков, что у противника тоже имеется бронепоезд.

Среди дня я зашел к пулеметчикам повидать Семена Шихова и Сашу Викулова. Они старательно драили «кольт». Увидев меня, Семен улыбнулся:

— Закуску готовим белякам.

— Горячий ужин, — добавил Саша, любовно поглаживая ствол пулемета.

Ровно в 18 часов мы выступили. Справа от железнодорожного полотна двинулась 1-я рота во главе с Гоголевым, слева — 2-я рота, которой командовал Богаткин.

Командир батальона И. Г. Марков расположился в сторожке путевого обходчика, верстах в трех от разъезда по направлению к Сарге. В сторожку провели полевой телефон.

Вперед, по обе стороны дороги, были высланы конные дозоры. Еще раньше группу кавалеристов направили влево для установления связи со 2-м Кунгурским полком.

Я возглавлял конный дозор, двигавшийся впереди 2-й роты. У переезда мы должны были встретиться с правифланговым дозором Федора Банных.

Но вот уже и переезд, а наших там не видно. Прислушались — кругом тишина. Потом вдруг из мелкого осинника у самого железнодорожного полотна выскочил всадник и скрылся в лесу. Двое моих разведчиков бросились за ним в погоню.

Где-то далеко позади нас раздалась пулеметная очередь. И почти в тот же момент из выемки, сделанной в горе, выполз вражеский бронепоезд.

Я послал одного дозорного предупредить о виденном командира 2-й роты, а сам с остальными помчался с докладом к командиру батальона. Марков выслушал меня сердито и приказал одному из моих людей:

— Немедля скачи к нашим бронепоездам. Пусть они откроют огонь по выемке.

Потом обернулся ко мне:

— Саперам передай, чтобы разобрали рельсы там, где повыше насыпь железнодорожного полотна... А насчет пулеметной стрельбы вам просто почудилось. Наверно, наши ребята волокут пулемет по шпалам, вот он и тарыхтит.

Не вступая в пререкания, я направился к выходу. В этот момент снаружи послышался крик и грянули два винтовочных выстрела. Вместе с одним из разведчиков — Мишей Куриловым — я помчался по следу связанного, направленного к бронепоездам. Мы нашли его совсем недалеко. Он лежал поперек дороги с простреленной грудью. Конь ходил рядом, волоча повод.

Осторожно проехали чуть вперед. Из кустов, со стороны 64-го разъезда, опять раздались выстрелы, и над головой у нас просвистели пули. Мы повернули коней назад.

Около сторожки застали командира 2-й роты Богаткина. Он горячо доказывал Маркову, что белочехи зашли к нам в тыл.

Его доклад прервали орудийные выстрелы со стороны Сарги. Одновременно послышалась винтовочная пальба на 64-м разъезде.

Через несколько минут 2-я рота, мой дозор и большая часть пеших разведчиков под командованием Богаткина двинулись к разъезду.

С нами были пулеметчики Шихов и Викулов. Они с трудом тащили свой «кольт».

Нас поддерживал артиллерийским и пулеметным огнем бронепоезд, команда которого состояла из моряков. Он курсировал по эту сторону разъезда, ближе к Сарге, и не мог прорваться назад: белые разобрали путь. Второй бронепоезд успел проскочить к Шале.

Скоротечный бой не принес нам успеха.

Когда красноармейцы израсходовали патроны и гранаты. Богаткин приказал расسنваться и мелкими группами пробираться к 1-й роте Гоголева, которая, видимо, углубилась далеко в лес, вправо. Мы начали отходить.

Белые с криками добежали до молчавшего бронепоезда, у которого кончились боеприпасы. И вдруг мощный взрыв потряс воздух, багровые языки пламени осветили

на мгновение все вокруг. Это безвестные герои, моряки, вероятно воспламенив оставшийся пороховой запас, взорвали бронеплощадку.

— А ну, ребята! Быстро отходи! У меня еще пять лент. Мы с Викуловым вас прикроем! — воскликнул Семен Шихов.

Бойцы уходили в гущу леса, отстреливаясь от преследующего противника. Я бежал, падал, стрелял, снова бежал. Ветви хлестали по лицу, рвали одежду. Внезапно на меня наткнулся Саша Викулов.

— А где Семен? — спросил я.

— Прогнал меня Семен, — хрипло ответил Викулов. — «Один, говорит, управлюсь!»

Мы прислушались. Пулемет еще работал.

— Это у него последняя лента, — тихо сказал Саша. Вскоре я потерял Викулова.

Со стороны железной дороги послышался глухой взрыв. Мелькнула мысль: «Наверно, это Семен подорвался гранатой».

Неподалеку кто-то свистнул. Хрустнула ветка. Потом окликнули вполголоса:

— Эй, парень, давай сюда!..

«Свой!» — обрадовался я и направился в чащу. Меня схватили за руки, повалили на землю и крепко стукнули прикладом по голове.

Нас, пленных, было человек пятнадцать. Всех захватили в лесу поодиночке и привели на большую прогалину, к кострам. Каждого я знал по имени.

Нас выстроили. Вдоль шеренги, вглядываясь в лица красноармейцев, медленно пошел чешский офицер, требуя выдачи командира и сведений о численности наших частей. Но никто не сказал ни слова.

Тогда офицер приказал выйти вперед каждому пятому. Вышли трое. Одного из них, стоявшего в шеренге рядом со мной, я запомнил на всю жизнь. Это был беспартийный красноармеец, молодой листопрокатчик нашего завода Николай Коновалов.

Офицер, прищурив левый глаз, долго целился в каждого из троих, потом стрелял...

Оставшихся пленных передали белоказацкому конвою.

Бородатые казаки сняли с нас верхнюю одежду и, расположившись у костра, начали делить ее.

— Ну ни одной справной гимнастерки або шаровар. И кто этих красных так одевает? — возмутились конвойные.

Я сидел в нижнем белье на траве рядом с пожилым красноармейцем Василием Богатыревым.

— Не тужи, Иваныч, авось как-нибудь уйдем, — тихо сказал он.

И тут же как бы в подтверждение его слов из-за реки, находившейся метрах в трехстах от нас, раздался винтовочный залп и заработал пулемет.

Казаки кинулись к своим коням. Пленные все разом, как по команде, вскочили и бросились к реке, навстречу пулям.

Ветер свистел в ушах. Кто-то бежал следом, кто-то перегнал меня. Сзади тоже стреляли. Вот уже и крутояр. Только бы переплыть реку... Вдруг бежавший впереди человек неловко взмахнул руками и упал. Я наклонился к нему. Это был Саша Викулов.

— Беги! — прохрипел Викулов. — Меня в ногу... и в грудь... Все равно умру... Беги...

Саша дышал все тяжелей. Глаза его закрылись...

Я крепко поцеловал умирающего друга и с разбегу бросился в холодную воду...

На другой берег выплыло шесть красноармейцев, в том числе и Богатырев.

Стрельба прекратилась. Мы не знали, куда идти, не знали, кто помог нам.

Я вызвался в разведку и пополз вперед, прижимаясь к мокрой траве болотины, прячась между кочками.

Вскоре где-то близко послышались шаги. Идут! Видно, дозор. Но чей? Я замер.

— Смотри-ка, что это белеет? — удивленно сказал кто-то.

— Наверно, человек. Может, кто-нибудь из наших.

Услышав знакомый голос, я вскочил:

— Павло!

— Саня! — обрадовался Паша Быков и подбежал ко мне: — Я уж и не чаял свидеться... Где же остальные?

Наскоро рассказал ему про бой за 64-й разъезд, про Семена, про Сашу.

Потом сам стал задавать вопросы о 1-й роте.

Оказалось, что она, огибая большое болото, углубилась в лес и подошла справа к самой Сарге. Ждала сигнала к атаке, но услышала перестрелку в тылу и тем же путем двинулась назад. Увидев свет костров, Гоголев приказал открыть по ним огонь: он знал, что свои не стали бы в такой обстановке коротать время у огонька.

Пять дней пробирались мы по лесам и болотам на северо-запад. Несколько раз наталкивались на чехов и казаков. Отбивались, уходили. На шестые сутки кружным путем вышли наконец к станции Шаля. Здесь нас радушно встретили красноармейцы недавно прибывших новых полков: 4-го Василеостровского и Конного имени Володарского.

Сюда же несколько раньше нас вышел с небольшой группой бойцов командир нашего батальона Марков. От него мы узнали, что почти весь 2-й Кунгурский полк, в который попало по мобилизации много зажиточных крестьян и даже кулаков, добровольно сдался врагу.

Ночью на Шалю попытались сделать налет белоказаки. Но дозоры вовремя обнаружили противника. Вместе с василеостровцами и володарцами в бою приняла участие и наша 1-я рота. Казаки понесли большие потери и были обращены в бегство.

А еще через несколько дней остатки коммунистического батальона вернулись на станцию Шамары. Нас опять пополнили здесь пермскими и кунгурскими рабочими. Кавалеристы получили новых хороших коней.

Как-то под вечер, когда я с Пашей Быковым сидел в штабной избе, за окном раздались торжествующие крики:

— Живы! Вернулись! Ура, братцы!

Мы выскочили на крыльцо. Во дворе стояли страшно исхудавшие и заросшие давно не бритой щетиной Александр Егорович Мокеев и Семен Шихов. Они поддерживали друг друга и опирались на березовые палки.

Мы втащили вернувшихся в горницу, принесли еду, засыпали их вопросами. Мокеев вытер бежавшие по щекам слезы и поведал свою историю.

Во время отступления он споткнулся и вывихнул ногу. Чудом удалось ему укрыться от рыскавших по лесу белых: отсиделся за поленницей дров. А когда чехи двинулись к Шале, сломил Александр Егорович палку и попр-

бывал идти. Винтовку нести он уже не мог: совсем обессилел без еды. Оставил при себе только маузер с последним патроном. А через несколько дней случайно встретил в лесу Семена. У того были сухари, он отдал их Мокееву. Шли очень медленно, часто отдыхая. Силы все убывали. Ели в основном ягоды и коренья...

Выслушав Егорыча, мы ожидающе уставились на Шихова. Он заговорил шепотом — громче не мог:

— Помню только, кинул гранату, ожгло меня, и все. А когда опамятовался — кругом тихо. Я давай перекачываться с боку на бок подальше в лес, от дороги... Потом опять в беспамятство впал... Дед лесник меня нашел. Уж у него в хате я опять в сознание вернулся. Отходил он меня малиной, травами поил, мед давал... Я на его сына похожим оказался, а сына-то белые убили... Чуть полегчало, сказал деду спасибо и тронулся в путь. По пути Егорыча встретил, а что было потом, он уже поведал...

Тут же, на станции Шамары, нам был объявлен приказ по войскам 3-й армии. В приказе говорилось:

«Согласно постановлению заседания пленума Уральского областного комитета РКП(б) коммунистическому батальону в воздаяние заслуг храбрости и дисциплины в текущих боях на фронте присвоить наименование «Коммунистический батальон имени Ивана Михайловича Малышева».

Командование батальоном временно перешло в руки нашего общего любимца П. З. Ермакова.

А враг тем временем продолжал наступать вдоль линии железной дороги на Кунгур и вскоре прижал нас на шамарских высотах, возле железнодорожного моста через реку Сылва.

Мы отбивались несколько дней. Подкреплений не было. Ряды наши таяли с каждым часом.

Ермаков вызвал меня и приказал:

— Бери с собой кого понадежнее, гони аллюром на шестьдесят первый разъезд, проси помощи у командира желдорбата.

Желдорбат мы по праву считали своей «родней»: сформированный в основном из железнодорожников Перми, он включал в себя и небольшую группу рабочих депо станции Екатеринбург-1.

61-й разъезд находился в восьми верстах. Поскакали туда вдвоем.

На разъезде около вокзальчика сидели несколько бойцов и дымили махоркой.

— Хлопцы, где командир батальона? — спросил я.

— А вон тама! — рыжий парень равнодушно махнул рукой. — Митинговщиков уговаривает.

За вокзальчиком, на большой поляне, шумело людское море. В середине толпы, на телеге, стояли комбат и начальник штаба 3-й Уральской дивизии А. И. Парамонов. Комбат кричал что-то охрипшим от натуги голосом. До нас доносились лишь отдельные слова: «Революционная честь... пролетарская дисциплина... Родина в опасности... позор...»

Из толпы в ответ орали:

— Воюй сам!

— Даешь отдых!

— Отправьте нас в

Пермь!

С трудом пробрались мы к телеге. Передали Парамонову просьбу Ермакова. Командир желдорбата опять стал уговаривать толпу:

— Товарищи! Ваши братья, коммунисты-малышевцы, просят вас на помощь!.. Чехи возле шамарского моста!.. Не время отдыхать, товарищи! Кому дорога власть Советов — немедленно в бой! Я приказываю...

— А ты не приказывай, — заревела толпа.

— Пускай коммунисты сами за свою власть воюют!

А. И. Парамонов

Мой напарник толкнул меня в бок:

— Слушай, давай-ка узнаем у наших деповцев, кто тут мутит народ.

Стали искать знакомых екатеринбуржцев. Нашли и уединились с ними по другую сторону пути.

Земляки рассказали, что в батальон проникли контрреволюционные эсэро-меньшевистские элементы. Они-то и агитируют красноармейцев за уход с фронта. Положение особенно ухудшилось после того, как руководитель большевистской организации батальона Николай Сивков (оказывается, наш старый учитель служил здесь) получил ранение и был увезен в госпиталь. Часа два назад бунтовщики задержали ехавшего на дрезине в Кунгур Парамонова и заявили, что не отпустят начальника штаба дивизии до тех пор, пока он не отдаст приказ отправить всех в Пермь.

Я посоветовал землякам выступить сейчас же на митинге и предложить послать в Кунгур вместе с начштадивом своих делегатов. Договорились, что в качестве делегатов будут рекомендоваться те, кто мутит красноармейцев. Нужно было освободить Парамонова и заодно побыстрее убрать отсюда эту заразу. Ведь так батальон и к белым перекинуться мог.

Уловка наша удалась. Через час начальник штаба дивизии вместе с делегатами отправился на дрезине в Кунгур. С ними, на всякий случай, для охраны Парамонова поехал и мой напарник.

Я один вернулся в Шамары и доложил обо всем случившемся Ермакову. Петр Захарович даже побледнел при этом, но тут же овладел собой и приказал:

— Хорошо. Иди в строй. Теперь каждый человек на счету.

Вечером Ермакова ранило. Но он продолжал руководить батальоном, лежа на носилках.

Чехи атаковали свежими силами, и малышевцы отошли по железной дороге на станцию Кордон.

Там расположились на отдых. Спали мертвым сном. А к исходу следующего дня на подмогу к нам прибыл из Кунгура Ревельский отряд моряков. Вместе с балтийцами ночью внезапным ударом мы выбили белых с шамарских высот и снова укрепились около моста.

Двадцать третьего сентября на смену нашему ба-

тальному прибыл 17-й Уральский стрелковый полк из состава сводного Южноуральского отряда партизан. Этот отряд под командованием В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина совершил героический 1500-километровый рейд по тылам врага и вышел тринадцатого сентября южнее Кунгура на линию фронта 3-й армии. Блюхеровцы влились в 4-ю Уральскую дивизию.

Красноармейцы сменявшего нас полка говорили:

— Наслышаны мы о малышевцах и, признаться, думали: вас нивесть сколько, коммунистов-то. А тут горстка, да и та без шерстки.

— Ничего, — отшучивались мы, — мал золотник, да дорог. Пойдем на отдых — живо людьми обростем.

Батальон отвели в Кунгур.

Здесь нас приняли с почетом. Кавалеристов разместили в женском монастыре, а пехоту — в женской гимназии.

Семен, только что вернувшийся из лазарета, шутил над Пашей Быковым:

— Вот, Павло, не приняли тебя раньше в гимназию по причине карманной чахотки, так ты хоть теперь ученым духом вволю подыши. Да фартучек нацепить не забудь: в женских гимназиях так положено!

— Помолчи уж, — обрывал его Паша. — Без году неделя, как на одной ноге ходить начал, а тоже советы дает.

Из гимназии Шихов тащился к нам, в монастырь, и начинал участливым тоном:

— Довоевались, значит, конники-беззаконники. Узнал я в штабе, что вас за буйный норов вскорости в послушники определяют для исправления. А тебя, Саня, помощником игуменьи назначат, вот провалиться мне! Задарма черный клобук и платье выдадут.

Я отбивался как мог, помяная японский карабин.

Н. Е. Таланкин

В Кунгуре коммунистический батальон был развернут в полк. В состав новой части, кроме нас, старых малых шевцев, вошли: батальон пермских железнодорожников очищенный от антисоветских элементов, и партийная дружина кунгурского уездного комитета РКП(б).

Группа красноармейцев полка имени Малышева. Кунгур, сентябрь 1918 г.

Часть получила наименование — «Рабочий стрелковый имени И. М. Малышева полк». Ее первым командиром стал Николай Евстафьевич Таланкин, возглавлявший до этого в нашем батальоне одну из рот. Комиссаром полка назначили Сергея Кожевникова, начальника штаба — большевика Павла Николаевича Фидлермана бывшего фельдфебеля царской армии из рабочих Верх Исетского завода.

Председателем партийного бюро полка мы избрали Василия Гладких, а ответственным секретарем — Нин Мельникову.

КУНГУРСКАЯ ОБОРОНА

Со второй половины октября наш полк в составе 1-й бригады 3-й Уральской дивизии вел бои с противником северовосточнее Кунгура.

Сначала малышевцы дрались на рубеже: Крюки — Усть-Крюки. Затем отступили на запад. А потом через несколько дней сделали внезапный налет на села Петуховское, Большая Кумина и нанесли большие потери 26-му Шадринскому белогвардейскому полку.

Тридцатого октября 3-я Уральская дивизия влилась в 4-ю Уральскую, которой командовал В. К. Блюхер и которая позднее была переименована в 30-ю.

Шестого ноября полк имени Малышева, расположившийся в маленькой деревне, верстах в пятнадцати севернее железнодорожной линии Екатеринбург — Кунгур, получил приказ: в годовщину Октябрьской революции зайти по болоту в тыл противнику и атаковать его на станции Кордон. В помощь нам придавалась рота Среднеуральского полка. Кроме того, намечался лобовой удар по противнику вдоль железной дороги.

Едва пропели первые петухи, как наши бойцы высыпали на улицу. Загремели команды:

— Стройся!

— По коням!

Из штабной избы вышли командир полка и П. З. Ермаков, замещавший временно выбывшего из строя военкома Кожевникова. Они поздравили красноармейцев с праздником и объяснили боевое задание.

— Надо, товарищи, за Сылву отомстить, за шестьдесят четвертый разъезд, — говорил Петр Захарович.

Беседу Ермакова с бойцами прервал неожиданно появившийся возле штаба седой кряжистый старик крестьянин.

— Меня вот солдатик один нарядил дорогу вам показать, — объявил он. — Куда вести-то?

— Прямоком на Кордон, — ответил Ермаков. — Хорошо проведешь — денег не пожалеем, ну а коли неладно — пеняй на себя.

— Я не за деньги, а по чести. На кой ляд мне деньги. Я, товарищи хорошие, по желанию. — Крестьянин смахнул кулаком набежавшую слезу и добавил: — Сына у меня белые убили...

— Ну, а коли так, мы и за твоего сына расквитаемся, — сказал Петр Захарович.

— Вот этот расчет мне по сердцу, — согласился старик...

Полк растянулся по лесу змейкой. Впереди — проводник с разведчиками, в середине — пехота с четырьмя «максимами» и двумя «кольтами», сзади — кавалеристы.

С каждым шагом тайга становилась все гуще. Преобладали громадные пирамидальные ели. Твердая тропинка кончилась, под ногами зачавкала хлябь слегка подмерзшего болота. Бойцы двигались осторожно, прыгая с кочки на кочку между «окошками». Конники спешились.

Давно перевалило за полдень, а мы все шли и шли. Казалось, болото никогда не кончится. Лес лишь чуть-чуть поредел, ельник сменился березняком.

Наконец дед остановился и, осмотревшись, сказал:

— Верно вывел, хоть пять лет тут не был. Теперь всего версты четыре осталось.

Это сообщение подняло дух уставших красноармейцев. Зашагали веселей и вскоре вышли на дорогу, соединявшую Кордон с 59-м разъездом.

Совсем близко раздался свисток паровоза. Командиры посовещались и послали вперед двенадцать пеших разведчиков, вооруженных гранатами.

Пошел шестой час вечера. Мы прислушивались к каждому шороху. Вот кто-то рубит дрова. Вот заржали кони. Потом загромычала дверь вагона.

Вернувшиеся разведчики привели с собой стрелочника. Они взяли его на переезде, у будки.

Стрелочник сообщил:

— На станции есть бронепоезд, но без прислуги. Имеется артиллерия. На площадке стоит аэроплан. Сотня казачьих лошадей привязана у вокзала. На путях четыре эшелона, в них до трех батальонов чехов.

Разведчики уточнили:

— Постов и дозоров нигде не видно.

Командир полка распределил силы, чтобы ворваться на станцию одновременно с разных сторон. Пулеметы выдвинули в центр, прямо к вагонам.

И вот лесная тишина нарушилась: затрещали выстрелы, загрели взрывы гранат. Бой был коротким, но жестоким. Застигнутые врасплох три батальона противника прекратили свое существование.

Ночью с богатыми трофеями полк двинулся тем же путем обратно. Несмотря на страшную усталость, настроение у всех было приподнятое. Красноармейцы весело переговаривались:

— Ловко мы их накрыли!

— И штаны с перепугу пооставляли!

— А проводник-то наш, не смотри, что старик, тоже стрелял...

Так отметили малышевцы первую годовщину Великого Октября.

Выпал глубокий снег. Ударили первые морозы.

Полк разместился по крестьянским избам в селе Броды, в деревнях Полушкина и Тягунова. Красноармейцам выдали новые полушубки, валенки и серые солдатские папахи. Деревенские девчата пришили к папахам красные ленты.

Пользуясь затишьем, партийная организация полка широко развернула политическую работу среди населения.

Однажды Шихов пришел к Ермакову с предложением:

— А что, Петр Захарович, ежели на селе клуб организовать? Говорили мы тут с местными девчатами... — Заметив, что Ермаков улыбнулся, Семен торопливо добавил: — Ну и с хлопцами, конечно... Скучно у них. А вечером можно и танцы сварганить, и песни хором пропеть. Ведь тут никто ни одной революционной песни толком не знает. Ну и, кроме того, доклады: про товарища Ленина,

про Советскую власть, про бога и прочее. А то — темнота.

— Насчет докладов — дело говоришь, — согласился Ермаков. — И насчет песен тоже. А вот танцы... не знаю... Как вы устроитесь, где учителя возьмете?

— Все устроим, — заверил Шихов.

— Ну ладно, — засмеялся Петр Захарович...

На другой день возле школы появилось объявление:

Кто желает сегодня попеть песни и культурно поплясать, а также услышать разные новости о войне и революции, приходите в дом сбежавшего лавочника Ползятина.

Желающих оказалось много. Я тоже пошел в дом Ползятина.

Маленький зал освещали сильно коптившие керосиновые лампы. В углу, на скамейке, сидел с гармошкой наш кавалерист Миша Курилов. Семен Шихов, с красной лентой на рукаве, взмокший от усердия, вертел неуклюжих сельских ребят, показывая им, как танцуют тут-степ. В другой стороне Нина Мельникова обучала девчат.

Но вот Семен оставил дюжего парня с мученическим выражением лица, кивнул Курилову и похлопал в ладоши. Собравшиеся сгрудились у стен.

Шихов вышел в середину:

— Дорогие граждане Советской республики! Пока у нас была репетиция, или по-военному разведка, а теперь начнем по-настоящему. Первый пролетарский вечер танцев и культурного развлечения в селе Броды объявляю открытым.

Красноармейцы зааплодировали. Сельские парни и девчата тоже деликатно похлопали. Миша Курилов заиграл «Смело, товарищи, в ногу». Все запели. Затем в круг вышел, позванивая шпорами, первый плясун полка Попов.

— А ну, давай «яблочко»!

Курилов одобрительно кивнул и начал медленно, постепенно ускоряя темп. Попов танцевал ухарски.

Потом на середину выскочил Семен:

— Эх, ма! Забила кавалерия пехоту! А ну, Мишенька, дай-ка русскую...

Шихов широко развел руками, отчаянно потрянул головой и вдруг сразу пошел вприсядку...

После танцев все окружили вошедшего в зал Ермакова. Петр Захарович рассказал об Октябрьской революции, о Красной Армии, сообщил последние политические новости.

Так прошел первый вечер в клубе.

Мы простояли в этих местах около трех недель. И наша затея с клубом дала неожиданные результаты. Из крестьянской молодежи организовался крепкий актив. При нашем отступлении вместе с полком ушли несколько десятков деревенских парней, добровольно вступивших в Красную Армию. Была с ними и одна смелая девушка, ставшая впоследствии хорошей артиллерийской разведчицей.

В конце ноября на левом фланге 3-й армии белые начали наступление крупными силами, нацеливая главный удар на Пермь.

Войсками противника на Восточном фронте руководил теперь ставленник Антанты адмирал Колчак, провозглашенный восемнадцатого ноября в Омске верховным правителем и верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. В белогвардейских частях так называемой «народной армии» вводилась палочная дисциплина, восстанавливались жестокие порядки, существовавшие при царском режиме.

Примерно десятого декабря противник атаковал и позиции полка имени Малышева, а также соседних частей.

Перед этим вражеское командование попыталось «обработать» наших бойцов. В распоряжение полка были брошены такие листовки:

«Красноармейцы, безоруживайте комиссаров, коммунистов — предателей Родины — и переходите к нам. За каждого коммуниста вы получите вознаграждение от 60 до 120 рублей».

Бойцы только смеялись над этим:

— За шестьдесят целковых купить нас хотят.

— У них губа-то не дура, комиссаров им подавай!..

Основной удар противника пришелся по нашему соседу, 2-му Горному советскому полку. Одно из его подразделений — рота финнов — было почти полностью уничтожено.

Командир бригады приказал малышевцам идти на подмогу 2-му Горному и вместе с ним при поддержке дивизиона латышской артиллерии выбить белых из Дувана, Подволошного, Овчинниковой.

Трое суток героически дрались наши части. Трое суток гремели орудия латышей. Маленькая, не показанная на карте деревушка Овчинникова неоднократно переходила из рук в руки. Но в конечном счете перевес взяли белые. Несмотря на всю самоотверженность и стойкость красноармейцев, через несколько дней мы вынуждены были начать отход на Кунгур, цепляясь за каждый бугорок, перелесок, отбиваясь от наседающего врага.

Связь между отступающими частями нарушилась. Малышевцы часто не знали, кто у них на флангах.

Настроение было неважное. Но и в это тяжелое время верилось, что мы победим, не можем не победить.

Во время отступления третий раз был ранен П. З. Ермаков. Вслед за ним мы отправили в госпиталь и командира полка, которого свалил сыпняк. Командование полком взял на себя начальник штаба П. Н. Фидлерман.

Больше чем другим доставалось, пожалуй, в эти дни конным разведчикам. Нам приходилось много разъезжать для установления связи с соседними частями, а снегу навалило доброму коню по грудь.

Закрепились у села Комарово вместе с отступившим сюда же 2-м Горным советским полком.

Здесь, на снежной равнине, двое суток непрерывно отбивались мы от белогвардейцев. Несколько раз бросались в контратаки. Бойцы изморились до того, что спали на ходу. А наши кони двигались ничуть не быстрее людей.

Семена Шихова, который командовал теперь пулеметным взводом, ранило в голову. Перевязав рану серой тряпицей, он остался в строю, но быстро ослабел. Пришлось и его отправить в обоз.

На третьи сутки наша пехота снялась с позиции и двинулась дальше на юго-запад. Кунгур был уже совсем близко. Конные разведчики с одним пулеметом остались прикрывать отход.

Примерно час мы отстреливались, потом сели на коней и оторвались от противника, заметно ослабившего натиск.

Смертельно усталые, на измученных лошадях ехали два десятка кавалеристов полка имени Малышева к Кунгуру. Поднялись на взгорье. Здесь, верстах в трех от города, стояли небольшой отряд пехоты и несколько конных. Когда мы приблизились к всадникам, я узнал среди

В. К. Блюхер
(снимок 1918 г.)

них начдива 30-й В. К. Блюхера и его помощника Н. Д. Каширина, которых видел весной во время похода против Дутова.

Блюхер направился к нам:

— Из какой части? Кто старший?

— Я командир, — ответил Виктор Гребенщиков. — Малышевцы мы. Конные разведчики. Все что осталось от эскадрона. Свою пехоту прикрывали. Она где-то здесь теперь.

Н. Д. Каширин
(снимок 1916 г.)

Начдив внимательно посмотрел на Гребенщикова и спросил:

— На дутовском фронте был?

— Был.

— Помню.

— И вот он был, Медведев. — Виктор показал на меня. — Председатель эскадронной партиячки.

Блюхер дал распоряжение Гребенщикову вести конников за Кунгур, в ближайшую деревню, на отдых, а мне приказал:

— Медведев, бери группу богоявленцев с четырьмя пулеметами и занимай оборону у кладбища, на горе.

Надо продержаться завтра первую половину дня, пока с юга не подойдет бригада Павлищева. Утром доложишь мне, как дела. Я буду в штабе дивизии, в купеческом доме на углу, возле моста через Сылву. Ясно?

— Ясно.

Я принял командование над стоявшими рядом бойцами Богоявленского полка и направился с ними к кладбищу.

Под вечер наш отряд, насчитывавший человек пятьдесят, укрепился на горе. Отсюда удобно было прикрывать подступы к городу с востока.

Рано утром подошли несколько подразделений противника и попытались прорваться в Кунгур, но мы со своей выгодной позиции отразили их атаки.

Часов в десять я поехал в штаб дивизии. Быстро нашел большой купеческий дом. В одной из его комнат Блюхер, Каширин и еще несколько человек, видимо работники штаба, стояли одетые вокруг стола и ели вареную картошку.

Я доложил начдиву о подходе противника.

— Поешь, — сказал мне Блюхер, — и возвращайся на позицию. Должен продержаться до трех. Хоть один

останешься, а держись! Проследи, чтобы саперы при отходе взорвали железнодорожный мост через Ирень.

Я взял из большого чугуна, стоявшего на столе, несколько картофелин «в мундирах», сунул их в карман и вышел на улицу...

Резко похолодало. Белые опять усилили натиск. При морозе, вероятно за тридцать градусов, на горе, в снеговых окопах было невтерпеж. Патроны у нас кончались. Но до трех часов мы продержались. Отходя, взорвали мост через реку Ирень.

После мы узнали, что бригада Павлищева запоздала. Когда она подтянулась к городу, в него уже вступили крупные силы белых.

Я догнал остатки своего полка за Кунгуром, в селе Крестовоздвиженском. В движении не заметил, как отморозил уши и пальцы рук и ног. Пришлось обратиться за помощью в лазарет.

Сюда же, в Крестовоздвиженское, приехал с обозом и Семен Шихов.

Рядом с ним на розвальнях стоял «кольт», а лошадьми правила бойкая сероглазая девушка. Остановив сани, она сразу затараторила:

— Ну и землячок у вас, товарищи! Всего-то в ем — рыжи лохмы да веснушки, а важничает, ровно становой пристав. От самого что ни есть Комарова словечка ласкова не промолвил, все с пулеметом обнимается.

— Не обижайся, Аксинья, — сказал Семен, — у меня жена дюже строгая. С пулеметом обниматься — это еще разрешает, но чтобы с девками — ни-ни. А насчет рыжих лохмов — так это вроде бы комплимент: говорят, сам Владимир Ильич Ленин рыжеватый из себя.

— Смотри-ка! — удивилась девушка. — Он и шутки шутить умеет. Вот не знала!

— Не время теперь, Аксинья, дюже веселиться-то, — ответил Шихов. — Вот прогоним Колчака, тогда приеду я к вам с женой в гости и на радостях такого русского отхвачу, что не только ты, но и твоя коняка кургузая вприрядку пойдет.

— А ну, братья, — обратился Семен к бойцам, окружившим розвальни, — помогите пулемет снять. Силенок у меня от свинцовой кашки еще маловато.

Через несколько дней мы узнали, что двадцать пятого декабря белые захватили Пермь.

Начдив расформировал нашу 5-ю бригаду. Полк имени Малышева перевели в резерв дивизии и направили в Глазов на переформирование.

Мы прибыли в город тридцать первого декабря. Для нас уже были приготовлены бараки и несколько домов. Помню, как удивились представители глазовского Совета: они вышли встречать грозный полк, а увидели лишь сотню измученных красноармейцев.

— Это что, передовой отряд, что ли? — спросил какой-то товарищ с портфелем.

— Весь полк здесь, — ответили ему.

В Глазове малышевцы приняли в свои ряды пополнение — более тысячи мобилизованных крестьян средних возрастов — волгарей, новгородцев, псковичей.

Сначала новички смотрели на нас косо. Частенько от них можно было услышать такие «задушевные» слова:

— Мы, конечно, за Советскую власть, только против коммунистов и против войны. Не хотим воевать ни за тех, ни за этих. Наша хата с краю. Коли вам, коммунистам, война занадобилась, сами и воюйте, чего суды крестьянство впутывать!

— Ну и ребятаки! — озабоченно крутил головой Павел Быков. — Работки с ними — не оберешься!

— Не работать с такими, а дать бы им просто в зубы! — решительно высказывался Миша Курилов.

— Нет, браток, так нельзя, — возражал Семен Шихов. — Мужик, которому ты в зубы дашь, против тебя пойдет — и, значит, за Колчака. А ежели ты ему объяснишь, что к чему, он за тебя пойдет, против Колчака. Вот какая арифметика.

И старые малышевцы, на каждого из которых приходилось примерно по десятку новичков, занялись нелегкой воспитательной работой.

В начале января 1919 года нам стало известно о прибытии в Вятку комиссии Центрального Комитета партии. Эта комиссия начала разбираться в причинах падения Перми и восстанавливать порядок на фронте и в тылу 3-й армии.

В. К. Блюхера назначили помощником командарма-3, а 30-ю дивизию принял Н. Д. Каширин.

Старых малышейцев — П. Н. Фидлермана, командира 1-й роты Гоголева, начальника пулеметчиков Андрея Петровича Елизарова — выдвинули на работу в штаб армии.

В том же месяце в жизни нашего полка произошло большое событие. За боевые заслуги, за стойкость и мужество в борьбе с врагами Советской власти он был награжден Почетным Революционным Красным Знаменем Уральского областного комитета партии.

На городской площади в торжественной обстановке представители Реввоенсовета 3-й армии и Уральского обкома РКП(б) вручили малышевцам это знамя.

олучил полк Красное Знамя и сразу покинул Глазов: отправились на фронт. Эшелоны наши разгрузились на станции Чайковской. Дальше двинулись своим ходом вдоль правого берега Камы на юг.

Полк вошел в 4-ю бригаду, которой командовал Николай Дмитриевич Томин. В составе этого соединения малышевцы за короткий срок продвинулись ниже Оханска и освободили от противника до двух десятков деревень и сел, в том числе Казанское, Андреевку, Мураши, Беляевку. Кое-где белые были отброшены за Каму, на ее левый берег.

В этих боях особенно отличились 4-я и 5-я роты, сформированные из саратовцев. Ветераны полка говорили про волгарей:

— Неплохо дерутся ребята, хотя и мобилизованные. Теперь их, пожалуй, не отличишь от наших уральских добровольцев.

5-й ротой командовал бывший офицер царской армии Родионов. Красноармейцы полюбили его за хладнокровие, смелость, заботливое отношение к ним и между собой уважительно называли дядей Васей. Оценили Родионова и старшие начальники: через месяц-полтора он стал уже командиром 2-го батальона.

Хорошо сражался и 1-й батальон, в котором командовал полуротой Павел Быков.

Последнее время Паша был в хорошем настроении: еще в Глазове, перед отправкой на фронт, он получил письмо от Германа. Брат, служивший в Рабоче-Крестьянском полку 29-й дивизии, писал, что он здоров и даже ни разу не был ранен. Герман передавал также привет

от всех земляков, которые воевали вместе с ним, и советовал внимательно читать армейскую газету «Красный набат».

Мы коллективно ответили Герману и не пропускали ни одного номера газеты. И вот в «Красном набате» появились один за другим два интересных очерка за подписью Г. Быкова. Мы зачитали эти номера до дыр. В конце концов Паша отобрал их у нас и спрятал в нагрудный карман курточки.

П. П. Быков

В первых числах марта противник начал новое крупное наступление на фронте 3-й армии.

Главный удар, между Оханском и Осой, в основном в полосе 30-й дивизии, наносил 1-й Сибирский корпус генерала Пепеляева.

Сосед малышевцев справа — 17-й Уральский полк, внезапно атакованный белыми, отошел и оголил наш фланг. Противник быстро продвинулся вперед. Наш 2-й батальон попал в полуокружение. Родионов стал выводить своих бойцов по широкой ложбине между холмами к селу Андреевка. Белые, зная стойкость малышевцев, не решились замкнуть кольцо и начали расстреливать их с высот. Батальон понес большие потери, но все же выскочил из «мешка».

Затем малышевцы отступили в село Малая Соснова. Командир полка выдвинул конных разведчиков на близлежащую высоту.

В снеговых окопах свистел жестокий ветер. Мороз достигал тридцати пяти градусов. Чтобы хоть чуть согреть руки, мы попеременно засовывали их под потники седел.

Ночью некоторые бойцы, несмотря на строжайшее запрещение, задремали в окопах. Человек десять сильно

обмороженных пришлось отправить в лазарет, а нескольких мы так и не добудились.

Через двое суток полк отошел дальше, на рубеж Петропавловское — Дурыманы. Спешенные конники заняли позицию рядом со 2-м батальоном.

По данным разведки, белогвардейское командование подтянуло против нас три свежих полка — 2-й Новониколаевский, 3-й Барабинский, 4-й Енисейский — и готовилось нанести сильный удар со стороны Баклуш на Петропавловское.

Данные эти оказались верными. На рассвете двенадцатого марта противник предпринял решительную атаку. Колчаковцы шли тремя колоннами по трем дорогам, прорытым в снегу толщиной до двух метров. На флангах по сугробам бежали лыжники в белых маскировочных халатах.

Наши батальоны подпустили врага на близкое расстояние и встретили его залпами. Передние ряды колчаковцев стали пятиться. Но на них напирала задняя, подгоняемая очередями своих же пулеметов. Получилась настоящая мясорубка. На дорогах выросли груды вражеских тел.

Прямо перед позицией конных разведчиков, у моста через глубокий овраг, скопились офицеры отборной штурмовой роты. Кавалеристы забросали их гранатами.

Кое-кто из наших, в том числе я и Миша Курилов, вскочили на лошадей и начали преследовать отступающего противника. Километра два проскакали мы по узкой дороге, и Мише посчастливилось: он взял живым «химического»¹ штабс-капитана. Не внакладе был и я: удалось захватить пулемет на лыжах.

Вечером наиболее отличившихся в этом бою построили на площади села Петропавловского, у церкви. Командир полка Таланкин и Нина Мельникова, выбранная недавно председателем партийного бюро, поздравили с успешным отражением вражеской атаки. Комбату-2 Родионову, начальнику пулеметной команды Корсакову, его помощнику Автуху, пулеметчикам Сырчикову, Ланцеву, Махаеву, Шихову, а также мне и Курилову была объявлена благодарность.

¹ Так красноармейцы иронически называли колчаковских офицеров, которые за неимением офицерских погон носили солдатские со звездочками, нарисованными на них химическим карандашом. — Авт.

Получив такой отпор, колчаковцы на нашем участке больше не пытались наступать. До конца марта почти все подразделения полка находились в Петропавловском. И снова, как на станции Шамары и в селе Броды, наши коммунисты развернули массово-политическую работу среди местного населения.

На первых порах Семен Шихов совсем сбился с ног, организуя «красные посиделки». Но потом разузнал, кто из сельских парней грамотный, кто пляшет, кто играет на гармонии, и подобрал себе хороших помощников.

Во время этих посиделок мы проводили беседы о текущих событиях, декламировали стихи, пели, танцевали. К Шихову особенно привязался тогда белокрысый парень по фамилии Паклин. Семен вначале добродушно подтрунивал над ним:

— Нам с тобой, друг, нужно волосами поменяться: что ты за Паклин, ежели грива белая, а не рыжая? Мои волосы тебе в самый аккурат.

Но постепенно Шихова заинтересовал этот любознательный паренек, старавшийся в каждом вопросе докопаться до самой сути. И Семен уже вполне серьезно однажды сказал ему:

— Если тебе, друг, скажут, что твоя голова белая, ни за что не верь. Золотая у тебя голова! Тебе, браток, на комиссара учиться надо, да вот беда — нету еще у нас таких школ.

Совет Шихова не пропал даром: впоследствии Паклин стал работником политотдела 30-й дивизии.

В это же время, в марте, мы затеяли еще одно интересное дело. Однажды Миша Курилов сказал Шихову:

— Помнишь, в Глазове ты говорил: «Если крестьянину разьяснить, кто его друг, а кто враг, то он за нас пойдет, против Колчака?»

— Помню. Так и есть. Не зря мы старались. Хорошо дерется глазовское-то пополнение, — ответил Семен.

— Так вот, — продолжал Курилов, — я и думаю: «А что, если обработать колчаковских солдат. Ведь среди них много мобилизованных крестьян. Может, перейдут на нашу сторону?»

Предложение было соблазнительным. Наше партийное бюро одобрило его.

Малышевцы установили контакт с солдатами 2-го Новониколаевского и 5-го Томского полков и начали обме-

ниваться с ними подарками. Белые оставляли в условленном месте, в овсяных кладях, находившихся между позициями, хлеб, баранки, колбасу. Красноармейцы приносили туда же питерские папиросы и газеты «Правда» и «Беднота», в которых сообщалось о жестоких расправах колчаковских карателей с крестьянами, о восстаниях крестьян в Сибири, о развертывании там широкого партизанского движения. Дело пошло успешно. Через несколько дней мы стали добавлять к газетам свои записки с призывами к солдатам переходить на нашу сторону.

В результате колчаковские солдаты начали перебегать к нам. Сперва поодиночке, а потом и группами.

Вражеское командование спохватилось. «Нейтральные» клады овса были сожжены.

Новая попытка нашего дозора установить связь с колчаковцами окончилась безуспешно: красноармейцев обстреляли. Штаб полка во избежание напрасных потерь приказал действовать осторожнее.

Левифланговые соединения 3-й армии прочно удерживали свои позиции. Мы думали, что скоро пойдем в наступление. Но наши предположения не оправдались. Наоборот, в начале апреля части 30-й дивизии начали отходить еще дальше на запад.

Это было вызвано тем, что противник сильно потеснил соседнюю справа 7-ю дивизию 2-й армии и мог глубоко зайти нам в тыл. Пришлось выравнять фронт.

Уже совсем по-весеннему пригревало солнце, снег быстро таял, по оврагам помчались бурные потоки.

Полк имени Малышева с трудом выбрался на тракт и быстро миновал села Пурга, Зура, Чепца, Игринское.

Около селения Уйвай мы столкнулись с вражеской частью, сформированной из кулаков-добровольцев, которая успела зайти нам во фланг. Бой был жестоким. Большие потери понес 1-й батальон. Погибло много наших заводчан, в том числе лихой ротный командир Сергей Рыков.

В Зуре конные разведчики устроили засаду и знатно встретили колчаковцев. Два раза к нам присылали из штаба ординарцев с приказом немедленно отходить, но уж очень не хотелось покидать удобное место. Белые никак не могли достать нас, и мы расстреливали их совершенно безнаказанно. Только вечером кавалеристы ускакали из села, взорвав за собой мост через бурлящую реку.

В эти дни в армейской газете «Красный набат», где нередко печатались заметки и очерки Германа, появилось короткое сообщение: «В бою под Песковским заводом смертью храбрых погиб председатель партийного бюро одного из старых уральских полков, участник походов на Дутова, организатор молодежи Верх-Исетского металлургического завода Герман Быков».

Прочитав это сообщение, Паша Быков долго молчал, потом медленно поднялся с лавки, как-то сгорбился и тихо проговорил:

— Война, конечно, война... Кругом каждый день люди умирают... Но вот так... тяжело...

Не докончив фразы, Павел вышел из дому.

Скомканная газета лежала на полу. Миша Курилов, ствернувшись к стене, вытирал слезы. У меня к горлу подкатил большой ком.

В тяжелой тишине раздался спокойный глуховатый голос Семена Шихова:

— Я клянусь... За Германа своим «кольтом» не одну колчаковскую душу на тот свет отправлю...

А полк наш все шел по весенним дорогам, через ручьи и потоки. Люди шагали в валенках, которые намокли и расплзались, как перекишшее тесто. Давно уже послал Василий Родионов — он замещал заболевшего командира полка — своего помощника по хозяйству Бочкарева в Казань за кожаной обувью для красноармейцев. Но Бочкарев еще не вернулся, хотя давно уже истекли все сроки.

— Ничего, ребята! Не сахарные, не размокнем, — говорил Родионов, стараясь поднять наше настроение. Он и сам шел в валенках.

Семен Шихов мрачно шутил:

— Шлепаем по лужам, как утки, в негожеей зимней обуви...

В селе Святогорье малышевцев сменила резервная часть. Мы отправились в тыл, в одно из сел, на отдых.

Когда нам по распоряжению штаба бригады уже выдали сапоги, в полк без денег и без обуви явился Бочкарев. Он плел какую-то чушь.

В это время заболел крупозным воспалением легких Василий Родионов. Видно, сильно простудился. Болезнь была очень тяжелой — и через три дня он умер. Не стало замечательного командира, умного воспитателя. Погиб

душа человек. Не от пули, не от шашки, а от воспаления легких.

Мы потребовали суда над Бочкаревым. Приехавшая из штаба бригады комиссия установила, что наш хозяйственник и не думал покупать в Казани сапоги, а пропил все деньги. Полевой суд приговорил его к расстрелу.

В начале мая малышевцы снова вступили в бой и заняли деревню Мухино, а затем Сюдзи и Мултан.

Все части 30-й дивизии получили номера. Наш полк стал называться 266-м. А 4-ю бригаду переименовали во 2-ю.

В эти же дни полк был пополнен двумя ротами вологодских коммунистов, которые сражались с таким же беззаветным героизмом, как и старые малышевцы.

середине июня 3-я армия перешла в наступление по всему фронту.

Части 30-й дивизии быстро продвигались вперед. Наш полк за три дня освободил от белых территорию, которую они захватили за месяц.

Теплым, солнечным утром малышевцы подошли к селу Чепца, через которое отступали в апреле. Противник, укрепившийся в селе, за рекой, видимо, решил упорно обороняться. Вражеская артиллерия открыла сильный огонь. Мы оттянулись немного назад и залегли в кустах.

В штаб полка прибыл комбриг Н. Д. Томин.

Конные разведчики получили задание тщательно выяснить расположение противника.

Несколько кавалеристов, в том числе я и Курилов, во главе с Гребенщиковым поехали лесом к реке Чепца. Оставив коней за бугром, мы осторожно подползли к высокому берегу, поросшему густым кустарником.

Чепца — река беспокойная, омутистая, с темной, глубокой водой. На противоположном берегу разглядели окопы, в которых сидела пехота. Подальше, в березняке, стояли орудия. Правее чернел деревянный мост. Он, конечно, находился под прикрытием пулеметов.

Гребенщиков быстро набросал схему расположения белых, и мы вернулись в штаб.

Несколько часов малышевцы отдыхали. За это время к нам подтянулись дивизион артиллерии и два дивизиона 1-го Уральского кавалерийского полка.

Вечером комбриг приказал готовиться к атаке. Кавалеристам поставил задачу: любой ценой захватить мост, так как форсировать глубокую Чепцу вброд или вплавь очень тяжело.

Артиллеристы открыли огонь по позициям противника за рекой. Эскадрон малышевцев и дивизионы 1-го Уральского полка построились повзводно и ждали сигнала. Мой степняк настороженно шевелил ушами, тревожно пофыркивал.

Белые молчали. Потом в темноте вдруг полыхнуло пламя: колчаковцы подожгли мост.

Перед нами на бугре появился всадник в кожаной куртке. Это был Томин. Он поднял над головой шашку, крикнул: «Орлы! За мной!» — и помчался к реке. Мы рванули коней вслед за комбригом.

Атака была необычайно стремительной. Белые открыли перекрестный огонь из пулеметов, но не смогли остановить летящую лавину конницы. Вихрем пронеслись мы по горящему мосту, окутанному клубами черного дыма, с гиком смяли вражеский заслон на другом берегу и ворвались в село. На горе, за Чепцой, захватили уже на марше вражескую артиллерию и богатые обозы.

Тем временем пехотинцы потушили огонь на мосту и тоже вошли в село.

Наступая белым на пятки, малышевцы проследовали дальше — через Петропавловское, Баклуши, Большую Соснову — и вошли в село Таборы, находящееся на правом берегу Камы.

Колчаковцев здесь не было: они уже отступили за реку, забрав с собой все переправочные средства. Красавица Кама дышала покоем. Погода стояла солнечная, ясная.

На высоком берегу, под березой, собрались старые друзья: Павел Быков, Семен Шихов и я.

Как сейчас помню веснушки, проступавшие у Семена даже сквозь густой загар, сдвинутую им на затылок стальную каску и его глаза, ласковые и грустные.

Сначала мы молча смотрели на зеркальную поверхность Камы, потом Шихов вдруг спросил:

— А чего вам больше всего на свете хочется, братцы?

— Как чего? — не понял я.

— Ну вот прогоним беляков... Теперь это уж скоро. А потом что будем делать?

— Не знаю, — честно признался я. — Очень хочу маму, отца увидеть. Дома хочу побыть. А там видно будет.

— Я учиться пойду! — решительно сказал Павлик. — Горным инженером думаю стать. Обязательно.

— А я, ребятки, знаете чего хочу? — помолчав, медленно произнес Семен. — Хочу я прийти сюда, вот на это самое место, и привести с собой девчонку, тихую такую, ласковую, с голубыми глазами. И чтобы солнышко, как сейчас, светило и березки шелестели.

Вот приведу ее и скажу: «На, милка, бери эту землю, бери этот простор, все бери! Я с товарищами эту землю отвоевал, кровью ее полил, да не один раз. Так живи на свободной земле. Хорошо живи!.. И не забывай о погибших».

Как-то особенно задушевно прозвучали необычные Семеновы слова и глубоко взволновали нас. У меня защи- пало в горле. Я отвернулся и сердито засопел.

Была в этих словах большая правда. Шихов сказал то, о чем мы нередко думали, но никогда не говорили. Ведь сколько крови уже пролилось на просторную нашу землю, сколько слез выплакали родные и друзья убитых! А война не кончилась. Может, уже сегодня мы, девятнадцатилетние парни, тоже ляжем в братскую могилу.

И мне также захотелось сказать людям, которые будут строить после войны новую жизнь: «Будьте счастливы, товарищи, берегите завоеванное нами и помните о тех, кто свое не отлюбил, песен не допел, на солнышко не налюбовался!»

Паша, пытаюсь скрыть охватившее его волнение, пошутил:

— Девчонка-то голубоглазая, Семен, с тобой может и не пойти: больно ты рыжий, да и веснушек сколько!

— Веснушки — это ничего. Они у меня от солнышка. — Шихов, улыбаясь, развел руки в стороны и обнял нас. — Эх, ребятки!..

Постояв еще немного, мы пошли спать.

А вечером меня вызвал командир полка.

— Есть трудное задание, — сказал он. — Нужно ночью перебраться на плоту на тот берег и разведать, далеко ли белые. Кого хочешь взять с собой? Можем на

всякий случай дать пулемет. Кто из пулеметчиков подойдет для этого дела?

Я, не задумываясь, назвал фамилии своих лучших друзей.

— Хорошо, — согласился командир, — втроем и поплывете: ты, Быков и Шихов с «кольтом».

Когда совсем стемнело, мы поставили пулемет на плот, сделанный саперами, и тихо отчалили. На берегу остались десятка три провожавших нас красноармейцев.

Мы гребли долго, осторожно опуская в воду весла, обмотанные тряпками. Наконец пристали к левому берегу. Спрятали плот в кустах. Поднялись с пулеметом на крутойяр.

Семен остался у своего «кольта», а я и Павел медленно поползли вперед. Продвинувшись метров на сто, долго прислушивались. Кругом стояла полная тишина. Тронулись дальше. И вдруг где-то совсем близко раздался окрик:

— Стой! Стрелять буду!

Мы выпустили наугад по несколько пуль из пистолетов и побежали назад. Нам вдогонку затрещали выстрелы, послышался топот. Я и Паша бросились на землю и быстро поползли. В этот момент заработал наш «кольт». Топот за спиной прекратился, но выстрелы участились. Шихов бил длинными очередями. Потом как-то внезапно пулемет замолк.

— Семен! — окликнул я.

Шихов не отвечал.

Я и Павел одновременно подбежали к нему. Наш друг лежал неподвижно, прикинув головой к треноге «кольта».

Мы быстро втащили Семена и пулемет на плот и поплыли назад. Гребли изо всех сил. По реке, нащупывая нас, открыли огонь несколько пулеметов противника. Но нам удалось уйти.

Шихов по-прежнему был неподвижен.

— Как думаешь, ранен? — спросил я Пашу.

— Не знаю, — ответил он. — Давай гребь.

На берегу нас встречало гораздо больше красноармейцев, чем провожало. Бойцы подхватили Семена на руки и понесли в штабную избу.

Когда мы зашли в штаб, Шихов лежал на столе. Рядом стояли нахмурившийся командир полка и наш полковой лекарь Иван Карлович Спарин.

— Он был убит сразу, как говорится, наповал. Вы везли труп, — сказал нам Иван Карлович.

Я подошел ближе к столу. Одна рука у Семена лежала на груди, другая свисала вниз. Брови сурово сдвинуты, губы плотно сжаты. На лице застыло выражение напряженности. На лбу, над глазом, маленькая ранка. И нигде ни капли крови.

Много видел я смертей, похоронил уже нескольких друзей, но теперь не хотел верить, что умер Семен Шихов. Тот самый Семен, который полуживым вышел из окружения под 64-м разъездом, который только сегодня мечтал прийти после войны сюда, в Таборы, с голубоглазой девочкой... Наш отчаянно храбрый парень, лихой пулеметчик!

Мы похоронили Шихова около села, под березкой, и поклялись отомстить за него колчаковцам.

Утром малышевцы по приказу комбрига направились вдоль берега Камы в Беляевку. Туда, к пристани, должны были подойти снизу по реке и обеспечить переправу частей бригады корабли Волжской флотилии.

Эскадрон конной разведки двигался лесной дорогой впереди пехотных подразделений полка.

Мы пели новую песню:

Зорю трубы проиграли.
Гей, ребята, на коней!
Вон как белые подрали
От кумачных бунтарей!

Сабли наши крепкой ковки,
Братьев кровь зовет нас мстить.
Цельтесь, меткне винтовки! —
Белых надо угостить...

На Урал! А за Уралом
Для голодных хлеб найдем.
Смерть всем белым генералам
Мы с собой туда несем!

Часа через два кавалеристы въехали в разоренную белыми деревушку. Она казалась совсем вымершей. Только десяток кур, неведомс как уцелевших, с кудахта-нием бросились в подворотни.

Но вот из калиток начали высовываться ребятишки с облупленными носами, а вслед за ними стали выходить и взрослые.

— Эскадрон, стой! — скомандовал Виктор Гребенщиков. — Слезай! Отпустить подпруги! Привал двадцать минут...

Гремя шпорами, Гребенщиков подошел к собравшимся в кучу крестьянам:

— Здравствуйте, товарищи!

Мужики переглянулись, стянули шапки и ответили как по команде:

— Здравия желаем!

— Здорово же вас белые вымуштровали! — Гребенщиков засмеялся. — Давно они от вас ушли?

— Третьеводни еще...

— А куда?

— Иные к Оханску, иные на Беляевку...

Дав отдохнуть уставшим коням, мы двинулись дальше на юго-восток. Ехали по-прежнему лесом. Потом он кончился. Потянулись поля, засеянные рожью и овсом.

Кавалеристы приблизились к берегу. Вот и Беляевка. Внизу, под откосом, пристань. Не видно ни одного парохода, ни одной баржи. Нет даже ни лодок, ни плотов.

— Все беляки угнали, — сказал Миша Курилов.

— Что угнали, а что, может, и потопили, — предположил я.

Конники рассыпались по гребню холма. Виктор Гребенщиков долго смотрел на реку в бинокль, потом сказал:

— Не видать пока нашей флотилии.

— Знать, и на том берегу никого нету. Укатали быстро беляки, — заметил один из разведчиков.

— А ты подожди погоду предсказывать, — возразил другой. — Вон за теми горушками с лесом три полка запросто спрятать можно.

И как бы в подтверждение этих слов с той стороны раздался орудийный выстрел... За ним второй, третий. Над головой завизжала шрапнель.

— Эскадрон, кругом! Карьером марш! — приказал Гребенщиков.

Мы мигом спустились с холма. Взяли правее, укрылись в березняке. А белые все еще шпарили по гребню.

Виктор оставил нас и один выбрался на берег в другом месте. И оттуда мы слышали его возбужденный голос:

— Товарищи! Пароходы!

Всем захотелось взглянуть на пароходы. Конники осторожно выдвинулись на край перелеска. Справа на реке в самом деле показались дымы. Скоро стали видны и контуры кораблей. Это шли канонерки Волжской флотилии и с ними один пассажирский пароход.

Когда корабли были уже в нескольких километрах от пристани, их начали обстреливать вражеские орудия. Канонерки повернулись носами к левому берегу и открыли ответный огонь.

После короткой перестрелки артиллерия противника замолчала. В бинокль хорошо было видно, как белогвардейцы убегали из ельника за гору.

Головная канонерка и следовавший за ней пассажирский пароход направились к пристани.

Пароход дал трехкратный гудок. Мы поспешили к нему на погрузку. В этот момент к нам присоединились конные разведчики 17-го Уральского (265-го) полка.

Через несколько минут пароход высадил нас на левый берег.

Командование сводным кавалерийским отрядом примерно в сто сабель принял на себя Гребенщиков.

— Лавой, за мной! — закричал он, и мы бросились преследовать отступающего противника.

За каких-нибудь полчаса конники почти без потерь освободили две деревеньки, захватили два исправных орудия, пленных и лошадей. После короткой передышки двинулись на север, к Юго-Камскому заводу. Проехав около десяти километров, остановились на привал. Отдохнув с полчаса, зарысили опять.

В. С. Гребенщиков

На подходе к третьей деревне были остановлены одним из наших дозорных. Он доложил Гребенщикову:

— Впереди на скате холма — окопы и рогатки, в окопах — люди!

Виктор разделил отряд на три группы. Одна из них спешила и выдвинулась с ручными пулеметами прямо вперед, в овражек. Две другие обошли позицию противника справа и слева. По общему сигналу пулеметчики открыли огонь по окопам из своих «люйсов», а боковые группы атаковали белых с флангов.

Часть колчаковцев конники уничтожили, остальные панически бежали. Мы вступили в деревню и отсюда послали донесение в штаб бригады.

Вечером — это было первого или второго июля — наш кавалерийский отряд занял Юго-Камский завод. А наутро в заводской поселок вошли пехотные подразделения малышевцев. За ними следовали два других полка 2-й бригады и ее штаб. Части расположились на отдых.

Во второй половине дня я выехал с конной заставой из поселка на восток. Продвинувшись на несколько километров, мы увидели двух колчаковских офицеров. Они шли нам навстречу, размахивая белым платком.

Оказалось, это парламентареры из 62-й дивизии, недавно сформированной в Перми. Вся эта дивизия в составе четырех полков изъявляла готовность добровольно сложить оружие.

Я передал одному из кавалеристов командование заставой и сам отвел офицеров в штаб бригады.

Комбриг переговорил с парламентарерами и сразу же распорядился: «Усилить заставу!» «Эге! — подумал я. — Не очень-то Томин верит белогвардейцам».

Одного из приведенных мной офицеров вскоре отпустили. Второй остался в штабе бригады заложником.

Комбриг поставил колчаковцам условие: выслать вперед на подводах все оружие и боеприпасы.

Часа через два из-за урочища Убиенный лог прискакал дозорный с радостными возгласами:

— Идут, ей-богу, идут!

На повороте дороги действительно показался обоз, поднявший густую пыль. За обозом следовал духовой оркестр, исполнявший «Марсельезу». А позади оркестра — колонна пехоты. Некоторые солдаты держали в руках длинные палки с надетыми на них кусками кумача.

Красноармейцы, сжимая в руках винтовки, настороженно переговаривались:

— Чего это они красные флаги несут? Да еще «Марсельезу» играют!

— Со страху что угодно запоешь!

— А вдруг это для отвода глаз удумано?

— От них всего можно ждать!

Но наши опасения оказались напрасными. Подводы с пулеметами, винтовками, гранатами и патронами белые сдали без всяких разговоров. Проходя по улице заводского поселка, солдаты и офицеры, одетые в зеленые английские мундиры, срывали с себя погоны и бросали их в общую кучу. Скоро у дороги выросла гора погон.

Мы окружили солдат. Это были пермские крестьяне, недавно мобилизованные Колчаком.

Миша Курилов спросил в шутку одного из них:

— А может, ты, дядя, англичанин?

— Оборони господь! — закрестился мужик. — Зачем? Пермский я. И отец был пермский, и дед пермский.

Противник продолжал поспешно отступать, почти не оказывая сопротивления. Наши части продвигались на восток по 20—30 километров в сутки.

Путь наш лежал по знакомым местам — через Комарово, Газы, Крюки и другие села и деревни, где нам довелось сражаться с врагом в октябре — декабре 1918 года.

Крестьяне встречали красноармейцев как родных, со слезами радости на глазах.

В деревне Полушкиной наш полк приветствовала делегация жителей окрестных селений. Малышевцы были здесь в ноябре — декабре прошлого года и оставили по себе добрую память как верные защитники трудящихся. Крестьяне особенно горячо принимали ветеранов полка, вспоминали о тех, кто не вернулся назад, сложил свою голову в боях с врагом.

В одном из сел ко мне подошла девушка в цветастом полушалке, поздоровалась и спросила:

— Скажи, а Семен не с вами?

Я сразу узнал девушку. Это была Аксинья, та самая, которая везла в обозе от Комарова за Кунгур раненого Семена Шихова.

Тогда, зимой, она ехала с нашим обозом до Глазова, а потом отправилась на своих санях назад, домой.

— Нет с нами Семена, — ответил я.

К нам подошел Паша Быков.

— А где же ваш дружок? — снова спросила Аксинья.

Паша внимательно посмотрел на девушку, тяжело вздохнул и медленно произнес:

— Нет больше Семена... Остался в Таборах, на берегу Камы. Ни одна девчонка в походе его не целовала. Поцеловала только пуля...

— Ой!.. — тихонько вскрикнула Аксинья, и глаза ее наполнились слезами.

— Перед смертью тебе кланяться велел, — добавил Паша. — Жалел, что больше свидеться не пришлось.

Девушка низко опустила голову, повернулась и медленно пошла в избу.

Я молча пожал руку Павлу. Молодец: догадался хоть так утешить Аксинию. Зачем ей знать, что Семен умер мгновенно и ничего сказать не успел...

Не снижая темпа наступления, наш полк следовал вдоль линии железной дороги Кунгур — Екатеринбург. Миновали Шамары, Вогулку, Сылву, Саргу, Сабик.

Нелегко был этот обратный путь по местам, где летом и осенью 1918 года погибло много боевых товарищей. Белогвардейцы, отступая, разорили села и деревни. У нас не было ни хлеба, ни фуража. Своих измученных коней мы кормили мешанкой из отрубей и сами питались тем же. Раз или два в сутки заваривали кипятком ржаные отруби, круто солили их и ели, нахваливая. Наша одежда истрепалась, обувь тоже пришла в негодность.

Но ведь мы возвращались с победой, освобождали родной Урал. Сознание этого поддерживало боевой дух, вливало в нас новые силы.

Четырнадцатого июля, дойдя до Билимбаевского завода, малышевцы узнали, что к Екатеринбург уже приближается 28-я дивизия 2-й армии. В ночь на пятнадцатое июля мы совсем не спали, возбужденно переговаривались...

— А вдруг не возьмет город двадцать восьмая?

— Ну уж, не возьмет!

— А не возьмет, тогда очередь за нами.

— Что ж, в добром деле завсегда помочь рады...

На рассвете в полк приехал Андрей Елизаров — наш

бывший пулеметчик, а теперь — уполномоченный особого отдела штаба 3-й армии.

— Ну, ребята, пляши! — сказал Елизаров. — Взяли Екатеринбург, честное слово, взяли!

— Ура! — закричали малышевы.

Новый командир полка Захаров дал всем бойцам-екатеринбуржцам отпуск на два дня. Мне и Мише Курилову он разрешил выехать в город сразу, не дожидаясь остальных.

И мы поскакали по пыльному сибирскому тракту в родной Екатеринбург.

Почти год назад, двадцать пятого июля, ушли мы из города и вот теперь возвращались. Позади оставались последние километры полуторатысячeverстного похода по дорогам гражданской войны.

Чем ближе к дому, тем тревожнее становилось на душе. Живы ли отец и мать? Ведь после ухода из Екатеринбурга я не имел от них ни одной весточки и сам не мог написать им. Живы ли Виктор Суворов, Саша Смаповский и товарищи, оставшиеся в подполье?

По дороге навстречу нам тянулись подводы. Это верхисетские возчики везли боеприпасы и трофеи 28-й дивизии, которая срочно перебрасывалась на Южный фронт. Один из верхисетцев вдруг соскочил с повозки.

— Эй, парень! Товарищ! — закричал он. — У тебя не Медведев ли фамилия?

— Медведев, — подтвердил я.

— Так ведь беда, парень, — возчик сокрушенно pokrутил головой. — В семье-то у тебя невезуха... — Он замолчал и жалостно заморгал глазами.

Сердце у меня захолонуло, а дядька продолжал молчать.

— Да не тяни ты! Чего душу выматываешь? Руби сразу! — хрипло бросил я.

— Так молодуха-то твоя, Нинка, значит, в Сибирь за белым офицером подалась и дите бросила.

Я оторопел. Потом сообразил, что это не меня, а какого-то другого Медведева постигло такое несчастье, и улыбнулся. Курилов рассмеялся.

— Свят, свят! — испуганно перекрестился возчик. — Чего же вы зубы скалите? Или ума решились?

— Да его-то жена, дядя, еще в девках ходит! — сказал Миша. — Ошибся ты!

— Как ошибся? Ведь он Медведев?

— Медведев, да не тот! — ответил Курилов, и мы пришпорили коней.

Вскоре нам опять повстречались возчики, тоже из нашего поселка. Среди них был мой ближайший сосед. На этот раз я узнал свою беду, не чужую.

— С месяц тому назад, — сказал сосед, — похоронили мы твоего папашу. Шибко тужил он по тебе. Ведь еще осенью прошлого года из Сылвы приехал его знакомый старик, привез твою фуражку. «А самого, говорит, Сашу, белые так изрубили, что и признать нельзя было». Мать твоя глаз не осушала. А отец все больше молчком горевал. Потом заболел и помер... А зять ваш, Илья Николаич, на тобольскую каторгу к белым попал. Не то расстреляли его там, не то своей смертью помер.

Тяжело сообщать неприятные вести. Мой сосед сразу же попросался и тронул свою подводку.

Мы с Куриловым молча поскакали дальше.

Так, значит, дома меня считают погибшим! Виновата фуражка, которую в августе 1918 года я потерял во время стычки с белоказаками в Сылве. На подкладке этой фуражки химическим карандашом было написано: «Александр Медведев».

Так же молча въехали мы на тихую улицу заводского поселка и заторопились каждый к себе.

С замирающим сердцем приблизился я к родному дому, слез с коня. Дверь в сени замкнута, ключа в условленном месте нет. Двор, раньше всегда чистый, теперь запущен. Недаром говорят: «Без хозяина дом сирота». Я пустил коня попасться на меже, в огороде, а сам взялся за метлу. Потом пошел к соседям, узнать, где мама.

Женщины, увидев меня, начали ахать, всхлипывать, рассказывать, как измучилась мать.

— Да где она, где? — нетерпеливо перебил я словоохотливых баб.

— В монастырь пошла, к ранней обедне, панихиду отслужить по убиенному воину Александру. По тебе, значит.

— Зачем же панихиду, коли я неверующий?

— Ну, все ж, как знать, что оно там, на том свете-то. Панихида-то, может, и неверующему сгодится...

Вернулся во двор. Солнышко пригревало все жарче. Глаза мои начали слипаться: ведь несколько ночей подряд почти не спал.

Прибрал коня, прилег на травку, подложив под голову седло, и в ту же минуту крепко заснул.

Разбудили меня теплые капли, падавшие на мои волосы, на щеки, на лоб. Я открыл глаза и увидел маму. Она стояла на коленях, наклонившись надо мной, и беззвучно плакала.

Сразу вскочил, прижал ее седую голову к своей груди.

— Ну, ну, чего ты?.. Чего теперь-то плакать?.. Вернулся ведь я, живой. Мам, слышишь? Мама!..

А вечером пошел в дом Виктора Суворова, и другая горемычная мать рассказала мне о нелегкой судьбе моего друга.

Едва поднявшийся после тяжелых приступов малярии, Виктор был арестован белыми. В тюрьме его зверски избивали, хотели расстрелять, но потом помиловали. Муж родной сестры Суворова — офицер царской армии, сын владельца крупной мастерской — участвовал десятого июня 1918 года в контрреволюционном выступлении «Союза фронтовиков», оказал сопротивление при задержании и был убит красногвардейцами. Богатая родня убитого пришла к начальнику белогвардейской контрразведки просить за Виктора. Благодаря этому Суворов и остался в живых.

Но, выпустив Виктора из тюрьмы, белые немедленно мобилизовали его в свою армию и отправили на фронт, на Южный Урал. Однако Суворов не изменил революции. Еще по дороге на фронт он сагитировал группу солдат своего взвода и при первой возможности перешел с ними к красным.

Об этом Виктор сообщил в записке, которую ему удалось каким-то образом переслать домой. Писал, что воюет теперь в Чапаевской дивизии.

Я ушел от Суворовых обрадованный, рассчитывая вскоре встретиться с другом. Но встретиться нам не пришлось. Осенью 1919 года Виктор Суворов умер от тяжелых ран в полевом лазарете на станции Абдулино. Чапаевцы похоронили его с почетом.

...Побывав у Витиной мамы, я в тот же вечер наведался к своему давнишнему наставнику Ионычу.

Телеграфист несказанно обрадовался мне. Он расспрашивал о знакомых, о боях, походах и сообщил тяжелые вести. Членов Верх-Исетского ревкома Василия Ваганова и Прокопия Кухтенко, а также еще нескольких

товарищей, оставшихся в городе для подпольной работы, выдал провокатор. Их замучили в тюрьме. Саша Смановский, лежавший в госпитале, был заживо зарыт в землю у тюремной стены...

А утром я встречал весь свой полк, прибывший в Екатеринбург. Комиссар Сергей Кожевников прислал мне записку: «Сегодня в 15.00 на площади у Московской заставы, около Верх-Исетского театра, назначен траурный митинг на братской могиле уральских коммунаров, замученных колчаковцами. Предлагаю тебе, как представителю заводской молодежи и делегату нашего полка, выступить на митинге».

К трем часам площадь перед театром заполнилась народом.

Около приготовленной братской могилы, на помосте, стояли открытые гробы с изуродованными, порубленными телами. Невозможно было узнать своих товарищей, с которыми встречался, разговаривал каждый день.

Люди, собравшиеся на площади, молчали. Тишину нарушали лишь сдержанные рыдания.

Потом открыли митинг. Начали выступать ораторы.

Когда я поднялся на трибуну, то долго не мог произнести ни слова. Вся тяжесть пережитого за год вдруг навалилась на меня.

Справившись наконец с волнением, я рассказал про Сашу Видулова, про то, как Семен Шихов поклялся отомстить за Германа Быкова и сам погиб на берегу Камы, рассказал про других товарищей, героически сражавшихся с врагом, про то, как мы, отступая далеко на запад, не теряли веры в победу.

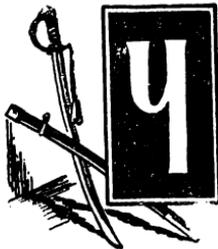
— Мы, малышевы, клянемся, что не будем щадить себя, уничтожая этих зверей, замучивших наших товарищей! Клянемся камня на камне не оставить от колчаковщины! — закончил я.

Оркестр заиграл похоронный марш. Прогремели прощальные винтовочные залпы...

Вечером следующего дня я обнял у ворот маму.

— Ну, не горюй. Теперь уж скоро совсем вернусь. Вот добьем белых — и вернусь.

асти 30-й дивизии продвигались теперь к реке Тобол. 2-я бригада держала курс на Шадринск.

Лишь кое-где нам оказывали сопротивление офицерские батальоны штурмовиков и отборная колчаковская конница.

В эти дни наш эскадрон конной разведки оторвался от пехотных подразделений своего полка и выдвинулся далеко вперед.

Как-то под вечер кавалеристы заняли большое село юго-восточнее поселка Троицкое и расположились на отдых. Новый командир эскадрона, его помощник, я и еще несколько человек устроились у сельского старосты. Начали пить чай. В это время к избе подскакали двое всадников и бесцеремонно застучали в окно.

— Эй, староста! — крикнул один из них. — Отпусти овес да подводы наряди его вывезти!

— А кто приказывает? — поинтересовался командир эскадрона.

— Полка черных гусар старший фуражир, — последовал ответ.

— Ладно, заезжай во двор...

Во дворе усатого вахмистра-фуражира и его спутника быстро обезоружили, потом привели в избу и допросили. Вместе с протоколом допроса незадачливые фуражиры были отправлены в штаб полка, а сами мы сели на коней и последовали дальше.

Проскакав за ночь более пятидесяти верст, ворвались на рассвете в село Кривское, где отдыхали черные гусары.

Часть колчаковских кавалеристов уничтожили, часть успела убежать. Нам достались обозы с фуражом и награбленным у населения добром.

На другой день наш эскадрон, петляя по извилистым дорогам через поля созревающей пшеницы, добрался до большого села Подкорытова. Здесь уже находились прибывшие раньше нас Красногусарский полк 30-й дивизии, 4-й кавалерийский дивизион, а также конные разведчики 265-го и 267-го полков 2-й бригады. Красные гусары и 4-й кавдивизион входили в состав конной группы Н. Д. Томина, которую создало недавно командование 3-й армии, чтобы ускорить продвижение вперед. Самого Томина в селе не было. Он остался позади: подтягивал пехотные подразделения 2-й бригады.

Вечером уставшие кавалеристы разбрелись по избам и легли спать. Наш эскадронный командир стянул сапоги, разделся и устроился на полу со всеми удобствами.

— Раздевайтесь и вы, товарищи, — сказал он мне и Мише Курилову. — Колчаковцы далеко... Ну, а уж в случае чего, нас разбудят красные гусары, они дозоры выставили.

Мы недолго думая последовали примеру командира и улеглись на попоне у самой двери. Духота в избе была несносная и, помучившись час-другой, мы, захватив с собой оружие, вышли во двор и устроились на телеге.

Разбудили нас выстрелы и крики:

— Вставайте! Белые!

Как выяснилось позднее, противник решил нанести частям 30-й дивизии контрудар на подступах к Шадринску и сосредоточил здесь два пехотных и два конных полка. Ночью местные кулаки сообщили белым, что в Подкорытове расположилась на отдых наша кавалерия. Взяв доносчиков проводниками, колчаковцы скрытно подошли к селу, сняли без шума несколько дозоров и успели с трех сторон окружить нас, прежде чем была объявлена тревога.

Услышав выстрелы и крики, мы с Куриловым, как очумелые, метнулись к коням. Успели только надеть сапоги да схватить оружие.

Основные силы противника завязали бой на восточной окраине села. Малышевцы, располагавшиеся в западной части Подкорытова, первыми прорвались сквозь вражеское кольцо, порубив с налету группу колчаковских

драгун, и отошли в рошу, километрах в семи от села. Вскоре туда же прискакали и остальные наши кавалеристы.

Потери мы понесли небольшие, но многие лихие конники имели весьма неказистый вид. Некоторые были босиком, другие, как я и Курилов, — в сапогах со шпорами, но без верхнего обмундирования.

На рассвете в рошу примчался с ординарцами разъяренный Томин. Приказал нам построиться и «произвел смотр» живописным эскадронам.

— Разве это конница?!—

ругался комбриг. — Это тетери, бесхвостые курицы! Общипали вас белые, как стреляных перепелок!..

Через час подошла пехота полка имени Малышева и других частей 2-й бригады.

Наши товарищи-пехотинцы вдоволь посмеялись над нами. Даже Павел Быков, очень сдержанный и редко шутивший, пустил шпильку в мой адрес:

— Никак, ты, Саня, одежду в карты проиграл? Или за постой пришлось дорого платить черноглазой Анютке?..

Томин отдал приказ продолжать наступление.

Общим ударом пехоты и кавалерии белые были выбиты из Подкорытова и покатались на юго-восток. Конная группа на плечах противника ворвалась в Шадринск.

Но мне в бою за этот город участвовать не пришлось. На подходе к нему в схватке с вражескими кавалеристами я получил сильный удар пикой по голове, вывалился из седла и потерял сознание. Если бы не каска — добротная стальная каска, сделанная на Лысьвенском заводе, — не быть бы мне живым.

Очнулся уже в Шадринске, на сеновале, с забинтованной головой. Полковой лекарь Иван Карлович долго доказывал, что мне необходимо лечь в лазарет. Я катего-

Н. Д. Томин

рически отказался: время горячее, каждый человек на счету, какой уж тут лазарет! Но от строевой службы меня все-таки на несколько дней освободили, поручили привести в порядок партийное хозяйство эскадрона. Дел в партячке действительно накопилось немало.

В середине августа 30-я дивизия вышла к Тоболу, форсировала его и двинулась дальше на восток.

«Даешь Омск, столицу Колчака!» — таков был теперь наш боевой клич.

К концу августа мы прошли от Тобола свыше ста пятидесяти километров, после чего наступление замедлилось.

Сопротивление белых нарастало с каждым днем.

Девятого сентября малышевцы с боем заняли большое село Истошину, расположенное километрах в восьмидесяти юго-западнее города Ишим.

Основные силы полка, преследуя противника, сразу же продвинулись на несколько верст восточнее села, а штаб и несколько взводов остались в Истошине. Здесь же расположились связисты, саперы и лазарет.

Утром десятого числа в селе начали собираться представители от всех партячек: нужно было выбрать делегатов на армейский съезд коммунистов.

Я приехал с передовой позиции на рассвете, поспал несколько часов и пошел в партийное бюро полка. В избе, над дверью которой висела дощечка с надписью «Коллектив РКП(б)», уже сидело много красноармейцев.

Собрание представителей ячеек открыла Нина Мельникова.

— Товарищи! — обратилась она к нам. — Мы выполнили указание нашего вождя Владимира Ильича Ленина — освободили Урал до зимы. Но это далеко не конечная цель. Теперь предстоит напрячь все силы, чтобы окончательно разгромить Колчака. И это надо сделать как можно быстрее. С юга к Москве рвется Деникин. Положение на Южном фронте очень тяжелое. Советская республика по-прежнему в опасности. Чтобы мобилизовать всю энергию коммунистов, использовать все наши возможности для ускорения полной победы над Колчаком, политический отдел 3-й армии созывает в Екатеринбурге армейский съезд РКП(б). От нас должны

быть избраны два делегата. Прошу выдвигать кандидатуры.

После короткого обсуждения делегатами выбрали командира 3-й роты Михалева и меня.

На другой день мы собирались выехать в село Армизонское, в штаб 2-й бригады, где было назначено совещание делегатов бригады. Но я провозился с передачей партийных дел почти до вечера и решил переночевать в Истошине. Михалев отправился в Армизонское один.

А вечером стало известно, что батальоны малышевцев под сильным натиском противника начали отступать. Истошино было оставлено нами. Штаб полка с обозами перебрался в деревню Снегирево.

Здесь я закончил наконец все дела, передал список коммунистов эскадрона, печать и казенные деньги писарю Володе Попову и решил хоть немного поспать перед дорогой. Но не успел лечь, как в Снегирево прискакал на взмыленном коне Миша Курилов. Он сообщил, что белые пытаются обойти нас справа.

Командир полка приказал немедленно отходить еще верст на пять — шесть.

Когда мы уже ушли от Снегирева километра на полтора, Володя Попов, ехавший рядом со мной, с дрожью в голосе спросил вдруг:

— Иваныч, а ты сдавал мне печать, список и деньги?

— Конечно, сдавал. Вот и расписка твоя у меня в кармане.

— Ну так, значит... я все это в избе забыл. Полевая сумка на стене осталась... В ней все...

— Эх ты! Разиня! — вскипел я и, круто повернув коня, помчался назад в деревню.

Вот и Снегирево. На улице никого нет. Почерневшие старые избы — все как одна. В которой же мы останавливались? Наверно, все-таки в этой. Я подъехал к окну, не закрытому ставнем. Не успел постучать, как оно отворилось и хозяйка протянула мне сумку.

— Возьми, касатик, — сказала она. — А то я сама не своя, что вы ее у меня забыли.

Пощупал сумку — печать там. Горячо поблагодарил хозяйку и поскакал обратно.

В конце деревни, из переулка слева, показалась группа людей с винтовками. Двое выбежали на дорогу:

— Стой! Кто едет?

— Свой! — ответил я, приближаясь к ним, и в тот же момент увидел в лунном свете погоны на плечах солдат. Колчаковцы!

Выхватил клинок, ударил наотмашь одного из них. Второй отскочил.

Я помчался карьером. Сзади захлопали выстрелы. Но мне повезло: удалось уйти невредимым.

Утром наши остались в какой-то деревеньке, а я поехал дальше на запад и часа через три добрался до Армизонского. Когда вошел в избу, где располагался штаб бригады, Томин уже заканчивал беседу с делегатами на армейский съезд коммунистов. Но не успел комбриг попрощаться с нами, как в дом вбежал дежурный по штабу с тревожным докладом:

— Справа, из-за озера, к селу движется колонна вражеской пехоты и конницы!

Томин поднял навстречу противнику всех, кто находился в Армизонском: два стрелковых взвода, штабников, обозников, даже санитаров лазарета и, конечно, нас — представителей на армейский съезд коммунистов.

К концу дня мы загнали белых в топкую низину между озерами. Рота колчаковцев почти целиком сдалась в плен. А эскадрон улан, одетых в голубые мундиры, дрался отчаянно и полностью был истреблен.

Допросив пленных, комбриг выяснил, что белогвардейцы нанесли сильный удар южнее Бердюжье, прорвали наш фронт и крупный отряд вражеской конницы движется теперь где-то по тылам 30-й и 29-й дивизий.

Томин решил немедленно послать в штадивы связных с донесением. В село Верхне-Суерское, где находился штаб нашей 30-й дивизии, было поручено ехать мне, а под Ялуторовск — в штадив 29-й — моему однополчанину Михалеву. На случай встречи с колчаковцами комбриг приказал нам сменить свою одежду на крестьянскую, а кавалерийские седла — на местные, кустарной выделки.

Я сел на свежего коня и, проскакав за 10—11 часов около девяноста километров, рано утром прибыл в Верхне-Суерское. Пришлось разбудить комиссара и начальника дивизии. Услышав мое сообщение, они начали срочно принимать необходимые меры, чтобы ликвидировать угрозу, возникшую в результате прорыва вражеской конницы.

Выполнив приказ Томина, я направился в Ялуторовск, чтобы встретиться там с Михалевым и вместе следовать на армейский съезд в Екатеринбург.

В дороге мы узнали, что части 30, 29 и 51-й дивизий, упорно обороняясь, начали медленный отход на запад, к реке Тобол. Вместе с ними отходило трудовое население, около года прожившее под властью Колчака и не желавшее больше испытывать на себе все прелести этого жестокого, антинародного режима. Полки обильно пополнялись добровольцами из местных крестьян.

В Екатеринбурге, в штабе армии, нас, делегатов на партийный съезд, приветливо встретили командарм Мерженинов, член Реввоенсовета армии Кузьмин и начальник политотдела Лепя. Они обстоятельно ознакомили представителей партийных организаций частей с политической обстановкой в Советской республике, с положением на фронтах. Потом товарищ Кузьмин объявил, что в связи с контрнаступлением Колчака съезд отменяется и всех делегатов решено направить в освобожденные от белогвардейцев районы Урала для срочной вербовки добровольцев в ряды Красной Армии.

После этого нас два дня инструктировали в политотделе и выдали каждому мандат уполномоченного Реввоенсовета армии.

Мне предложили выступить как делегату-фронтовику перед рабочими Верх-Исетского завода. И вот с путевкой политотдела я направился на родной завод. Сначала зашел в партком, представился. Потом заглянул в сортировку, где шесть лет назад начинал свой трудовой путь.

Когда осматривал знакомый цех, кто-то сзади обнял меня.

Я обернулся. Передо мной стоял ужасно похудевший, почти совсем седой, с большим шрамом на виске Николай Сивков. Тот, что преподавал нам, рабочим подросткам, первые уроки классовой борьбы, по чьему совету подручные мастеров-сортировщиков провели свою первую забастовку.

— Здравствуй, дядя Николай! — обрадовался я.

— Здравствуй, Саня, дорогой, здравствуй! — взволнованно произнес Сивков.

Мы обнялись.

— Последний раз слышал про тебя, дядя Николай, осенью прошлого года, в желдорбате на 61-м разъезде.

— Правильно... Был я в этом батальоне, — грустно сказал Сивков. — А потом меня, раненного в голову и грудь, увезли в Пермский госпиталь. Раны долго не заживали, залежался я... Ну а после колчаковцы Пермь захватили. Госпиталь эвакуироваться не успел. И вот тут-то началось... Пострашнее, чем на фронте. Лютовали беляки, как взбесившиеся звери. Избивали, истязали народ... И особенно нас, — тех, что в госпитале оказались. Приезжавший из Екатеринбурга начальник контрразведки палач Ермохин каленым штыком прижигал мне незарубцевавшуюся рану на виске. Видишь, какой шрам теперь...

Сивков перевел дух и продолжал неторопливо:

— Отправили меня с группой других пленных в Нижнетуринскую тюрьму, а оттуда повезли в Сибирь. И в страшном сне не может привидеться то, что творилось в нашем эшелоне. Каратели не давали нам ни есть ни пить. Люди сходили с ума от жажды, многие умирали. Мертвых колчаковцы не убирали. Трупы разлагались тут же, в вагонах. Недаром наш поезд назывался «эшелонем смерти»...

На перегоне между Тюменью и Ялуторовском мы, группа наиболее выносливых узников, проломил пол в вагоне и вырвались на волю... Теперь вот я сортировкой заведу, — неожиданно закончил дядя Николай.

Я молча, плотно сжимая губы, выслушал этот жуткий рассказ.

— Ну а тебя каким ветром занесло сюда? — поинтересовался Сивков.

— Приехал на армейский партийный съезд и получил задание вербовать добровольцев в Красную Армию. В политотделе поручили мне выступить вот здесь, на заводе, перед рабочими... Как тут дела? Кто еще из наших работает?

— Николай Михайлович Давыдов директором завода теперь. Богатырев, Сырчиков, Рыбников-старший и некоторые другие мастера — кто по возрасту, кто по ранению — тоже вернулись, в цехах трудятся... Шпынов здесь. Он при белых сначала работал, но, когда стали раскатывать серебро для чехов, разъярился старик и ушел с завода. Приходила к нему домой делегация. Уго-

варивали вернуться, грозились. Не сдался старик. Самолучно выгнал их. Такого на испуг не возьмешь... А сын сго, Сергей, — помнишь? — так он коммунист теперь, комиссаром полка на Южном фронте...

К полудню на площади между листопрокаткой и сортировкой собрались около двухсот рабочих. Я взобрался на водовозные дроги и, сильно волнуясь, начал свою речь. Рассказал как умел о политической обстановке в Советской республике. Потом говорил о боевых подвигах малышейцев — бывших рабочих Верх-Исетского завода. А закончил речь так:

— Вы здесь, в тылу, должны трудиться, не щадя сил, а мы, фронтовики, даем слово быстро добить Колчака и выполнить любой приказ Советской власти, чтобы полностью освободить нашу Республику от белогвардейцев и иностранных интервентов.

На другой день я вместе с Алексеем Третьяковым — тоже уполномоченным Реввоенсовета армии — выехал в Камышлов. Там также началось с митинга. Он был очень многолюден и проводился на соборной площади.

Затем на паре добрых коней мы отправились по деревням и селам. Примерно за неделю объехали пять волостей, записывая добровольцев в Красную Армию и тут же помогая восстанавливать на местах Советскую власть. Добровольцев было много, люди, недавно освобожденные от колчаковщины, шли в Красную Армию охотно.

В других районах вербовка прошла также успешно. Только в Екатеринбургской губернии из добровольцев сформировали четыре полка. Все они были направлены на Восточный фронт.

Меня опять вызвал к себе товарищ Лепа и предложил остаться в политотделе армии. Я решительно отказался. Начпоарм по-отечески урезонивал меня.

— Молодые коммунисты из рабочих, — говорил он, — проварившиеся в котле гражданской войны, очень нужны здесь. Надо быстрее укреплять в освобожденных районах Советскую власть, восстанавливать разрушенные заводы и фабрики.

В конце концов сошлись на том, что меня назначат инспектором политотдела 30-й дивизии. «Ничего, — ду- мал я, — потом как-нибудь и в свой полк вернусь»...

В начале ноября приехал в город Ишим, только что освобожденный от колчаковцев, а оттуда через несколько дней с группой работников подива прибыл уже в Омск.

Первой в столицу Колчака вступила четырнадцатого ноября 27-я дивизия 5-й армии. Наша, 30-я, обошла город слева и продвигалась дальше. Пришлось догонять ее на санитарной «летучке».

Вместе со мной ехал и начальник подива. В дороге, воспользовавшись случаем, я попросил его отпустить меня в полк имени Малышева. Но мой начальник рассуждал точно так же, как и товарищ Лепа:

— Фронтовиков-партийцев, многократно проверенных в жестоких боях, будем использовать на работе в политорганах как резерв для выдвижения в новые части, где народ еще сырой, не закаленный.

При подходе к станции Барабинск догнали приданный нашей дивизии, недавно сформированный конный полк, который получил название «Восточный». Комиссар полка болел сыпным тифом, и мне было приказано заменить его.

Вечером, преодолев яростное сопротивление спешенной кавалерийской части противника, мы ворвались на станцию. Она оказалась забитой вражескими эшелонами с оружием, боеприпасами, продовольствием и... «представителями российских правящих сословий», не успевшими убежать вслед за своим верховным правителем.

На товарной платформе, под навесом, что-то было ровно уложено в прямоугольник и затянуто доверху брезентом. Приблизившись с группой конников к этому прямоугольнику, я перерубил клинком веревку, державшую брезент. Тяжелое серое полотно упало вниз. И мы, солдаты беспощадной гражданской войны, не раз встречавшиеся лицом к лицу со смертью, замерли, потрясенные ужасной картиной. Перед нами аккуратным штабелем высотой не менее шести метров лежали исколотые, изрубленные, почерневшие на морозе голые трупы с кандалами на руках и ногах...

От местных жителей узнали, что незадолго до нашего прихода колчаковские каратели зверски убили в Барабинске группу красноармейцев и партийных работников, которые попали в плен к белым в 1918 году при отходе советских войск с Урала. Трупы этих мучеников и были сложены на станции.

Мы с честью похоронили тела погибших. Начальник политотдела дивизии, выступая на траурном митинге в присутствии всех жителей поселка, сказал:

— Запомните, товарищи, на всю жизнь запомните, детям и внукам своим расскажите, какой ценой пришлось платить за свободу, за светлое будущее социалистического государства рабочих и крестьян...

На следующий день полк двинулся дальше.

В дороге я вдруг почувствовал себя плохо: сильно заболела голова, пропал аппетит, начался кашель, ноги стали подкашиваться от слабости. Меня одели в трофейную собачью доху и посадили в сани.

Неподалеку от Новониколаевска (ныне Новосибирск) я, как будто немного одолев болезнь, снова сел на коня и присоединился к головному эскадрону. Мы должны были занять село Чик, находившееся рядом со станцией того же названия. По данным разведки, в селе стояла школа юнкеров, которые согласились сдать в плен.

Когда приблизились к Чику, над воротами изгороди, окружавшей село, увидели белый флаг. Но из села по нам вдруг открыли огонь несколько станковых пулеметов. «Вот тебе и добровольная сдача», — мелькнула у меня мысль. В тот же момент мой конь вздыбился и замертво рухнул на твердый укатанный снег. Я выскочил из седла, отлетел в сторону. Почувствовал свинцовую тяжесть в правой ноге. Не смог ни встать ни даже повернуться...

Больше половины эскадрона погибло в результате подлого обмана колчаковцев. Но спустя несколько часов спешенные конники других подразделений Восточного полка взяли село и истребили юнкеров всех до единого.

Со мной долго возились в полковом лазарете. Оттерли спиртом прихваченные морозом пальцы рук и ног, тщательно перевязали тяжелую рану в правом бедре и «устроили» меня в штабной обоз: госпитали наши отстали и все еще находились где-то под Омском.

И вот начал я «преследовать» белых, лежа на санях, в упаковке из собачьих дох. Временами терял сознание.

А когда приходил в себя, видел тянувшиеся навстречу вереницы грязных, оборванных пленных. По обочинам дороги валялись полузанесенные снегом трупы колча-

ковцев, торчали брошенные противником пушки, повозки, кухни.

Таким образом я добрался до станции Тайга, где части 27-й и 30-й дивизий только что разгромили соединение польских легионеров. Отсюда меня отправили с санитаром в Томск, занятый уже 2-й бригадой нашей 30-й дивизии.

Сначала меня определили в гостиницу «Европа», где размещался хороший хирургический госпиталь, брошенный белыми. Однако там я не задержался. Дежурный врач установил, что я не только ранен, но и болен сыпным тифом. Меня перевезли в другой, инфекционный, госпиталь.

Ослабленный тяжелым ранением, почти два месяца боролся я со свирепым сыпняком. Потом мне сделали операцию: извлекли пулю, застрявшую в ноге. И только в апреле 1920 года закончилось мое лечение.

В погожий весенний день вышел я из здания армейского эвакуационного пункта, держа в руках денежный аттестат, пачку ассигнаций и заключение военно-врачебной комиссии. В заключении было написано: «Признать годным к нестроевой службе во фронтовом тылу. В целях быстрого восстановления здоровья обеспечивать усиленным питанием в течение трех месяцев».

Раздумывая о том, что делать дальше, случайно встретился с Иваном Карловичем Спариним. Бывший лекарь полка имени Малышева, оказывается, работал теперь старшим инспектором санитарного отдела 5-й армии. Узнав о моем положении, Иван Карлович предложил мне занять должность комиссара санитарных поездов, курсирующих на линии Томск — Тайга — Новониколаевск.

— Конечно, санитарная служба — это не конная разведка. Но и мы делаем очень важное дело — возвращаем в строй больных и раненых красноармейцев. Так что ты, дружище, не стыдись этой работы. Да, пользуясь обстановкой, нажимай на самообразование: знания нам нужны не меньше, чем боевой опыт, — так напутствовал меня старый коммунист товарищ Спарин.

И я стал комиссаром санитарной службы. Помня совет Ивана Карловича, с жадностью читал книги, внимательно слушал лекции, доклады. Бывало так: утром, беседуя с красноармейцами, разъясняешь им, в чем суть современного капитализма, а вечером на курсах комиссаров сам сдаешь зачет по политической экономии.

Нередко приходилось участвовать и в операциях по уничтожению белогвардейского охвостья, различных банд, которые занимались террором и грабежом. А тем временем наша тридцатая несла службу в Забайкалье, на реке Селенга, прикрывая советскую границу. За героический поход от Омска до Иркутска и уничтожение остатков колчаковской армии 30-я дивизия была награждена почетным революционным Красным Знаменем Реввоенсовета республики. Ей присвоили наименование «Иркутская».

Летом я получил письмо из родного полка от своих друзей Павла Быкова и Михаила Курилова. Они передавали привет от всех земляков и приглашали к себе, обещая угостить вкусной селенгинской рыбой.

Но осенью 1920 года 30-я дивизия была переброшена на Южный фронт.

Там она вновь отличилась — на этот раз в борьбе против Врангеля. Мои однополчане-малышевцы штурмом брали Чонгарские укрепления и вместе с другими советскими полками освободили от белогвардейцев Крымский полуостров.

Здесь, у берегов Черного моря, и закончился героический поход нашего прославленного соединения, прошедшего по долинам и по взгорьям славный боевой путь в суровые незабываемые годы гражданской войны.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Детство кончилось	3
Заводской „институт“	15
Великие сдвиги	31
По вражьи́м закрадкам	47
Были сборы не долги	55
У Черной речки	63
„Летучая“ почта	70
Даем отпор	78
Мы вернемся!	88
Имени Малышева	96
Кунгурская оборона	107
За Камой	118
Вперед — на Урал!	125
В Сибири	139

Александр Иванович Медведев

ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ

Редактор *Новиков Е. А.* Художник *Зикеев Н. К.*

Технический редактор *Коновалова Е. К.* Корректор *Елчина Л. Г.*

Сдано в набор 31.5.60 г. Г-63619 Подписано к печати 23.9.60 г.
 Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂ — 4³/₄ печ. л. = 7,79 усл. печ. л. + 1 вкл. — ¹/₃₂ печ. л. =
 = 0,103 усл. печ. л. 7,836 уч.-изд. л.

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
 Москва, Центр, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 8/2335.

Зак. 416.

1-я типография
 Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
 Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 3 р. 90 к.
 с 1.1.1961 г. — 39 коп